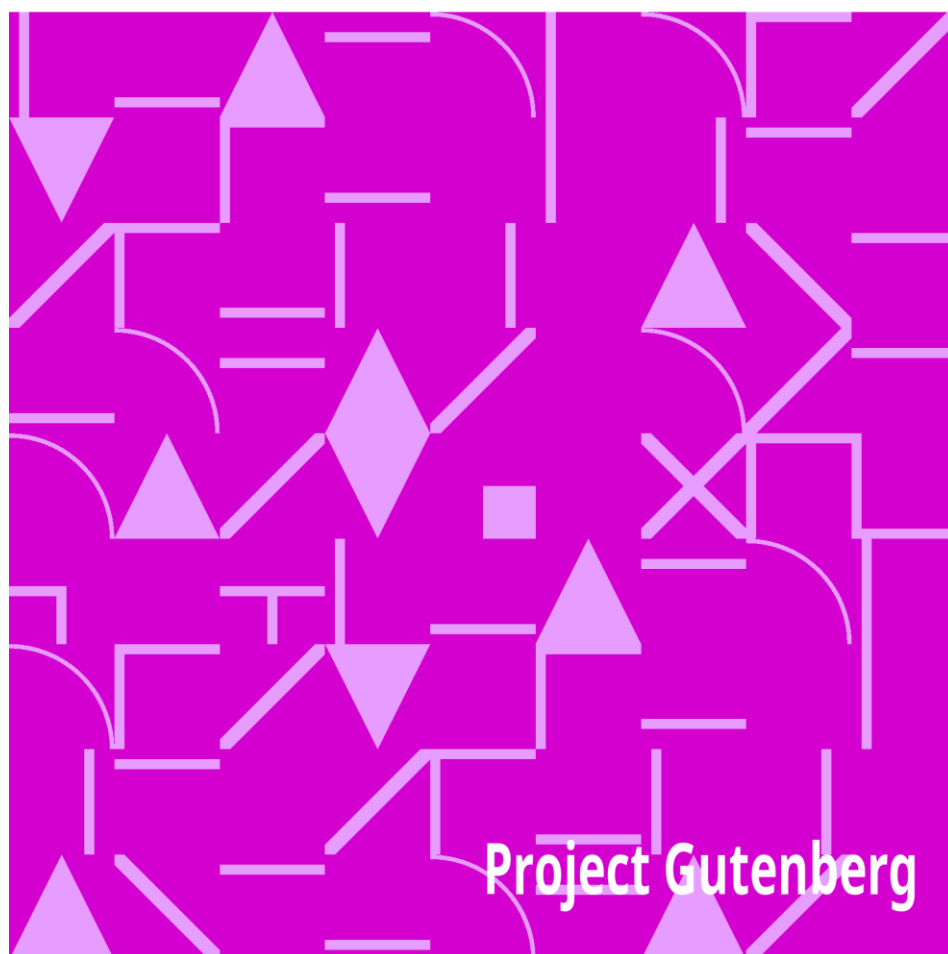

Традиции североамериканских индейцев, Том 2

Джеймс Атеарн Джонс

**Traditions of the North American Indians,
Vol. 2**

James Athearn Jones

Электронная книга проекта Гутенберга о традициях североамериканских индейцев, том 2

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Традиции североамериканских индейцев, том 2

Автор: Джеймс Атеарн Джонс

Дата выхода: 15 марта 2007 [Электронная книга №20827]

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Дэвид Шаал, Шарлин Тейлор, Чак Грейф и команда онлайн-корректоров на <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных Канадским институтом исторических микрорепродукций (www.canadiana.org))

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ТРАДИЦИИ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ", Т. 2 ***

Разработан и выгравирован У. Х. Бруксом, А. Р. Е. А.
Она ушла! эта прекрасная форма - всего лишь тень. страница 87.

ТРАДИЦИИ NORTH AMERICAN INDIANS, BEING A SECOND AND REVISED EDITION OF "TALES OF AN INDIAN CAMP." BY ДЖЕЙМСА АТЕАРНА ДЖОНСА. В

В ТРЕХ ТОМАХ.

ТОМ II.

ЛОНДОН:

ГЕНРИ КОЛБЕРН И РИЧАРД БЕНТЛИ,

НЬЮ-БЕРЛИНГТОН-СТРИТ.

ЛОНДОН:

Ф. ШОБЕРЛ, июнь, ЛОНГ-АКР.

ТАРЕЛКИ.

ТОМ I.

Фронтиспис

Сын Ваконды

ТОМ II.

Фронтиспис

Пещеры Кикапу

ТОМ III.

Фронтиспис

Гаранга

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОГО ТОМА.

Легенды о Сотворении Мира.

Я. Два чаппеви.

II. Сакечак, Охотник.

III. Птица веков.

IV. Великий заяц.

V. Шесть нантикоков.

VI. Всеобщая Мать.

Приход Миквона.

Погребальный костер.

Раздел сыновей на части.
Скала Девы.
Экспедиция Ленни Ленапеса.
Гиттши Гаузини.
Ампато Сапа.
Пещеры Кикапу.
Гора Маленьких Духов.
Долина Светлых Древних обитателей.
Легенда о Мошупе.
Женщина-призрак. Традиция виннебагов
Два призрака.
Видение вождя абнаки.

РАССКАЗЫ ОБ ИНДЕЙСКОМ ЛАГЕРЕ.

ЛЕГЕНДЫ О СОТВОРЕНИИ МИРА.

I. ДВА ЧАППЕВИ.

ТРАДИЦИЯ ПЛЕМЕНИ СОБАЧЬИХ РЕБЕР.

На узком проливе, между двумя бурными морями, жил юноша Чаппьюи, чей отец, старик Чаппьюи, был первым из людей. Старик Чаппью, первый из людей, когда он впервые высадился на землю, недалеко от того места, где у нынешних Собачьих ребер есть свои охотничьи угодья, нашел мир прекрасным, изобилующим едой и приятными вещами. Сейчас в мире нет ничего, чего не было бы в нем тогда, кроме красной глины, каноэ с двенадцатью веслами и рома белого человека. Тогда, как и сейчас, киты резвились в жидкой стихии; овцебыки заполняли поляны, а олени, медведи и волки паслись на холмах или рыскали по лесу. Но в то время не было каноэ, потому что некому было грести на нем; не было рома, потому что кто стал бы его пить? а красную глину нашли только много времени спустя, когда у молодого человека Чаппью пошла кровь из носа и окрасила землю, часть которой с тех пор стала красной.

Когда старик Чаппью пришел на землю, он не нашел на ней ни мужчины, ни женщины, ни ребенка. Зная, что быть одному нехорошо, он сотворил детей. Этим детям он дал два вида фруктов, черные и белые, но запретил им есть черные. Отдав свои распоряжения правительству и руководству своей семьей и запасшись для них большим количеством провизии, он на время простился с ними, чтобы отправиться в далекую страну, где обитало солнце, с целью показать ему мир, который еще не посещали его лучи. Итак, взяв с собой три тысячи больших жареных морских свинок, океаны черной рыбы, тридцать крупных китов и много табака, чтобы он мог по дороге делать все необходимое, есть и курить, он отправился в обитель солнца. После очень долгого путешествия и долгого отсутствия он вернулся, принес с собой великолепное светило, которое с тех пор освещает землю в некоторых странах часть часов каждого дня, а в других

странах - часть дней каждого года. Вернувшись, он, к своей великой радости, обнаружил, что его дети остались послушными, ели только белые плоды и, следовательно, пока что были вне досягаемости болезней и смерти. Поэтому он снова покинул их, чтобы отправиться в очередную дальнюю экспедицию. Он увидел, что великое светило, которое он подарил миру, освещало его только на часть часов каждого дня, а в замерзших регионах Севера - только на часть дней каждого года. Теперь, в стране, из которой старик Чаппью принес солнце, он увидел другой шар, созданный для освещения темных часов. Именно для того, чтобы проводить это второе солнце до границ своей страны, он снова попрощался со своими детьми и жилищем и отправился во вторую экспедицию.

Пока старик Чаппью отсутствовал в своей первой экспедиции, его дети съели все белые фрукты, и он забыл, прежде чем оставить их во второй, пополнить их запасы. Долгое время они сопротивлялись властным призывам голода, но, в конце концов, их тяга к еде стала настолько назойливой, что они съели запретный дар — черный плод. Чаппеву вскоре вернулся, принес с собой прекрасную яркую круглую луну, лампу для темных часов и великолепия сезона, когда солнца нет. Не успел Он прийти, как увидел в глазах своих детей, что они нарушили Его заповеди и вкусили плод болезни и смерти. Он видел это на лице одного, распростертого на одре болезни; в глазах другого была написана скорая смерть, а на лбу третьего - более легкие боли, свойственные человеческому телу. Он был очень недоволен ими и сказал им, что в будущем земля будет приносить плохие плоды; что болезни уложат их на ложе из листьев, а боли пронзят их кости; что их жизнь будет жизнью усталости и опасностей, а их смерть — смертью сомнений и мучений - наказанием, которое по сей день постигает его потомков.

Доставив солнце и луну на землю, старик Чаппью отдохнул от своих трудов и больше не совершал дальних экспедиций. Он прожил много, очень много лет, и смерть не пришла к нему. Но для всех окружающих последствия были тем, что он осуждал, и он имел несчастье увидеть, что его предсказание подтвердилось. Земля давала плохие плоды; клюква и брусника гнили на побитых морозом кустах, а клубника сморщивалась на заплесневелой лозе. Он видел, как вырастают кривые деревья, которые до непослушания его детей росли только прямыми; и животные, которые раньше были только гладкими и круглыми, теперь были бедными и истощенными. Он видел, как болезнь укладывала его детей на подстилки из листьев, а боли терзали их кости; он видел их жизни, жизни, полные усталости и опасностей, и их смерти, смерти сомнений и агонии. Он снова увидел их души в тумане Водопада и услышал музыку их голосов, в то время как их тела лежали в священном сарае. И все же смерть не пришла к нему. Теперь он прожил так долго, что у него пересохло горло, и он больше не мог наслаждаться жизнью, но он не мог умереть. Его зубы сгнили и сотни раз обновлялись; его язык неоднократно вырывали и заменяли; а глаз, голубых, белых и серых, у него было очень много пар. Поняв, что жизнь — это дар, с которым он не мог легко расстаться, возможно, не без какой—нибудь хитрости, он призвал к себе одного из своих людей - это был не его сын и не сын его сына; нет, ни один из двадцатого поколения - все они ушли.

- Ступай, - сказал он, - к реке Медвежьего озера и приведи мне человека из Маленького Мудрого Народа.^[1] Пусть это будет собака с коричневым кольцом на конце хвоста и белым пятном на кончике носа. Пусть ему будет всего два сезона от роду, в первый день наступающей Лягушачьей Луны, и следите за тем, чтобы его живот не был слишком большим, и следите за тем, чтобы его зубы были острыми. И поторопись, чтобы я мог умереть".

Человек сделал, как ему было велено. Он пошел к реке Медвежьего озера и привел человека из Мудрого Четвероногого Народа. У него было коричневое колечко на конце хвоста и белое пятнышко на кончике носа. Ему было всего два сезона от роду, в первый день Лягушачьей Луны, и зубы у него были очень острые, как у любого, кто сунул бы между ними пальцы. Он привел его силой, потому что тот очень не хотел идти к старику Чаппеви, который дал следующие указания по его лечению.

- Отведи Мудрого Четвероногого, - сказал он, - к истоку реки Коппермайн и окуни его четыре лапы в бурлящий источник, который дает ей начало. Дайте ему выпить немного нешкаминника, расчешите ему волосы и почешите живот, чтобы привести его в хорошее расположение духа. Шепчите ему на ухо слова ободрения. Скажи ему, чтобы он не позорил себя и героизм своей расы ни криками, ни слезами, ни стонами, но переносил боль как мужчина. И когда ты произнесешь слова утешения, вырви у него из пасти семь зубов".

И они сделали, как велел им старик Чаппеви. Они пошли к Бобру и сказали ему так:

"Маленький Мудрый представитель расы Четвероногих, старик Чаппью приказал нам окунуть твои четыре лапы в бурлящий источник, из которого берет начало Медянка, дать тебе выпить чашечку приятного сока нешкаминника и привести тебя в хорошее расположение духа, расчесав твою шерсть и почесав живот. И он умоляет вас не позорить себя и хваленую мудрость вашей расы ни криками, ни слезами, ни стонами; но переносите боль как мужчина, такой, какой вы есть. И нам приказано, после того как будут произнесены наши мирные слова, вырвать вам семь зубов".

На эту речь бобр ответил так, как отвечает любой другой человек в неволе. Он заявил, что "с большим удовольствием расстался с семьей своими зубами, чтобы угодить старику Чаппью, и не возражал окунуть лапы в верховья Коппермайна, при условии, что его отнесут туда". От глотка нешкаминника отказался бы только дурак, а то, что ему причесали голову и почесали живот, было почти так же вкусно, как пир. Все это было сущей ерундой, как известно каждому.

Когда все, о чем просил Чаппеви, было выполнено, они принесли старику Чаппеви семь острых зубов Мудрого Четвероногого Человека. Он приказал им созвать всех своих потомков вокруг него; и, когда они собрались вместе, он обратился к ним так:

"Я стар - воистину, старик Чаппью. Мое горло измучено, и я больше не могу наслаждаться жизнью; мой язык неоднократно подвергался истиранию и обновлению; мои зубы заменялись сотни раз; и я смотрел на красоту земли и великолепие неба, на деревья, и цветы, и плоды, и на яркие звезды, и на бледную луну, и на великолепное дневное светило глазами самых разных цветов. Но я устал от жизни и хочу уснуть сном смерти. Когда я смотрю на существ и вещи вокруг меня и вижу боль, и нездоровье, и печаль, и нужду, которые стали горькой долей всего остального после непослушания моих детей, я теряю желание иметь новую пару глаз и не прошу больше пользоваться угасающим зрением тех, что сейчас находятся в их глазницах. Я уйду отсюда. Возьми семь зубов Маленького Мудрого Четвероногого Человечка и вонзи их — по одному в каждый висок, по одному в середину моего лба, по одному в каждую грудь, по одному во впадину на моей спине и по одному в большой палец моей правой ноги". Они сделали, как он им велел, и вонзили зубы в его тело в назначенных местах. Старик трижды застонал, когда зуб вонзился ему в большой палец ноги, а потом умер.

На узком проливе, между двумя шумными и бурными морями, жил юноша Чаппьюи, чьим предком был старик Чаппьюи, и вместе с ним жила его семья. Он жил охотой и рыбной ловлей, но больше последней, из-за большой легкости, с которой он ловил различные виды рыб, которые переправлялись из одного моря в другое через узкий пролив. Ему оставалось только забросить свою сеть в воду и вытащить ее полностью; можно было почти сказать, что его копье, брошенное наугад в пролив, наверняка насадит на него хорошую жирную рыбу. Когда-то давно, построив плотину для ловли рыбы, было поймано такое огромное количество, что пролив засорился, а вода поднялась и залила все лицо земли. Чтобы спасти себя и свою семью от ужасного потопа, он посадил их всех в свое большое каноэ, взяв с собой всевозможных зверей и птиц. Вода покрывала землю в течение многих лун, и их пища была почти исчерпана: несколько жареных акул и немного вареного морского ила - вот и все, что у них осталось. По-прежнему не было никаких признаков исчезновения победоносной стихии с лица завоеванной земли. Земли не было видно, и солнце, которое иногда своими лучами на волнах указывало, где находится земля, погруженная в океан, сейчас не давало никаких признаков спада вод. Молодой человек Чаппью, узнав, как обстоят дела, сказал своей семье: "Мы не можем так жить, мы должны снова найти землю, иначе мы умрем; мы и все животные, которые у нас есть с нами". Поэтому он созвал великий совет всех существ и предложил, чтобы одно из них нырнуло в великую бездну и набрало немного грязи, чтобы сотворить из нее мир. Бык, которого попросили взять на себя опасную службу, отказался, потому что, по его словам, ему мешал хвост; мамонт отказался из-за своего хобота; лось и олень ссылались на свои рога; ноги овцебыка были "слишком короткими"; фактически, все животные, за исключением бобра, приводили какие-то оправдания. Он заявил о своей готовности пойти на риск, которому кто-то должен подвергнуться, и, не мудрствуя лукаво, спустился вниз под аплодисменты всех животных. Вскоре его тушу увидели плавающей на поверхности воды, и все поняли, что он пал жертвой своего мужества и неустрашимости.

Потребовалась еще одна попытка, и после долгих уговоров мускусную крысу заставили это сделать. Его не было долго, очень долго, и они предполагали, что его постигла та же участь, что и несчастного бобра; но как раз в тот момент, когда они отдали его и готовились выбрать по жребию третье животное для того же поручения, он появился, почти мертвый от усталости, но в лапах у него было немного земли. Вид земли очень обрадовал молодого человека Чаппью, но его первой заботой была безопасность его верного слуги, крысы, которую он нежно тер руками и лелеял у себя на груди, пока она не ожила. Затем он взял землю и, скатав ее пальцами в шар, положил на воду, где она постепенно увеличивалась, пока не образовала маленький остров в океане. Следующей его заботой было обеспечить этот остров людьми, зверями и птицами. Волк, которого он стремился убрать с дороги, так как он был печальным рычащим человеком, был первым животным, которого юноша Чаппью поместил на новорожденную землю; но вес существа был так велик, что оно начало заваливаться набок и было в опасности перевернуться. Чтобы предотвратить этот несчастный случай, волку было приказано продолжать передвигаться быстрым шагом вокруг острова, что он и делал в течение целого года; и за это время земля так сильно увеличилась в размерах, что все находившиеся на борту каноэ смогли высадиться на нее. После долгого и опасного дрейфа каноэ туда-сюда его путешественники, наконец, смогли ночью приклонить головы на твердой земле и заснуть, не укачиваемые бурными волнами.

Чаппеви, приземлившись, увидел, что на земле нет деревьев: ему бы хоть немного. Он воткнул обломок палки в землю; она превратилась в ель и росла с такой удивительной быстротой, что вскоре ее верхушка достигла небес. Однажды давным-давно Чаппеви, будучи на охоте, увидел

белку и погнался за ней. Проворный зверек взбежал на ель, преследуемый охотником, который пытался повалить его, но не мог догнать. Однако он продолжал погоню, пока не достиг страны звезд. По пути он видел много любопытных вещей: метеоры, кометы, ушедших друзей, танцующих свои танцы в Северном небе; облака всех видов и расцветок; духов, летающих в воздухе. То он ощущал пронизывающий ветер, то теплый бриз; то проходил мимо группы штормов, обрушивающихся на землю; или одной-двух молний, снова устремляющихся в небеса; или грома, несущегося верхом на туче; или града, мчащегося на битву с неистовством и яростью; или снежной толпы, ищущей более холодной погоды и места для ночлега. Наконец, он достиг страны звезд. Он нашел землю, гораздо более прекрасную, чем та, которую он оставил позади, на узком проливе между двумя бурными морями. Он нашел там одну обширную равнину, через которую вела широкая и гладко выбитая дорога, но белку он не увидел. Насладившись некоторое время окружающим великолепием и услаждая свой слух нежной музыкой, которая доносилась неизвестно откуда и от кого, он подумал о том, чтобы поставить на дороге силок, сделанный из волос его сестры, чтобы поймать белку. Сделав это, он спустился по дереву, пока не спустился на землю. На следующее утро солнце, как обычно, появилось на небе; но в полдень оно попало в силок, который Чаппеви расставил для белки, и небо мгновенно потемнело. Такого никогда раньше не случалось, что вызвало большое удивление и ужас среди людей, живших в узком проливе, между двумя бурными морями. Жена Чаппеви сказала ему: "Ты, должно быть, сделал что-то очень плохое, когда был на дереве, потому что мы больше не наслаждаемся дневным светом. Великолепный шар, который принес нам старик Чаппью, прежде чем его дети отведали черных плодов, исчез. Увы нам, потерявшим нашего лучшего друга, солнце! Увы, для нас, которые, возможно, причастны к ночи, которая никогда не будет знать конца!"

Молодой человек Чаппьюи ответил своей жене: "Я действительно сделал кое-что очень плохое, но это было не намеренно. Я вижу все насквозь. Солнце попало в силок, который я расставил для белки. Его нужно освободить и снова дать ему возможность освещать наши шаги в течение определенного количества месяцев в году и части часов каждого дня".

Чтобы исправить допущенную им ошибку, он подозвал к себе каркаджу и велел ему взобраться на дерево и освободить солнце, разрезав силок.

Отважный горный кот с готовностью подчинился, но жар этого светила был таким сильным, что превратил его в пепел. За ним были посланы медведь, россомаха, волк и пантера по отдельности, но всех их постигла одна и та же участь. Усилия более активных животных были таким образом сведены на нет, и Чаппеви не знал, что делать, и никто в большом совете не мог ему этого сказать. После долгого периода молчания земляной крот встал и сказал, что попытается это сделать. После чего среди всех зверей раздалось громкое и всеобщее хихиканье по поводу того, что такое неуклюжее и пресмыкающееся существо, каким он был, предложило себе такое опасное и далекое задание. Волк рассмеялся в форме отвратительного рычания; лиса хихикала так, словно совершил удачную кражу; лошадь заржала и лягнулась, как обычно у него бывает в моменты чрезмерной радости или гнева; а медведь затряс боками так, что они чуть не лопнули.

- Неделька, неделька, неделька, что за дурак! - пропищал поросенок.

"Ба, какой придурок!" - воскликнула овца.

"Боу, ух ты, ух ты, где мой хвост?" - закричал пес, бегая вокруг, чтобы найти его, как он всегда делает, когда очень радуется. Все животные, так или иначе, свидетельствовали о своем презрении к хорошему маленькому созданию, которое любезно сделало это предложение. Но каким бы неуклюжим и пресмыкающимся он ни был, и как бы сильно они ни смеялись над ним, он преуспел в этом, зарывшись под дорогу в небе, пока не добрался и не разрубил ловушку, которая удерживала солнце. Однако он потерял зрение в тот момент, когда высунул голову на свет, и с тех пор его нос и зубы были коричневыми, словно обожженными. Во время этих сделок остров Чаппеви продолжал расти, пока не увеличился до нынешних размеров большого острова.

И вот юноша Чаппью подготовил свой остров для проживания существ. Сначала он проследил русла рек, проводя пальцами по земле, и соскреб озера ложкой. Добравшись до гор, он сделал остановку. "Что мне делать с этими кучами земли?" спросил он себя. После долгих размышлений о труде, который потребуется для их удаления, он решил оставить их здесь. До сих пор все животные, бестии, рыбы и т. Д. безразлично обитали на суше или в воде. Акула и морская свинья, хотя и были очень неуклюжими и легко уставали, тем не менее могли немного пройти, а кит, хотя его переваливающаяся походка вызвала бы у вас смех, все же ухитрился за короткое время преодолеть значительный участок сухой земли. Чаппеви теперь определил четвероногим, птицам и рыбам их надлежащее положение и жилища и, наделив их определенными способностями, сказал им, что в будущем они должны сами обеспечивать свою безопасность, потому что человек уничтожит их всякий раз, когда найдет их следы; но, чтобы утешить их, он ласково сказал им: "Когда вы умрете, вы будете подобны зерну травы, которое, брошенное в воду, снова прорастет к жизни". Животные возражали против такого устройства, и боров, говоривший, сказал: "Нет, пусть мы, когда умрем, будем подобны камню, который, будучи брошен в озеро, навсегда исчезнет из поля зрения человека". Поэтому было приказано, чтобы прекращение дыхания животного означало его полное уничтожение и чтобы только собака была спутником человека после смерти.

Семья молодого человека Чаппью жаловалась на смертную казнь, назначенную им стариком Чаппью за то, что они съели черный плод, и они ходатайствовали об изменении приговора; на что он разрешил, чтобы те из них, кому приснились определенные сны, были знахарями, способными лечить определенные болезни и продлевать жизнь. Чтобы сохранить это достоинство, им было предписано не рассказывать о своих снах до истечения определенного периода. Чтобы обрести силу предсказывать события, обрести око, которое должно видеть темные тайны будущего, услышать слова судьбы в вое ветров и увидеть характер неизвестных вещей в аспекте небес, им было приказано вставить живого муравья под кожу левой руки, никому не сообщив об этом. И всякий раз, когда они чувствовали, что он шевелится во плоти, им приказывали натянуть на глаза шкуру молодого барсука, положить головы на пучок листьев черного граба и как можно скорее уснуть. Первый сон, который они должны были увидеть впоследствии, всегда оказывался правдой.

Долгое время потомки Чаппеви были объединены в одну семью, но в конце концов несколько молодых людей были убиты во время игры, возникла ссора, и произошло всеобщее рассеяние человечества. Некоторые — очень многие — ушли за горы, которые молодой человек Чаппью пренебрег сравнять с землей. Другие отправились на берег океана, где обитали моржи; другие снова отправились в земли, на которые падают солнечные лучи от Большой Луны, пока она не взойдет снова. Некоторые отправились к берегам моря, которое никогда не тает; а некоторые - к

краю вод, которые никогда не замерзают. Один индеец поселился на берегу Большого Медвежьего озера, взяв с собой только собаку, большую, с детенышами. В свое время эта собака произвела на свет восемь щенков. Всякий раз, когда индеец выходил порыбачить, он привязывал щенков, чтобы они не разбрелись по выводку. Несколько раз, подходя к своей палатке, он слышал доносящиеся из нее звуки, похожие на разговоры, смех, плач, причитания и веселье детей; но, войдя в нее, он увидел только щенков, связанных, как обычно. Его любопытство было возбуждено услышанными звуками, и он решил понаблюдать и узнать, откуда исходили эти звуки и что они собой представляли. Однажды он притворился, что вышел порыбачить, но вместо этого спрятался в удобном месте. Через короткое время он снова услышал голоса и, внезапно вбежав в палатку, увидел резвящихся и смеющихся красивых детей, рядом с которыми лежали собачьи шкуры. Он бросил собачьи шкуры в огонь, и дети, сохранив свой надлежащий облик, выросли и стали предками народа Собачьих ребер.

II. САКЕЧАК, ОХОТНИК.

Жил-был в стране каддо хороший и набожный охотник и рыбак по имени Сакечак, или "тот, кто обманывает выдру". Он жил со своей семьей на небольшом холме Вечеганаво, на границе озера Каддок. Это был высокий мужчина, худощавый, но очень активный и способный переносить большую усталость, чем волк или дикая кошка, — способный прожить шесть дней без еды и следующие шесть дней пировать без перерыва. Ни у кого не было таких глаз, как у Сакечака, чтобы следовать по следу легконогого животного по замерзшей земле; никто, как он, не мог безошибочно поймать лосося на глубине в два человеческих роста. Не был этот охотник лишен и качеств воина. Когда падука пришли с враждебными намерениями к берегам озера Каддок, среди тех, кто первым снял копье и заплел прядь волос на голове, был Сакечак, охотник с маленького холма Вечеганаво. Он был тем, кто первым издал боевой клич; он был тем, кто первым снял скальп с Падуки; он был тем, кто дальше всех преследовал отступающего врага, и он тот, кто вернулся из утомительного преследования, чтобы дольше всех танцевать танец Триумфа. А Сакечак был столь же мудр, сколь и храбр, и столь же хорош, сколь и мудр. Никогда его не ловили на том, что он давит на свои чувства, пытаясь вырваться из-под контроля или руководства; его слово почиталось в совете как слово мудрости; его предупреждение об опасности воспринималось как крик совы. Он никогда не насмеялся над несчастными, не смеялся и не глумился над безумцами; он всегда был почтителен к старикам; и он ежедневно взывал к Хозяину Жизни с возвышенности, густо намазывая волосы глиной, и при каждой удачной охоте предлагал тому же Великому Судье и покровителю людей лучшую часть пойманных им животных. Это Великое Существо относилось к нему с большей любовью, чем он относится к другим смертным, и показывало это многими знаками. Рыба, которую он ловил на копье, всегда была жирнее, чем у других охотников; оленя, лежавшего у ног жены Сакечака, простой мальчик не мог поднять, как других мужчин. Раздавшийся раскат грома и сваливший с ног ветер - лесные деревья в других местах никогда не производили такого действия, как высокие дубы, укрывавшие холм Вечеганаво. Зерно у этого доброго охотника взошло надва солнца раньше, чем у других людей, и табак в его саду был спелым, желтым и годным к употреблению, в то время как табак у его соседей был зеленым и пищей для червей. Каддоки и другие индейцы могли бы достаточно насмотреться на награды, даруемые доброте в лице Сакечака, чтобы заставить их оставить свое злодейство. Но нет, они продолжали грешить, пока

Великое Существо не сочло их более непригодными для жизни на земле, которую он создал для их использования.

Однажды, когда Сакечак собирался дать отдых своим конечностям на время темноты, он почувствовал шевеление муравья, который лежал под кожей его левой руки, и, завязав глаза шкурой молодого барсука, он положил голову на пучок листьев черного граба и уснул как можно скорее[2]. Его мечта была странной и чудесной, и она осуществилась. Он увидел Хозяина Жизни, став первым Каддоком, который когда-либо видел его. Это был очень высокий и рослый мужчина, внешне похожий на индейца во всем, кроме рук, каждая из которых представляла собой острое копье ужасных размеров, а его язык был огромной стрелой. Его глаза были яркими, как солнце, и каждый намного больше; его волосы были очень длинными и касались земли, и он носил огромную белую шляпу[3]. Каждая его ступня была больше, чем озеро Каддок. Он обратился к сновидцу своим самым тихим шепотом, который, тем не менее, был громче самого громкого раската грома, и его слова были таковы:

"Сакечак!"

Охотник ответил: "Я слышу".

- Мир становится очень порочным, Сакечак.

"Я знаю это", - ответил охотник.

"Я больше не слышу голосов людей, молящих меня о милостях, просящих моих молний охладить воздух, ни моих дождей освежить землю, ни моих солнц, чтобы созрел урожай. Они больше не благодарят меня ни за жирных медведей, и лосей, и оленей, и бизонов, которых я посылаю в их охотничьи угодья, ни за лосося и другую сочную рыбу, которую я отправляю в их воды, ни за кукурузу, которую я приказываю выращивать высокой и сладкой для их употребления, ни за сочный виноград, который я выращиваю, чтобы пригибать их лозы к земле. Я должен подмести, омыть и очистить землю; я должен стереть с ее лица все живые существа".

Тогда Сакечак сказал: "Что я сделал, Повелитель Жизни! что я должен быть вовлечен в это всеобщее разрушение? Разве я не предложил тебе лучшую из моих трофеев?— Разве я когда—нибудь пренебрегал просьбой о твоей благосклонности к моим трудам или благодарностью за богатые дары, которыми ты осыпал меня и мою семью, - здоровье, изобилие и веселые сердца?"

Учитель ответил: "Нет, Сакечак, ты действительно был хорошим слугой; в мои намерения никогда не входило уничтожать тебя; я спасу тебя от общей участи; но я хочу, чтобы ты помог в уничтожении твоих братьев. Слушайте!

- А теперь ступай и срежь себе молодой болиголов с того места, в которое ударили мои молнии в последнюю Лихорадочную Луну. Пусть ему будет не более десяти сезонов — прямой, хорошо выросший, с тонкими пропорциями ствола, с пышными ветвями, полными шишек, и темно-зелеными листьями. Соберите шишки и принесите их вместе со стволом и листьями к подножию холма Вечеганаво, когда утреннее солнце окрасит своим блеском облака на востоке. Сожгите их в костре, разведенном из сухих веток дуба, разожженных соломой дикого риса. Когда куча полностью превратится в пепел, возьмите пепел и рассыпьте его по кругу вокруг холма Вечеганаво. Ничего не нужно собирать в пределах окружности холма, поскольку живые существа сами отступят к нему в поисках безопасности; и, когда это будет сделано, возьмите

ствол болиголова, очищенный от ветвей, и воткните его в землю в том месте, где виден большой пучок зеленой травы, растущей на сухом и бесплодном холме. Там находится великий источник вод; и когда посох будет воткнут в землю, фонтан вырвется наружу, и земля будет сметена, омыта и очищена великим потоком, который захлестнет ее. Сакечак и его семья единственные из всех жителей земли будут спасены, и существа, которых он соберет вокруг себя на маленьком холме Вечеганаво, будут единственными, кто избежит всеохватывающего уничтожения".

Сказав это, Великое Существо отступило от видения спящего охотника, который проснулся с мечтой, запечатленной в его сознании, и, повинувшись полученным приказам, приготовился внести свой вклад в ее осуществление. Он пошел к месту, указанному Учителем, — месту, в которое ударила молния в последнюю Лихорадочную Луну, — и срезал в роще болиголова молодое деревце, полное шишек, со стволом прекрасной формы, с пышными ветвями и темно-зелеными листьями. Этот ствол с листьями он принес на холм Вечеганаво, когда утреннее солнце окрасило своим сиянием облака на востоке. Он сжег их все, кроме ствола, в костре, разведенном из сухих веток дуба, разожженных соломой дикого риса. Когда куча полностью превратилась в пепел, он собрал пепел и рассыпал его по кругу вокруг холма Вечеганаво. Затем он взял посох, или ствол цикуты, очищенный от ветвей, и глубоко воткнул его в землю в том месте на холме, где среди бесплодия рос большой пучок зеленой травы. Когда он это сделал, огромный фонтан разбился, и воды хлынули мощным потоком. Медленно и постепенно стихия начала накрывать землю, а охотник и его семья наблюдали за этим. Теперь появились низины, но так, как они появляются в сезон ливней, здесь немного воды, и там немного воды; вскоре они превратились в одно огромное полотно. Теперь небольшой холм скрылся из виду, затем исчезли верхушки деревьев; снова был замечен высокий холм, скрывающий свои вершины в бушующей воде. Наконец волны поднялись так высоко, что Сакечак больше ничего не мог видеть: он стоял как в колодце. Вода скапливалась со всех сторон от него, удерживаемая от причинения вреда ему или своим близким волшебным поясом из пепла болиголова. Пока вода поднималась, животные в окрестностях холма бежали к нему в поисках укрытия; и теперь вокруг него стояло, собравшись, по паре животных каждого из разных видов.

"Сакечак!" - произнес голос, который охотник знал как свой собственный, который он слышал во сне.

Охотник ответил: "Я слышу".

"Когда Луна будет точно над твоей головой, Сакечак, она привлечет воды к холму Вечеганаво. Она сердится на меня за то, что я выпорол комету, которая ей понравилась, и хочет отомстить мне. Я не могу предотвратить это, пока не уничтожу ее, чего я не могу сделать, ибо она моя жена и родила мне много сыновей, которые являются звездами, которые ты видишь, и, кроме того, она необходима для существования мира, который вновь предстанет подметенным, промытым и очищенным для использования тобой и твоими потомками. Сакечак!"

Охотник ответил: "Я слышу".

"Прикажи каждому живому существу, которое находится на холме, снять ноготь с мизинца своей правой руки, если это человек; если птица или зверь, то с правой ноги или когтя. Когда каждый сделает это, прикажите ему дунуть в углубление гвоздя с закрытым правым глазом, произнося следующие слова: *"Встряхнись, Ты скахпешим осе"*, то есть "Гвоздь станет каное и

спаси меня от гнева луны". Гвоздь, о котором его просят, станет большим каноэ, и в этом каноэ его владелец будет в безопасности".

Повелитель Жизни замолчал, и охотник поднялся, чтобы убедиться, что его приказам повинуются как его семья, так и звери. Вскоре каждый из них был снабжен безопасным транспортным средством, рядом с которым он стоял, поскольку влияние матери звезд заставляло воды стекать на холм Вечеганаво. Каноэ поднялись на плаву в этой стихии и вскоре поплыли по поверхности вод, покрывавших лик земли. Чтобы их не разогнали, Сакечак приказал связать их всех ремнями из буйволиной кожи.

Они еще долго плыли по поверхности воды, пока, наконец, Сакечак не сказал: "Так не пойдет — нам нужна суша. Ступай, - сказал он вороне, которая сидела в своем каноэ рядом с ним, - и принеси мне немного земли со дна пропасти. Я пошлю женщину, потому что глаза женщины настолько любопытны, и ищущи, и пытливы, что если вы хотите найти что-то, скрытое в крошечной тьме и потерянное для всего остального, женщина обязательно найдет это прежде, чем вы дважды пересчитаете свои пальцы".

Ворона, гордая похвалой, оказанной ее полу, ответила, что не возражает против выполнения этого поручения. Итак, оставив свои хвостовые перья дома, она нырнула в пропасть. Ее долго не было, но, несмотря на то, что она была женщиной, она вернулась, сбита с толку своей целью. После чего Сакечак сказал выдре: "Мой маленький человечек, я отправлю тебя на дно и посмотрю, позволят ли тебе твои трудолюбие и настойчивость совершить то, что не удалось сделать из-за остроумия и коварства ворона". Итак, выдра отправился в свою опасную экспедицию.

Он достиг своей цели. Когда он снова появился на земле, он держал в лапе комок черной грязи, величиной с кончик большого пальца взрослого мужчины. Это он отдал в руки Сакечака. Но охотник с холма Вечеганаво был лишен мудрости, которая позволила бы использовать грязь для воссоздания мира. Он упал на колени и умолял Великого Владыку всего сущего наделить его знанием, которое должно было привести к восстановлению того, что было до потопа. Хозяин не ответил; но муравей сообщил о его намерении сообщить о своих желаниях доброму охотнику. Итак, Сакечак спал и видел сон, и вот что ему приснилось:

Он снова увидел Великого Мастера, который велел ему разделить комок глины на пять частей. Центральную часть — ту, что выходит из середины куска, — ему приказали взять в ладонь, смочить слюной и слепить лепешку, немного приподнятую в середине и приплюснутую по краям. Когда он сделал это, ему было приказано надуть на воду пузырь и выпустить маленькую лепешку в пузыре на плаву со следующими словами: —Я-ях аск-ке- "Я создаю землю". Он не должен был допустить, чтобы маленький мир оторвался от него, а должен был привязать его к своему каноэ веревкой, сделанной из сухожилий грязевой черепахи. По мере того как она увеличивалась в размерах, он должен был посыпать ее оставшимися порциями грязи, которые ему было предписано очень осторожно мелко раскрошить и тщательно растереть в пыль. Голос сказал ему, что менее чем через три луны шишка увеличится настолько, что он сможет высадиться на нее, он и все существа, которые были с ним.

Сакечак сделал так, как повелел ему голос Учителя. Он разделил комок на пять частей, и ту, что вышла из середины комочка, он сформовал в виде лепешки, немного приподнятой в середине и расплюсненной по краям. Он надул пузырь на воду и пустил пирогу по течению в пузыре,

предварительно привязав ее к своему каноэ веревкой, сделанной из сухожилий грязевой черепахи. Когда он увеличился в размерах, он высыпал на него часть оставшихся кусков комка, сначала очень мелко раскрошив их и тщательно растерев в пыль. Ветер, который в то время был сильным, задувал ему в глаза самую легкую желтую пыль, и поэтому глаза индейца всегда были окрашены в желтый цвет. Маленькое пирожное быстро увеличивалось в размерах. Однажды, когда Сакечак взял третью порцию глины, чтобы приготовить ее путем измельчения и растирания для посыпания земли, его жена обнаружила звезду — первую, которую увидели с тех пор, как разбили фонтан. Громкий крик радости, вырвавшийся у нее, и ее возглас "Звезда! звезда!" - так расстроило Сакекача, что он забыл, о чем говорил, и бросил комочки, не перетертые и не раскрошенные. Эта небрежность стала причиной неровности земли; горы и камни, которые сейчас находятся на ней, - это комья, которые он бросал вниз нетронутыми. Он, однако, высыпал на нее оставшуюся часть, что является причиной того, что горные породы залегают так глубоко под поверхностью. И земля, образовавшаяся таким образом из ила, поднятого выдрой, росла так быстро, что на седьмом солнце третьей луны охотник Сакечак, его семья и все звери, птицы и другие живые существа, которые были с ним, покинули свои каноэ и перебрались на сухую и устойчивую землю, которая с тех пор стала и продолжает оставаться их жилищем.

На земле, созданной таким образом, вскоре выросли деревья; но это были всего лишь стволы, лишенные ветвей. Но остроумие Сакекача вскоре дало им то, чего они хотели. Он пустил стрелы в стволы, и они превратились в ветви и приняли природу стволов. Каждый из них стал дубом, или сосной, или тюльпаном, или сладкой камедью, следуя природе стволов. Однако прошло много сезонов, прежде чем все холмы покрылись деревьями или густое облако листьев скрыло лоно долин.

Земля была заново заселена из чресел Сакекача; от него, от одной семьи Каддо, произошли все люди. Неважно, куда их занесло; покрыли ли они свою палатку листьями под теплым небом юга или построили ее из льда, где земля никогда не оттаивает; красные ли они, как я, или белые, как мудрец, по приказу которого мы собрались вместе; они произошли от одного человека, охотника Сакекача с холма Вечеганаво.

III. ПТИЦА ВЕКОВ.

Воды разлились по лицу земли; не было видно ничего, кроме одного огромного и целостного океана, за исключением могучей Птицы Веков, которая жила с начала времен, чьи глаза были огнем, чьи взгляды были молнией, а хлопанье крыльев - громом. Он долго жил в небесах, среди звезд; но когда он услышал шум воды, он спустился со своего места к океану и, коснувшись его, земля мгновенно поднялась и осталась на поверхности воды. Он вырос до своих нынешних размеров, покрытый зеленью, как низины, затопленные зимними дождями, становятся зелеными, когда эти дожди прекращаются. Горы, тогда, как и сейчас, возвышались до небес, долины были глубокими, а реки стремительно неслись по кручам, которые пытались преградить им путь. Зимы сковывали часть земли, а летние солнца яростно и интенсивно освещали другую часть. Днем сияли звезды, а лучи луны радовали в часы темноты. Ветры проносились по бескрайним просторам океана, и часть времени было спокойно, как часть времени сейчас. Мир был очень похож на то, что он представляет собой в наши дни, за

исключением того, что в пределах его могучих границ, во всех его дальних пределах, ни на горе, ни на холме, ни в долине, ни на дереве, ни в кустарнике, ни в логове, ни в норе, ни в воде, ни в воздухе не обитало ни одного живого существа. Ни нежное пение птиц не нарушало утренней тишины, ни крик дикого зверя не нарушал нерушимой тишины полуночи; шум ветров, гоняющихся друг за другом над бескрайней пустошью, - вот и все, что было слышно, нарушая монотонный покой земли.

"Так не пойдет, - сказала птица, разговаривая сама с собой. - Вот прекрасный мир, и некому его занять. Вот звезды, прекраснее которых ничего быть не может; луна, которая проливает свой мягкий свет на — что?—и солнце такое яркое, что даже Птица Веков не может спокойно смотреть на его лучи - только эта птица может созерцать его или их. Какой благоуханный воздух, который я чувствую, раздувая мои перья!— но он не может дышать, чтобы оживить человеческое сердце после болезни или тяжелого труда, или обрадовать дух зверя, который лежит, тяжело дыша, в тени от чрезмерной жары. Она теряется, растрачивается впустую, как и лучи солнца, луны и звезд; как и сладкие плоды, которые спонтанно растут на земле, и прекрасные цветы, которые расточают свой аромат в воздухе пустыни. Этого не должно быть, - повторила Птица.

И он взлетел на самую высокую вершину горы Громов и там погрузился в размышления, одновременно почесывая в затылке своим могучим когтем. Наконец он вспомнил о заклинании или чарах, которым научил его его отец, живший до возникновения времени и переживший его начало на много веков. Он вспомнил, что эта почтенная и мудрая птица, которая не умерла до тех пор, пока у нее не сгнили когти и все перья не развеялись по ветру, сказала ему, что если один из его потомков ничего не будет есть в течение семи дней и утолит свою жажду росой, которая будет лежать на горном лавре, он обретет силу совершить то, что должно быть сделано. "Ничто не может быть яснее, - сказал себе Птица Веков, - чем то, что мир должен быть населен. Теперь я, постясь семь дней и утоляя свою жажду только росой горного лавра, согласно слову моего отца, получу возможность увидеть эту землю, населенную прекрасными созданиями; семена, которые сейчас дремлют в земле, взойдут, чтобы обеспечить пищей бесчисленные создания, и эти бесчисленные создания будут наслаждаться дарами, в таком изобилии раскинувшимися перед ними! Как восхитительно будет видеть и слышать птиц с нежными звуками и великолепным оперением, поющих и прыгающих по кустам и деревьям; и козленка, и олененка, и ягненка, резвящихся на солнечном склоне холма, и рыб, резвящихся в своей стихии; и Человека, владыку всего сущего, раскрашивающего свои щеки и лоб охрой гнева и носящего доблестный локон на голове, украшенный перьями орла; и слышать его боевой клич, доносящийся с места сбора воинов, и отмечать шест, на котором он стоит. о красных скальпах, а еще лучше о решимости пленника, когда ему причиняют мучения, когда клещи разрывают его плоть, когда раскаленные камни обжигают его глазные яблоки. Все эти удовольствия будут радовать глаза и уши тех, кто будет жить в этом прекрасном мире, когда я сделаю то, что, по моему мнению, должно было быть сделано".

И он начал свой пост. Семь дней он ничего не ел и утолял жажду только росой, которая была на горном лавре. Утром восьмого дня он приступил к своей задаче. "Должно быть огромное количество рыб, - сказал он, - и разных размеров, потому что каждая должна питаться другой, поменьше". Так он призвал к существованию всех рыб, населяющих воды. Затем он сказал четвероногим животным, червям и змеям и всему остальному, что не является рыбами: "Будьте, ибо вы должны быть"; и они были. Так земля стала населенной. Все были призваны к

существованию тогда и таким образом, за исключением чепевян, и они произошли много веков спустя из чресел собаки; что было сделано следующим образом:

Среди кри был человек, у которого была рассечена верхняя губа, демонстрировавшая верхние зубы каждому, кто его видел; он не был храбрым человеком, но боялся всего в виде опасности; даже крик зверей и пение птиц, рычание медведя и песня выпи пугали его. Он очень любил собак и обладал способностью придавать им человеческий облик, хотя у него не было силы заставить их оставаться в этом облике дольше, чем период от восхода до заката. Он мог заставить волкодава принять облик красивого охотника; он мог одеть старую дворняжку в шкуру очень мудрого *пау-воу*. После того, как его обаяние было произнесено над спаниелем, крадущимся с поджатым хвостом, вы увидели бы вместо него белого человека, совершающего тот же самый подлый акт трусости, повернувшись спиной к своему врагу. Надменная маленькая щеночка в мгновение ока превратилась бы в очень хорошенькую девушку, а уродливая старая рычащая волчица - в раздражительную и угрюмую старую скво. Но когда взошло солнце, красивый охотник снова превратился в волкодава; а очень мудрый паувау - в старую дворняжку; и белый человек, убегающий от своего врага, и спаниель, крадущийся прочь, поджав хвост; и очень хорошенькая девушка - в надменную маленькую щеночку; и раздражительная и угрюмая старая скво - в уродливую и рычащую старую волкодавку. Он был бы очень рад заставить их сохранить человеческий облик, но у него не было такой силы. Наконец он вспомнил о могучей Птице Веков, обитавшей среди высоких вершин Горы Громов. Он отправился к этой птице и, сказав ей, зачем пришел, получил приказ отправиться к Лесному озеру и принести оттуда плоский белый камень, который лежал на южном берегу этого озера. По словам могучей Птицы, она обладала способностью выполнять почти все, о чем ее просили люди народа кри, великий предок которого наделил ее нынешней властью.

Мужчина сделал, как ему было велено. Он отправился на южный берег Лесного озера и принес оттуда большую белую *мемахоппу*, или целебный камень, который с тех пор остался у кри. Поместив этот камень в угол своей хижины и обратившись к нему как к своему божеству-покровителю, он приступил к превращению прекрасной, мужественной молодой собаки в человека. Когда это было сделано, он привел человека к мемахоппе и, сначала помолившись священному камню о защите от силы перемен, поместил человека на него. Заклинание подействовало. Чудесные свойства целебного камня помогали мужчине оставаться мужчиной. И этот человек женился на женщине из племени кри, и от них произошли чепевяны.

Когда могучая Птица Веков завершила свою работу по вызову к существованию различных существ, он сделал огромную стрелу в знак совершенных им деяний; с приказом, чтобы она оставалась в большом доме совета чепевянов до тех пор, пока не истечет время. Пока они будут подчиняться этому приказу, они всегда будут одерживать победы над своими врагами и удачливы во всех своих охотничьих экспедициях; их слово должно быть законом для всех племен и наций, от Замерзшего моря до земли шавано, от городовирокезов до гор Грома. Но всякий раз, когда они по неосторожности теряют его, они должны быть обречены столкнуться со своей полной долей потерь, поражений, трудностей и разочарований, которые принадлежат другим, менее привилегированным племенам. Иногда они должны быть побеждены силами меньшей численности; и часто они ищут зверей для охоты в течение многих утомительных дней, но не находят их. И, сказав так, он отдал стрелу в руки вождя чепевян.

На протяжении многих, очень многих веков чепевяны скрупулезно помнили предписания могучей Птицы относительно стрелы и бережно хранили ее в доме великого совета. Пока они делали это, они были самым удачливым племенем на земле и стали повелителями над всеми, победителями в каждой битве и самыми удачливыми охотниками, которых когда-либо знал мир. Но, в конце концов, беспечность взяла верх над благоразумием, и они позволили украсть стрелу; это святотатство так разъярило Птицу Веков, что она покинула землю и полетела к месту, где жила, прежде чем спуститься сверху. С тех пор его никто не видел на земле; но чепевянцы и другие племена, до которых дошла эта история, верят, что гром горячих лун - это хлопанье его крыльев, а молния, сопровождающая его, - сверкание его глаз. Когда темная туча, не несущая дождя, пересекает землю, они говорят, что она летит между ней и солнцем; и они верят, что зимний снег - это пух, который она срывает со своей груди.

IV. БОЛЬШОЙ ЗАЯЦ.

Мичабу, или Большой Заяц, сидел на поверхности воды — он и его создания, которые все были четвероногими. Форма этого Существа была непохожа ни на что, когда-либо виденное на земле, ни до, ни после. У него было четыре ноги, или, скорее, две ноги и две руки, но он использовал их все так, как если бы это были ноги, и он использовал две руки для целей, для которых ноги не могли быть использованы с пользой. Итак, у него было четыре ноги и две руки, и все же всего их было всего четыре. Каждое из его созданий было непохоже на другие: все они были известны и отличались чем-то, что не принадлежало другому. У одних была только одна нога, у других двадцать; у некоторых не было ног, но было много рук; а у некоторых не было ни ног, ни рук. Такое же разнообразие преобладало в отношении глаз, рта, носа и ушей. Действительно, это была странная толпа созданий, и не менее странным из всех был сам Мичабу, главный вождь или, скорее, великий отец всех созданий, которые двигались по поверхности могучих вод.

Мичабу был женат на женщине, такой же странной и уродливой, как и он сам, которая родила ему много детей странной и разнообразной формы. Когда ей пришлось родить своего тысячного ребенка, ей приснился странный сон. Ей снилось, что ребенок внутри нее отказывался видеть свет, пока у него не будет чего-то твердого и стабильного, на что можно опереться, — чего-то, что позволило бы ему наслаждаться покоем, не нарушаемым движением. Она рассказала этот сон своему мужу, которого он очень озадачил. Наконец он понял, что ему предстоит создать мир. Он и раньше знал, что дно океана покрыто песком. Поэтому он нырнул вниз и поднял оттуда сверкающее зерно, которое послужит зародышем мира.

Взяв эту песчинку в ладонь, Мичабу подул на нее, пока она не расширилась настолько, что превратилась в маленькую землю. Затем он пустил его по воде, где оно продолжало увеличиваться в размерах, пока не стало достаточно большим, чтобы выдержать, не затонув, ребенка, которого жена великого вождя, вынашивавшая около себя в течение сорока сезонов, произвела на свет божий. Этот ребенок, родившись, имел форму человека и был помещен на созданную таким образом землю. Он был первым существом, которое когда-либо носило форму человека, и первым обитателем земли. Они дали ему имя Атоакан, что означает "великий отец или начинающий расу". Когда он родился, он был выше ростом, чем любой человек,

родившийся с тех пор, и он увеличивался в размерах, пока его голова не возвышалась над самыми высокими деревьями.

Но Атоакан был одинок, и вскоре жизнь стала ему в тягость. Он был одинок и печален и не находил удовольствия в прекрасных вещах, которые ежедневно, ежечасно произрастали на земле. Он видел, как распускаются цветы и наполняют воздух ароматом, но они не доставляли удовольствия его глазам, не освежали его душу. Сладкие плоды пригибали кусты к земле или гроздьями висели на ветвях, но они были безвкусны, ибо в его натуре было ничем не наслаждаться, ничем не дорожить, если в этом не участвовал другой — его двойник. Тогда он обмазал голову глиной и громко позвал своего отца, Большого Зайца, чтобы тот взял его в спутники. Мичабу, поняв, что он и его существа странной формы будут вытеснены по могуществу сыном, которого он породил, новым творением, *человеком*, вознесся на небеса: он услышал молитву своего сына и внял ей.

Была среди небесных людей прекрасная девушка, которую звали Атахенсик. Она была прекраснейшей из всех дочерей воздуха, прекрасной, как солнце, кроткой, как луна, и резвой, как звезды. Мичабу спросил ее, не хочет ли она спуститься на землю и стать спутницей и женой его сына; и она, обрадованная, как всегда радуются женщины, перспективой путешествия, неважно куда, согласилась. Тогда Мичабу сплел длинную бечевку из жил различных наземных животных и с помощью этой бечевки опустил Атахенсика в объятия своего восхищенного сына.

Человек, больше не одинокий, но наделенный существом, предназначенным природой и Великим Повелителем всего сущего для общения и комфорта в его жизни, приступил к использованию различных вещей, которые он видел. Он больше не был одинок, но встречал трудности, возникающие на жизненном пути человека, и труды, которые он вынужден посвящать добыванию пищи, с бодростью и рвением. Теперь он отправлялся утром на лесную поляну охотиться на благородного оленя, и о своих трудах не думал, потому что, когда они заканчивались, когда в лесу, потемневшем от надвигающихся ночных теней, раздавался пронзительный крик жар-птицы, и все его стрелы были израсходованы, он мог отнести домой добытую добычу и радоваться улыбкам своей спутницы и жены.

Атахенсич родила своему мужу двоих детей, сына и дочь. Эти двое поженились и построили себе дом вдали от своих родителей. У них было много детей, но Мичабу, который время от времени приезжал посмотреть, как идут дела, наблюдая за медленными темпами заселения мира, решил принять другой план. Поэтому он сказал Атоакану, что после смерти каждого животного он должен освежевать его. Он должен сжечь кожу, капнуть на тушу каплю собственной крови и тщательно прикрыть ее сухими листьями с лесных деревьев. На четвертый день после того, как он накрыл его листьями, если бы он убрал листья, то обнаружил бы под ними спящего младенца, который, проснувшись, издал бы крик удивления, обнаружив, что он уже не зверь, а человек. Каждое из этих существ обладало бы способностью содействовать подобному размножению вида, но было бы лишено другой способности к продолжению рода. Оставив таким образом указания относительно скорейшего заселения мира, Мичабу снова вознесся на небеса, которые с тех пор не покидал.

Атоакан и его сын тщательно выполняли возложенные на них приказы, и из каждого умершего зверя или четвероногого существа он делал человека. Эти человеческие существа были одарены качествами и страстями, которые принадлежали им при жизни: они сохранили их, и именно поэтому в наши дни склонности людей так разнообразны. Мы видим одного хитрого и

изощренного — в нем течет кровь лисы; другого жестокого, злобного, кровожадного — он произошел от волка. Краснокожий храбр - его отцом был конь; белый человек труслив — его матерью была овца. Один полон жизнерадостности и проворства — в нем течет кровь горного кота; другой неуклюж — его отцом был мускусный бык. Странны и разнообразны нравы людей — хитрые, изощренные, пронырливые, мудрые, храбрые, предусмотрительные, беспечные, трусливые, миролюбивые, кровожадные. Это качества, унаследованные от зверей, которые умерли как звери и стали людьми и предками племен, живущих на земле.

V. ШЕСТЬ НАНТИКОКОВ.

Давным-давно на земле был очень яркий и солнечный день, и в этот такой яркий и солнечный день произошла странная вещь. Это было в стране, населенной племенем нантикоков, на берегах Великого озера. Это было утром того дня, и луна была той луной, в которую шад, покидая соленые воды, совершает свое путешествие к тем, которые пресны. Прекрасный был день; соленые и горькие воды лежали неподвижно, как маленькое дитя, спящее на груди своей матери. Ветры стихли в пещерах земли, и солнечные лучи падали, радуя и освежая все, что находилось под ними. Они освещали поля и леса, холмы и долины; птиц и зверей, рыб и рептилий, и многое другое, красивое или уродливое, любопытное или странное; но они падали не на человека, ибо его не было. Высокая и прямая фигура, которая вызывает повиновение у всех других существ, тогда еще не была замечена разгуливающей по лесным полянам твердой походкой и надменным взглядом, которые отличают ее. Зверей было много, птиц было много, рыб было много, но людей, владык всего сущего, не было ни одного.

Прежде чем солнце опустилось за горы на Западе, оно воссияло и над человеком. Шестеро индейцев, первых людей, когда-либо появившихся на земле, и предков племени нантикоков, внезапно, сами не зная как и каким образом, оказались сидящими на одном берегу, на краю океана. Были ли они созданы на месте или пришли из какого-то другого места за морями; выплыли ли они из воды, или выползли из грязи, или выпрыгнули из глубин леса, или спустились из воздушных областей и превратились в людей, получив дар забывать свое прежнее состояние, они не знали, или же они упали с небес и забыли, откуда пришли, из-за головокружения и силы падения. Но вот что они знали: они обнаружили, что сидят на берегу Большого озера, в стране, ныне населенной нантикоками, в конце теплого и приятного дня, при луне, когда тени покидают соленые воды и отправляются в путь к пресным. И они знали, что их было шестеро, и это было все, что они знали.

Все эти шестеро индейцев были мужчинами; ни среди них, ни на всей земле не было ни одной женщины. Певчий воробей, и птица-пересмешник, и голубь, и хохлатый крапивник, и пятнистая рысь, и великолепный дятел, и рыба с блестящей чешуей, и все другие прекрасные создания, которые жили с тех пор и живут сейчас, были тогда на земле, даже в большем количестве, и обладали большей красотой, чем сейчас; но женщины, прекраснее любой другой, самого великолепного существа, которое ходит по земле, тогда не было. Вскоре эти индейцы узнали о своих нуждах и начали добывать себе пищу и одежду с помощью охоты. Они построили себе каноэ и сделали для них луки и стрелы, с помощью которых они добывали добычу на суше и в воде; и они установили пружины для птиц и ловушки для тех существ, которые одинаково живут на суше и в воде. И они выращивали различные растения, которые, как они обнаружили, росли

спонтанно, — кукурузу, табак и корнеплоды; и собирали спелый виноград и множество вкусных ягод. Они жили достаточно хорошо, и если бы были мудры, то не искали бы дальше; но они вбили себе в голову, что не могут жить без женщин. Итак, ведомые мрачным и одиноким чувством опустошенности в сердце, они покинули построенные ими хижины и отправились на поиски желанных предметов. Чтобы увеличить свои шансы на успех, они договорились разделить и идти каждый разными путями, и так они расстались. Один отправился в страну снегов, другой - в страну летних ветров, третий искал далекий восток, четвертый направил свои стопы к горам заходящего солнца, пятый спустился в недра земли, а шестой взобрался на солнечный луч. Прежде чем расстаться, они договорились, что те, кто был жив, когда снова возшла Виноградная Луна, должны отправиться к тому же большому дереву, в тени которого они тогда сидели, и там, пока по кругу ходила трубка дружбы, рассказать о своих приключениях.

Снова возшла Виноградная Луна и в один из своих самых приятных дней застала шестерых нантикоков сидящими под большим деревом на берегу реки, которая дала название племени. С ними сидели шесть красивых женщин, и, смеясь, резвясь и катаясь по зеленому, поросшему травой дерну, у их ног лежали шестеро прекрасных детей. Шестеро индейцев и их жены казались очень счастливыми, и, передавая трубку по кругу, смеялись и разговаривали очень громко и радостно, и были очень, очень веселы, как будто выпили чего-то гораздо более крепкого, чем вода. Наконец один из них, которого звали Синипуксент, поднялся и сказал:

Братья! это было в Луну Винограда прошлого года, когда мы оказались сидящими на берегу Великого озера, наделенные способностями, которыми мы сейчас пользуемся. Именно в Виноградную Луну мы отправились на поиски любимых существ, которые теперь являются светом наших очей. И мы договорились, что те, кто был жив, когда возшла следующая Виноградная Луна, отправятся к тому же большому дереву, под тенью которого мы тогда сидели, и там, пока по кругу ходила трубка дружбы, мы расскажем о том, что с нами случилось. Великий Дух позволил нам вернуться в это место, и прекрасные существа, которых мы привезли с собой из столь далеких друг от друга стран, являются доказательствами того, что нас постигли приключения, о которых стоит рассказать. Братья, вы услышите о том, что случилось с Синипуксентом, который оставил вас, чтобы подняться на солнечный луч.

Когда он расстался со своими пятью братьями, он много дней взбирался по солнечному лучу, пока не пришел в страну, где великолепное светило земли, Солнце, освежается сном и отдыхает в темные часы. Было утро того дня, и великий свет мира поднялся со своего ложа и отправился в свое путешествие, но его жена и дети все, кроме одного, лежали в глубоком сне. Эта особа, прекраснейшее из всех созданий — посмотрите на нее и скажите, что это не так! — сидела, омывая свои прелестные щеки и статную шею утренней росой и смахивая случайные капли белой озерной лилией. Ее маленькие ножки были небрежно погружены в чистый ручей, скользивший мимо нее, под которым они блестели, как сверкающий песок, смытый с гор в реку Нантикоукс. Ее длинные светлые волосы, окрашенные лучами ее отца, Солнца, струились по ее обнаженным плечам и груди, еще прекраснее — но вы смотрите на нее. Прекрасное создание! она не видела Нантикока, пока он не встал рядом с ней. Когда она подняла голову и обнаружила, что рядом с ней стоит незнакомец, она хотела убежать, но он мягко удержал ее со словами:

- Прекрасное создание! чего ты боишься? Я не тот, кто причинит тебе вред. Напротив, я скорее пойду навстречу любому риску, отважусь на любую опасность, чем причиню вред одному из

блестящих волосков, падающих на твой прекрасный лоб. Мое сердце подсказывает мне, нежное создание, что ты - тот объект, по которому тосковала моя душа с тех пор, как я впервые узнал, что я есть. Я люблю тебя глубоко и пылко и желаю, чтобы ты была моей. Я прошу тебя покинуть страну твоего отца и отправиться со мной в чудесную страну и к прекрасной реке Нантикоукс. Хотя небеса там не такие яркие, как те, в которых ты родился, все же они мягче. И воды на земле чистые, прохладные и сладкие, а оттенки освежающие. Виноградные лозы склоняются к земле сочным спелым виноградом, ягоды усыпают каждый куст, а земля покрыта цветами. Ты станешь моим спутником в хижине, которую я построил для себя рядом с Нантикоком; и подобно тому, как эта река, не взволнованная дождями, скользит по течению в летние месяцы, так и наши жизни пройдут. Ты будешь женой моего сердца, и мы будем жить вместе, пока нас не позовут в страну, явленную нам в наших снах как страна душ".

Прекрасная девушка услышала слова Нантикока и ответила, что она не очень хорошо знает, что ей следует сказать. Она не знала, где находится земля Нантикоков, и не знала, кто был тот, кто заговорил с ней. Но она робко призналась, что любит его и стала бы его закадычной женой, если бы можно было получить согласие ее отца и матери. Поэтому он спросил мать, которая сразу же дала свое согласие, можно ли добиться согласия ее мужа.

Когда вечером Солнце вернулся домой, его жена сказала ему: "Один из шести индейцев, которые упали с Полярной Звезды на берегу Великого Озера в период Лягушачьей Луны, пришел сюда и потребовал нашу дочь Атахенсич в жены. Он производит впечатление смелого и красивого юноши, и наша дочь любит его.

"Но он не получит ее, - ответил огненный отец. - кровь Солнца не смешается с кровью существ земли".

Затем он подозвал Нантикока к себе и сказал ему так: "Ты не можешь получить мою дочь - твоя кровь не может смешаться с моей.—Отправляйся".

Нантикок, который, как и все остальные представители этого племени, был храбр и бесстрашен, но благоразумен, промолчал, но не ушел. Когда Солнце спало, он ухаживал за девушкой; когда он бодрствовал, и его глаза вглядывались в каждое место, каким бы темным оно ни было, и в каждую щель, какой бы темной она ни была, он прятался там, куда не могли проникнуть даже эти лучи. И часто прекрасную девушку его любви уговаривали скрыться с ним. Но он позволил себе забыть о последствиях взаимной и безудержной любви. Прекрасная Атахенсийка дала понять, что в свое время она должна стать матерью. Быстроглазый отец вскоре обнаружил, что произошло, и услышал все из уст своей плачущей дочери. Ничто не могло сравниться с яростью могущественного короля небес, когда он узнал о позоре, нанесенном его семье. В порыве безумия он схватил дочь и ее возлюбленного и сбросил их с высочайшей точки небес в ту область, где лежала земля нантикоков. Но добрая мать защитила обоих от последствий грехопадения, и земля, по ее повелению, приняла их невредимыми к себе на колени. Братья, я - этот Нантикок, а прекрасная Атахенсич - женщина рядом со мной, и ребенок у ее ног - дитя нашей любви. Мне больше нечего сказать.

Когда первый Нантикок закончил свой рассказ, второй, которого звали Конестого, поднялся и обратился к своим братьям:

Послушайте, сказал он, и вы услышите о том, что случилось с Конестого, который оставил вас, чтобы отправиться в путешествие в недра земли.

Когда он расстался со своими пятью братьями, он отправился в глубокую пещеру, которая лежит среди гор к западу от реки Нантикоукс, и в эту пещеру он вошел с наступлением темноты. После того, как он много дней пробирался ощупью в глубокой темноте, по камням и множеству других препятствий, питаясь вяленным мясом, которое он взял с собой, внезапно, пройдя через маленькую дверь или проем, он попал в огромную комнату, сводчатую, как комнаты, которые открываются нашему взору, когда мы входим в те огромные дома в Городе Скал, где мужчины, одетые в сверкающие одежды, и маленькие мальчики, одетые в белое, призывают к Великому Духу и громко поют песни во славу его. По бокам этой огромной комнаты стояли высокие колонны, похожие на сосульки, и блестящие, как они, когда на них падали солнечные лучи. Над головой раскинулось обширное ледяное поле самых разных цветов - зеленого, красного, белого, желтого; отражение его на полу огромного здания создавало странное смешение лучей. Прекрасен, изумителен был внешний вид этой комнаты и всего, что находилось в ней.

Но о самых красивых, чудесных вещах пещеры еще предстоит поговорить. В дальнем углу этого просторного помещения находилась компания прекрасных дев, одетых в одежды тех же цветов, что сверкали на крыше и стенах здания; об ослепительной красоте их нарядов можно догадаться, но кто станет расписывать их собственные прелести? кто опишет их яркие черные глаза, длинные черные локоны и голос, подобный музыке весенних ручьев? их красивые шеи, маленькие ножки и ручки, их пышную грудь и грациозную поступь? Когда я вошел, они гонялись друг за другом по комнате и среди высоких колонн; но когда они увидели незнакомца, вторгшегося в их уединение, они издали пронзительный крик ужаса и бросились бежать по сводчатым коридорам. Нантикок преследовал их, пока не добрался до внутреннего ряда комнат, таких же сверкающих, как та, которую он покинул, но меньших по размерам; там было великое множество маленьких ниш, и за этими колоннами он увидел множество выглядывающих маленьких головок, которые, как он знал, принадлежали прекрасным девушкам, сбежавшим из комнаты с могучими колоннами. Он видел по их лицам, что они не так боязливы, как притворяются; но когда они прятались, всегда предпочитали, чтобы их нашли. На их красивых личиках играла лукавая улыбка, а их красные губы были поджаты в притворном презрении к нантикокам. Он, которого природа быстро научила лучшему средству завоевания женской любви, заключававшемуся в том, чтобы не казаться чрезмерно озабоченным ее получением, ничего не сказал; но, усевшись на сломанный столб, неторопливо вытащил трубку и принялся курить, справедливо рассудив, что если прекрасных созданий не ищут, то они сами будут искать. Они недолго оставались скрытыми. Сначала одна из них ухитрилась высунуть свою маленькую ручку или ножку; затем стала видна голова; Нантикок по-прежнему делал вид, что не видит ни того, ни другого. Наконец, обнаружив, что Конестого не желает играть в их детскую игру, один шагнул вперед, затем другой, и вскоре все стало видно целиком. Теперь они подошли к охотнику и, широко улыбаясь, поприветствовали его. Усевшись на гладком полу вокруг него, они начали задавать вопросы. "Кто он был? кем он был? сколько ему было лет? откуда он приехал? как далеко собирался зайти? кем был его отец? как звали его мать? сколько у него было братьев? сколько сестер? жива ли его бабушка? как долго он пробудет с ними? в какое место он отправится, когда покинет их?" и многие другие вопросы, которые, к счастью для него, были заданы с такой небольшой паузой, что у него не было возможности ответить ни на один из них. Они, казалось, и не ждали ответа, но, казалось, спрашивали только для того, чтобы получить удовольствие от беседы. Однако не все были столь разговорчивы. Там было одно

прекрасное создание, самое красивое из всей компании, которое сидело отдельно от остальных, ничего не говоря своим языком, но с опущенными глазами говорило на языке, который пораженный Нантикоук истолковал как язык застенчивой любви. В то время как остальные болтали и смеялись, обнажая белые зубы и трясая черными волосами над отполированными лбами, он думал только о молчаливой женщине и противопоставлял ее скромное и тихое поведение шумному веселью ее сестер. Когда она увидела, что незнакомец большую часть времени смотрит на нее и что выражение его глаз выражает в нем те же чувства, что переполняли ее собственную грудь, она отвернулась и устремила безразличный взгляд на какой-то далекий предмет.

После того, как прекрасные девушки посмеялись, поболтали и задали столько вопросов, сколько хотели, они покинули Нантикока, чтобы насладиться его сном. Молчаливая девушка удалилась последней, и взгляд, которым она одарила его, покидая маленькую комнату, не покидал его душу до тех пор, пока не прошло больше половины темного времени суток. На следующее утро он встал рано и бродил, пока не набрел на маленький ручей, который журчал по ложу из гальки и падал в пещеру внизу; это был прекрасный маленький ручей, и воды его были холодными и сладкими, и чистыми, как небо. Он только что встал на берегу этого маленького ручья, когда молчаливая девушка тоже подошла туда. Нантикок сидела, скрытая от посторонних глаз одной из колонн, и нашептывала свою нежную историю любви эху пещеры. Она сказала им, что любит незнакомца с черными волосами, солнечными глазами и гордым выражением лица; что она хотела бы, чтобы они передали Великому Духу ее пожелание, чтобы он попросил ее стать его собственной — его спутницей — его женой. Она хотела сказать еще что-то, но Нантикок нежно заключил ее в объятия, предотвратив ее легкие вскрики поцелуем любви. "Ты станешь моей — моей спутницей — моей женой", - сказал он. "Прелестное, нежное и горячо любимое создание! Я боялся, что у тебя нет языка, потому что слышать, как ты молчишь, было чем-то таким новым и странным для твоего пола. Но ты нашел язык сказать эху то, что твои застенчивые губы не осмелились бы сказать мне. Я благодарю Великого Духа за то, что я подслушал твое нежное признание; оно устранило те препятствия, которые иначе твоя застенчивость поставила бы на пути к нашему немедленному союзу. Прекрасная девушка! с твоими черными волосами, и светлым лбом, и тонкой талией, и прекрасными руками и ногами, и белыми зубами, что мешает тебе сопровождать меня немедленно, сегодня, сию минуту, в страну, где я поселился, в приятную и плодородную страну Нантикоков? Ты снова молчишь, но мягкая улыбка на твоём лице говорит мне, что ты не против моего предложения. Я вижу во взгляде твоих солнечных глаз, в твоей уменьшающейся нерешительности и уступчивом нежелании, что ты станешь звездой моей уютной хижины, надеждой, утешением и радостью моей жизни. Тогда пойдем; прежде чем пройдет десять солнц, ты обнаружишь, что сидишь на берегу, цветы которого лишь менее сладки, чем ты сам. Ты будешь слушать ручей, чей голос лишь менее музыкален, чем твой собственный, и увидишь прекрасную ночь, освещенную множеством великолепных ламп.

"Братья, я тот самый Нантикок, и прекрасная девушка - это та, что сидит рядом со мной, а ребенок, который катается по зеленому дерну, - это дитя нашей любви. Мне больше нечего сказать.

Когда рассказ о втором Нантикоке был закончен, третий, которого звали Аппоматтокс, поднялся и обратился к своим братьям:

Послушайте, сказал он, и вы услышите, что случилось с Аппоматтоксом, который оставил вас, чтобы отправиться на восток.

Когда он расстался со своими пятью братьями, он пересек Большой Рукав^[4] Соленого озера и, вследствие откровений, сделанных духом сна, продолжил свое путешествие в страну холодных весенних штормов. Он шел быстро, пока не устал окончательно, а затем, построив небольшую хижину из коры, чтобы защититься от дождей и ночной росы, прилег отдохнуть. Он спал недолго, потому что луна, которая была далеко вверх, когда он погрузился в сон, еще не достигла высшей точки небес, когда он услышал голос, кричащий: "Аппоматтокс! Аппоматтокс!"

"Я здесь", - ответил Нантикок. Говоря это, он приподнялся со своего ложа из листьев и увидел стоящее у его ног странного вида существо, в котором лунные лучи разглядели маленького, уродливого, приземистого смуглого человечка, ростом ненамного выше бедра индейца. Его фигура была странной и необычной, превосходящей все, что Нантикок когда-либо видел. Каждая из его ног была такой же большой, как и его тело, и ступни были такими же непропорциональными. Но его руки были не больше рук ребенка, который играет у моих ног, а его голова была размером с голову маленькой собаки и такой же формы. Глаза у него были красные, как осенний кленовый лист; кожа зеленая, как луг весной; желтые волосы, жесткие, как каменный мох, ниспадали на плечи; нос вздернут до самого лба; уши едва ли больше ногтя большого пальца человека, а рот - лезвия трубки. Нантикоку было бы удивительно, как ему удавалось запихивать еду в такой маленький ротик, если бы он не был занят наблюдением за странными действиями странного существа и не прислушивался к тону его голоса, который напоминал кошачий, когда наступаешь ему на хвост.

"Кто ты?" - спросило странное существо, а затем подпрыгнуло, перевернувшись кубарем, и встало на ноги, как прежде.

- Я Нантикок — один из шестерых, которые ясным утром при Луне-Лягушке оказались на берегу Великого Озера, в стране, где мы построили хижины и посадили кукурузу и табак. Мы не знаем, как нас занесло туда. Мы были, когда впервые узнали, что мы есть, — это все, что мы знаем. А кто ты?"

- И это все, что кому-либо известно, - пропищало или, скорее, зарычало странное существо и снова упало. "Откуда бы ты ни приехал, ты кажешься прекрасным парнем, и я не сомневаюсь, что тебе нужна жена. Пойдем, поедem со мной домой. Я живу в пещере на соседнем холме и угощувас на ужин прекрасными жирными жабами, тушеными с зеленью, или, если вам больше нравится, жареным кроликом. Что касается того, кто я, я и сам не знаю. Я знаю только, что я странная рыба".

Нантикоку, который много дней не пробовал еды, очень понравился предложенный кролик, хотя тушеные жабы пришлись ему не по вкусу. И он отправился домой со странным существом в свое жилище на холме. Когда они подошли к двери хижины, существо постучало ногой, и дверь открыло существо, более странное, если это возможно, чем то, которое привело его в пещеру. Войдя, он увидел разбросанное по полу великое множество маленьких детей, таких же уродливых и бесформенных, как и их родители. Здесь лежал человек с большой ногой и маленькой, с полной рукой и с усохшей, однорукий, или одноногий, или одноглазый. У одного

не было волос: он был полностью окутан ими — по правде говоря, формы были самыми разнообразными и необычными. Но не все были такими. На скамейке, с одной стороны пещеры, сидела очень маленькая девушка — вы видите, какая очень маленькая, и вы видите, какая красивая. Когда Нантикок вошел, она закуталась в свою меховую накидку и притворилась, что прячет лицо, но не спрятала глаз, которые были устремлены на незнакомца. Он достаточно насмотрелся на ее лицо, чтобы судить, что она очень красива, и ему понравилась ее стройная фигура, которая, как он увидел, была легкой и грациозной, как у молодого олененка. Теперь он вступил в беседу со стариком, и они поговорили о многих вещах — он разговаривал вполне как разумный человек, за исключением того, что время от времени у него случались странные срывы. Наконец перед ними поставили еду, и они сели. Прекрасная маленькая девушка — с обычной женской гордостью — с особой тщательностью одела себя и свои черные локоны, а затем подошла и села за стол, за которым они ели. Они обменялись мягкими и любящими взглядами, и, прежде чем они закончили трапезу, каждый из них почти сказал: "Я люблю". Покончив с едой, старик и женщина встали и под тем или иным предлогом вышли из комнаты, унося с собой целый выводок странных звероподобных существ. Итак, Нантикок остался наедине с прекрасной маленькой девушкой, чтобы пожимать ее нежную ручку и шептать ей на ушко те нежные слова, которые влюбленным всегда кажутся более приятными, если они произносятся шепотом. Не потребовалось особых уговоров, чтобы получить ее согласие покинуть отцовский дом и отправиться с Аппоматтоксом туда, где он поселился, — в хижину, которую он построил на берегу прекрасной реки Нантикоук. Их путешествие туда было недолгим — на рассвете шестого солнца они уселись на небольшой лужайке перед дверью хижины и сорвали спелый виноград с лоз, свисавших с ее крыши, и напились из хрустального ручейка, который журчал по каменистому дну, впадая в тихую реку, и нарвали вкусных ягод, которые висели на каждом кусте. И они увидели великолепное солнце, озаряющее землю, луну и звезды, озаряющие ночь, и северные небеса, красные от танца ушедших друзей, и оба благословили момент, когда Нантикок оказался в хижине очень странной рыбы.

Братья, я тот самый Нантикок; и прекрасное маленькое создание - это та, что сидит рядом со мной, а маленький ребенок, который катается по траве, - дитя нашей любви. Моя история рассказана.

И тогда четвертый Нантикок поднялся и рассказал свою историю следующими словами:

Когда я расстался со своими пятью братьями, - сказал он, - я пересек реку, протекающую мимо моей хижины, и направился к горам, которые индейцы называют Хребтом Великого Духа. На шестой день я добрался до ближней части горы и сел на ее восточном краю, чтобы дать отдых своим уставшим членам. Близился вечерний час; солнце еще не скрылось за горизонтом, новысокие вершины гор скрывали его лучи от тех, кто сидел в тени этих вершин, превращая их в ночь. Наконец солнце село, и густая завеса тьмы опустилась на лицо земли. Появилась уродливая летучая мышь, заунывная ночная птица начала свою песню, мудрая сова ухнула на ветке дерева, а ослепительная маленькая светлячка замелькала на полянах и среди стволов гигантских дубов. И тут далекие звуки музыки донеслись до ушей Апаумакса Нантикока, который и есть я сам. Он прислушался и уловил слова песни, доносившейся из долины неподалеку от холма, на котором он сидел. Нежнее, чем жалобный крик голубки, слаще, чем

любовные ноты певчего воробья, была эта песня. Вскоре слышались другие голоса, смеющиеся или поющие, поодиночке или хором. Нантикок был так сильно очарован этими нотами, что решил узнать, откуда они исходят и чьи голоса их исполняют. Итак, спустившись с холма, он осторожно приблизился к тому месту, где услышал их, пока внезапно не наткнулся на компанию незнакомых женщин, которые танцевали на зеленом пятне в долине. По большей части они были очень маленькими, многие не превышали роста трех лун; но были и другие, чей рост достигал роста взрослого человека. Из последних была одна, которой, казалось, подчинялось все, самая высокая женщина в группе и самая красивая. Она не казалась очень юной; по крайней мере, черты ее лица говорили не о молодости и не подразумевали возраста, а о том периоде жизни, когда женщина подобна спелой виноградине, сладость которой уменьшается из-за того, что ей приходится еще один день висеть на лозе нетронутой. У нее была бледная кожа — вы видите, какая бледная, — ее щеки были красными, как цветок, распускающийся среди колючек, а глаза сияли, как маленький цветок, подражающий синеве неба. Губы у нее были красные и надутые, а зубы белее лилии. Прекрасное создание! прекрасная и любимая женщина!

Нантикок осторожно приблизился к веселым танцорам и, усевшись на землю так, чтобы они не могли его видеть, стал наблюдать за их оживленными и быстрыми движениями. Ничто не могло сравниться ни с красотой танцев, ни с грацией танцоров, ни со сладостью мелодий, под которые они танцевали. Наконец, одна из маленьких девушек в порыве резвости выбежала из круга танцующих и случайно подошла к тому месту, где сидел Нантикок; громкий крик возвестил ей, что его обнаружили. Когда они обнаружили, что незнакомец спрятался рядом с ними и стал свидетелем их мистических танцев, их охватил великий гнев, и все, как один, бросились к тому месту, где он прятался. Он, не ведая страха, смело встал среди них и позволил им внимательно рассмотреть его, справедливо рассудив, что ничто так быстро не смягчит их гнев, как вид его красивой и прекрасно сложенной фигуры. Когда они смотрели столько, сколько им хотелось, она, самая высокая, та, которой все повиновались, заговорила строгим голосом и спросила, почему он осмелился подкрасться к ним, когда они танцевали Священный Танец Тьмы и пели Песнь Духа Полночи? Разве он не знал, что это были Духи, Духи Горы, которые на протяжении многих сотен лет по ночам, пока длилось лето, приходили в это зеленое местечко, чтобы устраивать свои веселые кутежи, смешивая музыку с весельем и выпивая сладкий напиток, который они находили в чашечках цветов и покрывавший листья розы. Что он мог сказать, почему ему не следует причинять смерть?

Нантикок ответил, что ему есть что сказать, почему смерть не должна быть причинена ему; что, услышав голоса более сладкие, чем у пересмешника, и желая посмотреть, кто это так весело смеется и так сладко поет, он осторожно приблизился с этой целью. Когда он увидел самых красивых созданий земли или воздуха, занятых танцем, и услышал, как они поют свои сладостные песни, он был поражен изумлением, и восхищением; и, опасаясь, что его открытие отпугнет их, он спрятался. Это было все преступление, которое он совершил. А что касается наказания, то вместо смерти он согласился взять в жены высокую молодую женщину.

На это все духи рассмеялись, кроме одного, выделенного таким образом, и она опустила голову, хотя, по-видимому, не была недовольна. Нантикок, ободренный ее молчанием, прошептал ей на ухо, что любит ее; и, несмотря на то, что поначалу ее поведение было отталкивающим, и она притворилась недовольной и неодобрительно посмотрела на самоуверенного Апомакса, он мог видеть, что она не допустила, чтобы его слова упали на землю. Сначала ее лицо было отвернуто,

вскоре он увидел ее рот, и, наконец, ее лицо действительно было повернуто к нему, и она застенчиво улыбалась смелому любовнику. Прежде чем луна поднялась на самую вершину небес, они подарили друг другу поцелуй любви, и она пообещала Нантикоку покинуть холодные горные районы и отправиться с ним в его родные солнечные края.

Братья, я тот самый Нантикок, и высокая красивая женщина - это та, что сидит рядом со мной, а ребенок, который играет у моих ног, - дитя нашей любви.

Когда Апомакс закончил свой рассказ, пятый Нантикок, чье имя не сохранилось в моей памяти, поднялся и сказал:

Когда я покинул своих пятерых братьев, я отправился, согласно нашему с ними соглашению, в страну теплого солнца, на улыбающийся юг. Я путешествовал много дней и проголодался, ослабел и устал. Я не видел ни зверей, на которых мог бы поупражняться из лука, ни рыб, скользящих в воде, которые могли бы спровоцировать удар моего копья. Тут и там было разбросано несколько птиц, но это были те, которыми никто не может позволить себе прокормиться, кроме очень терпеливого человека, или те, кому нечего делать, кроме как есть. Итак, найдя приятное место для отдыха, я лег и попытался призвать себе на помощь Доброго Духа, который освежает душу человека приятными снами. Он пришел и велел мне встать с утренним солнцем и отправиться дальше, следуя изгибу маленькой реки, у истока которой я стоял. "Я должен прийти, - сказал он, - к небольшому холму на берегу озера, полного блестящих рыб, недалеко от Великой реки". И, сказав это, он оставил меня спать этой ночью.

Я встал, освеженный своим сном, и последовал по маршруту, указанному Духом. Путешествуя по этому пути, я пришел утром следующего дня к небольшому холму на берегу озера и увидел в его чистом течении блестящую рыбу, о которой говорил дух сновидений, и по этому я понял, что шел правильно. Холм был очень маленьким холмом, и озеро было очень маленьким озером, и рыба была очень маленькой рыбой. Холм был едва ли в половину высотой полета стрелы; озеро было не шире, чем в два раза больше полета той же стрелы, когда его толкала сильная рука; а рыбешки в нем действительно были пескарями. По обе стороны озера росли высокие деревья, вокруг которых вились виноградные лозы и на которых соблазнительно свисали плоды, спелые, черные и вкусные, открывавшиеся взору путешественника. Птицы щебетали в ветвях, а ласточки скользили по глади озера. Но что больше всего поразило Нантикоку, так это огромное количество маленьких домиков, разбросанных по его берегам. Ни одна из них не была выше его бедра и была сделана из грязи и травы. Нантикок, который любил смотреть на прелести природы, на солнце, и луну, и звезды, и покрытые листвой леса, и зеленые луга, и тихие воды, и другие прекрасные создания природы, сел на берегу озера и позволил трепету восторга проникнуть в его грудь через посредство его глаз. Пока он был поглощен этим занятием, он увидел, как маленькое черное существо с четырьмя лапками выползло из воды рядом с ним и вытянулось во весь рост на зеленом дерне. Он был черным, блестящим и не длиннее мужской руки. Пока он поглощал свою пищу, которой в данном случае были корни, выкопанные из болота, он поднялся на двух задних лапах в вертикальное положение, сидя прямо, как Нантикок, пока не доел. Во время еды он непрерывно разговаривал сам с собой на языке, который Нантикок смог распознать по нескольким словам, долетевшим до его слуха, как тот, на котором говорил он сам. Пораженный, не в силах выразить словами, что слышит, как говорит зверь, к тому же зверь такой подлой наружности, он встал и направился к нему. Когда оно увидело его

приближение, то вместо того, чтобы отступить к воде, как обычно делают дикие звери при приближении человека, которого все низшие существа признают своим вождем, оно двинулось ему навстречу, сделало знак дружбы, принятый у нантикоков, и заговорило с ним так:

- Незнакомец! Я приветствую тебя в водах озера мускусных крыс. Ты пришел в край, богатый солнечным небом и приносящий изобилие фруктов. Ты пришел в великую деревню моей расы, в то место, где мы жили с тех пор, как сами стали людьми, и это озеро и тот холм образовались по воле Великого Духа. До сих пор мы жили в мире, нас не посещал никто из твоей расы, но разум и инстинкт в равной степени подсказывают мне, что ты станешь врагом моего племени. До сих пор мы жили в мире, и никто не досаждал нам и не заставлял нас бояться — этот период прошел, и теперь ты уничтожишь нас, если не будет сделано что-нибудь, чтобы объединить нас узами крепкой дружбы. Ты провозгласил себя Нантикоуком — одним из шестерых, которые оказались сидящими на берегу Великого Озера в конце теплого и приятного дня, при Луне, когда тени покидают соленые воды и переходят в пресные. Это хорошо. Ты должен соединиться с народом Мускусных крыс в прочном союзе. Пойдем в мою хижину.

С этими словами серьезная старая Мускусная крыса повел Нантикока в свое жилище, стоявшее на дальнем берегу озера. Он был построен так же, как и остальные хижины в деревне, но был намного больше и красивее остальных, и в нем было множество дверей, а вокруг него - маленьких домиков, все из которых свидетельствовало о том, что это резиденция почетной Мускусной крысы, высокопоставленного вождя своего народа. Вождь мускусных крыс велел Нантикоку войти в эту хижину, но через мгновение после этого сказал: "Нет, нет, это невозможно. Она недостаточно высока для такого высокого, рослого неуклюжего парня, как ты. Так что посиди здесь, пока я схожу и принесу тебе поесть. Нантикок уселся на траву, а вождь мускусных крыс отправился к себе домой, чтобы принести еды для своего гостя.

Вскоре он вернулся и принес с собой разнообразную снедь, которую разложил на траве рядом с Нантикоком. Некоторые из них были из тех, что вполне могут съесть люди, а некоторые годились только для мускусной крысы. Нантикок достал кремь и высек огонь, в то время как вождь ондатр, который никогда раньше не видел огня, сидел, наблюдая за происходящим и громко выражая изумление. После того как они покончили с едой, вождь издал громкий крик, при звуке которого несколько маленьких мускусных крыс выбежали из дома и приблизились к тому месту, где они сидели. Они были всех размеров, толстые, гладкие, лоснящиеся, маленькие существа, которые, казалось, наслаждались чистым воздухом и с большим удовольствием катались по травянистому дерну. Подойдя к нантикоку, те, что были достаточно взрослыми, очень мило кивнули и поприветствовали его в деревне мускусных крыс, что свидетельствовало о том, что их научили хорошим манерам, хотя они и были четвероногими существами. Вскоре после этого было замечено, как красивая мускусная крыса вышла из хижины вождя и приблизилась к ним кружным путем. Оно робко подошло, это прекрасное создание, и уселось на небольшом расстоянии от них. После этого вождь мускусных крыс заговорил с Нантикоком и спросил его, что он думает о своей маленькой дочери. Нантикок, который, как и все другие хорошие и храбрые люди, всегда говорил правду, ответил, что "она действительно была самой красивой Ондатрой — какая жалость, что она все еще Ондатра!"

"Верно, но это самая лучшая Ондатра в водах озера, - ответил отец, - и она лучше, чем кто-либо другой, знает, как поддерживать порядок в доме. А что касается ее знаний — знаний Мускусной

крысы - у кого их больше? а по хитрости и хитроумию сравни мне мою маленькую дочь со всеми женщинами озер. Что ты скажешь о том, чтобы жениться на ней?

- Все, что вы говорили о своей дочери, без сомнения, чистая правда, - ответил Нантикок, - но у нее четыре ноги, и, кроме того, она слишком мала, чтобы быть женой такого большого человека, как я.

"У нее ног не больше, чем у тебя", - ответило мудрое создание. "Скажи на милость, что такое твои руки, как не ноги? Но все ее недостатки можно исправить. Подожди здесь, пока я не вернусь.

Сказав это, вождь мускусных крыс удалился за небольшой пригорок и, выкопав в земле небольшую ямку, наполнил ее чем-то вроде красного песка, смешанного с грязью. Сделав это, он капнул в него семь капель какой-то зеленой воды и семь раз повторил слово "Тускалуза", которое, по его словам, было именем Духа-хранителя мускусных крыс. Закончив произносить это имя, он лег на землю, спрятал голову между лапами, а хвост - между ног и притворился спящим. Вскоре Нантикок увидел, как со дна озера поднялось существо, по форме напоминающее мускусную крысу, но крупнее любого зверя, которого он когда-либо видел. Каждая из его ног была величиной с дерево, хвост шире человеческого роста, а уши огромных размеров. У него было большое белое кольцо на шее и на каждой ноге, а живот был таким же красным, как лист осеннего клена. Но самым необычным в нем было его лицо, похожее на лицо человека, и его передние лапы, похожие на человеческие руки. Странное существо, которое было Духом-хранителем племени Мускусных крыс, подплыло к ним, как плавает лягушка, и всего за два вдоха высадилось на берег, где они сидели. Подойдя к предводителю мускусных крыс, он слегка ударил его по спине, воскликнув:

- Чего ты хочешь? - спросил я.

"Отними у моей дочери форму Мускусной крысы и придай ей форму Нантикок", - ответил отец.

"Не у меня, а у моего хозяина нужно просить об одолжении", - ответил Дух. "Я постараюсь сделать для тебя все, что в моих силах". Сказав это, он подошел к маленькой молодой Мускусной крысе и прошептал ей на ухо несколько слов. Покончив с этим, он отправился в лес неподалеку от них, срубил молодую сосну, выкопал корень болиголова, взял еловую шишку, дубовый желудь, орешек гикери и березовый лист и положил все это в костер, который разожгла Нантикок. Пока они горели, он ходил вокруг костра, бормоча множество слов на незнакомом языке и несколько раз ударяя по земле каменным посохом, который держал в руке. Когда разные предметы, которые он клал в огонь, превратились в пепел, он собрал пепел в ямку на ладони, капнул на него семь капель какой-то зеленой воды и семь раз громко воззвал к своему хозяину, приложив рот к уху земли. Прежде чем эхо последнего крика затихло среди холмов, маленький краснокожий человек выполз из норы, вырытой вождем мускусных крыс, и встал перед ними. По форме он напоминал Нантикока, но был чрезвычайно мал ростом. Его лицо было очень красивым, глаза сияли, как небесная синева, а волосы - как румянец заката. Когда он пришел, все мускусные крысы, а также руководивший ими гений поклонились до земли и оставались с закрытыми глазами, пока он обращался к ним так:

- Что бы вы сделали с Хозяином Жизни, Мускусные крысы, если бы вызвали его из его дома из сверкающего камня в недрах земли, чтобы он вдохнул запах испорченного бриза с верхних этажей?

Дух рассказал своему хозяину, чего хотели Мускусные крысы. "Это будет сделано", - сказал добрый и благодетельный Хозяин. "Человек из Шести Нантикоков, которые вдруг оказались, сами не зная как и какими средствами, сидящими на берегу Великого Озера, в солнечный день при Луне-Лягушке, восстань, возьми свою невесту и веди ее к границе озера. Когда ты подойдешь к воде, прикажи ей опустить ноги в воду, а сам, стоя над ней, произнеси эти слова: "В последний раз как Мускусная крыса, в первый раз как женщина. Войди зверем — выйди человеком. Во имя Владыки Жизни Я приказываю тебе больше не носить облик животного, но принять тот облик, который назначен Им быть правителем, главным вождем, правителем всего сущего. Сделай это, и ты увидишь грядущие перемены". "

Хозяин замолчал, и Нантикок сделал, как ему было велено. Он взял лоснящуюся маленькую молодую мускусную крысу за лапу, подвел ее к краю озера и, пока она опускала ноги в воду, произнес вслух слова: "В последний раз как Мускусная крыса, в первый раз как женщина. Войди зверем — выйди человеком. Во имя Владыки Жизни Я приказываю тебе больше не носить облик животного, но принять тот облик, который назначен Им, чтобы быть правителем, главным вождем, правителем всего сущего".

Едва были произнесены эти слова, как с маленьким животным началась перемена. Было замечено, что ее тело принимает позу человеческого существа, постепенно выпрямляясь, как молодое деревце, которое было пригнуто к земле, вновь принимает вертикальное положение. Когда маленькое животное выпрямилось, кожа начала спадать с головы и шеи, постепенно обнажая тело до самых ступней, являя всем окружающим образ девушки, прекрасной, как цветочный мед, или голубое небо, усыпанное звездами, или север, озаренный танцем ушедших друзей, или радугу, которая предшествует летнему дождю или следует за ним; но не такой большой, как маленький ребенок, стоящий у моих ног. Ее рука была едва ли больше листа орешника, а ступня не длиннее крыла кольчатого голубя. Ее рука была такой тонкой, что, казалось, ее может сломать ветерок. Нантикок с восторгом смотрел на свою прекрасную невесту, и как усилился его восторг, когда он увидел, что она постепенно увеличивается в росте и распухает до размеров и пропорций человеческого существа, как это было показано в нем самом! Прежде чем великая дневная звезда скрылась за горами запада, она предстала прекрасной по размерам, несравненной по очарованию, и была прижата к сердцу Нантикока с подобающей признательностью Великому Существу, которое подарило ее ему.

Братья, я тот самый Нантикок, и прекрасная женщина, которая когда-то была Мускусной крысой, - это та, что сидит рядом со мной, а ребенок, который играет у моих ног, - дитя нашей любви. И это все, что я должен сказать.

Последний из Шести Нантикоков начал свой рассказ так:

Я оставил своих братьев и отправился в края холода и снега — страну вечного льда и изморози. Я путешествовал много, очень много дней, переваливая через холмы и долины, то вдыхая острый воздух гор, то ощущая влажные туманы низменностей, когда в полдень очутился на дне глубокой долины. На дне этой долины был вырыт в земле колодец, у которого, казалось, не было дна. Он был шириной в половину полета стрелы, а насколько глубок, никто не мог сказать. Воды, которые попадались взору на огромном расстоянии под поверхностью земли, были зелеными, как трава, и, что казалось самым странным тем, кто их видел, казалось, были полны глаз, ярких

сияющих глаз, похожих на пузырьки, которые были бы надуты на воду, если бы их можно было осветить лучами солнца. И было ли это из-за того, что в колодце были ветры, издававшие звуки, или нет, сказать было невозможно, но несомненно то, что оттуда исходил шепот, подобный человеческим голосам, звучащим в глубоких пещерах. Утомленный своим долгим путешествием, я лег на землю рядом с колодцем, намереваясь уснуть. Но дух, властвующий ночью, не явился на мой зов, и я лежал беспокойный и недовольный, пока луна не поднялась над вершинами самых высоких холмов. Затем из колодца начали выходить фигуры странного вида, Духи, которые во всем, кроме глаз, походили на людей. Они были всех цветов и размеров: высокие, короткие, толстые, худощавые, черные, белые, серые, зеленые, желтые, красные. Но по цвету глаза у всех были одинаковыми — все были яркими, и сияющими, и сверкающими, как румянец заката. Там были и мужчины, и женщины, и было также много детей. Как только Духи Колодца встали на землю, они немедленно образовали круг и начали танцевать. Они легко ступали по зеленому дерну, танцуя без перерыва в течение всего периода между их первым появлением на земле и первым проблеском дня на высоких вершинах гор. Когда впервые появился красный оттенок, возвещающий о приближении солнца, все они забрались в свое укрытие, и снова воды колодца наполнились глазами, похожими на освещенные солнцем пузырьки, и снова оттуда донесся шепот, подобный человеческим голосам, звучащим из глубоких пещер.

Нантикок — то есть я сам, — который теперь сгорал от любопытства узнать еще что-нибудь о странных существах, обитающих в колодце, решил остаться еще на одну ночь, чтобы поговорить с ними и узнать, кто и что они такое. Тогда он построил ему неподалеку хижину из коры и отдыхал под ней, пока ночные тени снова не опустились на землю. С лучом восходящей луны снова поднялись эти веселые танцоры, Духи Колодца, и начали свои прыжки по зеленому дерну. Но что больше всего поразило его, так это то, что ни одной ночью они не заговорили с ним и не дали понять, что считают его живым существом. Исполняя свои безумные танцы, они несколько раз подходили к нему на расстояние нескольких футов, и однажды одно из проворных существ, выбегая из круга, одним прыжком очистило голову, что свидетельствовало о том, что препятствие было замечено и обойдено. Полный решимости дать им о себе знать, если это можно было сделать словами, Нантикок, не знаящий страха, приблизился к кругу танцующих и ворвался в их гущу. И все же его цель не была достигнута. Они танцевали вокруг него, они скрещивали руки, касаясь его, они перепрыгивали через него, казалось, они бежали против него, хотя он их не чувствовал. Тем не менее, ни одно из обстоятельств не привело к узнаванию. Он кричал, очевидно, они его не слышали; он танцевал с ними, они не обращали внимания на его движения. Полный решимости, чего бы ему это ни стоило, познакомить их с собой, он поймал проходящую мимо фигуру, выбрав объектом своих объятий самую красивую из всех танцовщиц, прелестную женщину, красоту которой невозможно описать. Что он обнимал? Тень! простой призрак! Эта прекрасная форма - тень! Он не прижимает к своей груди существо, наделенное человеческими качествами, с его добродетелями, недостатками, слабостями. Он не чувствует ни мягкого дыхания женщины, обмахивающей его щеку, ни биения ее маленького сердечка, бьющегося рядом с его собственным. Холодный, липкий воздух касается его лба, как вода холодным утром, и пульсация его сердца замедляется, а не учащается. Она ушла. Он обнаруживает, что у него не больше сил удержать ее в своих объятиях или пробудить в ней осознание своего существования, чем у него есть, чтобы остановить порыв летнего ветра или поддержать беседу с ночными звездами. Еще одна, и еще, и еще одна бесплодная попытка охватить эту форму, к которой он начинает испытывать новый, странный и

преобладающий интерес, убеждает его, что они не принадлежат к его разряду, но существуют, недоступные существам из глины. Снова наступает утро, и снова они улетают в свое сырое и холодное убежище.

Нантикок, измученный долгим наблюдением и непрестанным стремлением обнять прекрасный призрак, лег на землю и погрузился в глубокий сон. Тогда Маниту из Снов подошел к его ложу и прошептал ему на ухо следующие слова:

"Нантикок! тени, которые являются тебе по ночам, - это Духи Источника. В этом колодце они жили много сотен лет и каждую ночь поднимались в верхние слои воздуха, чтобы подышать его бризом. В отличие от других духов, они не видят людей и никакими средствами, кроме прямого вмешательства Владыки Жизни, не могут ощутить их присутствие. Удары не касаются их, и их глаза не видят того, что видят смертные, но того, чего смертные не видят. У них есть свой собственный мир, который, хотя и находится в пространстве мира, в котором мы обитаем, отчетливо обособлен по своей природе и свойствам и требует, чтобы в нем обитали вещи другого порядка. Как вы видите, они носят форму человеческого существа, но не обладают ни одним из его свойств, кроме формы.

- Как мне представиться им? как мне представиться прекрасному созданию, которое я так часто пытался заключить в свои объятия? - потребовал Нантикок.

"Я сейчас у твоего уха, чтобы рассказать тебе, как это произошло", - ответил Повелитель Снов. "Слушай".

"Очисти от виноградной лозы, не приносящей плодов, внутреннюю кору и сплети из нее длинную веревку, которая доставит к воде колодца то, что ты привяжешь к ней. Когда он будет закончен, прикрепи к нему белый плоский камень с маленькими блестящими крапинками, который ты найдешь лежащим на берегу ближайшей речушки, где ноги оленя протоптали глубокую и широкую тропу. Ты должен позволить этому камню опускаться быстрым движением, пока он не достигнет воды, при этом громко крича: "Выходи, девственный дух с ясными глазами, и прими телесное состояние, которое подойдет тебе для того, чтобы стать жительницей верхней земли. Оставь неосязаемую форму, которую ты носил в своем собственном мире, и будь плотью, и кровью, и костями, и мозгом в нашем. Не будь больше холодной обитательницей темного, сырого и мутного колодца, но стань теплой и страстной женщиной. Пробудитесь к радостям и печалям, надеждам и страхам, сомнениям и разочарованиям, заботам и беспокойствам, которые присущи человеческой жизни. Пробудись к трепету любви и радостям материнства". С этими словами Дух отправился к месту своего упокоения в стране грез.

Нантикок встал и сделал, как ему было велено. Он содрал с виноградной лозы, не приносившей плодов, внутреннюю кору и сделал из нее веревку достаточной длины, чтобы дотянуться до воды из колодца. Он поискал плоский белый камешек с маленькими блестящими крапинками и, найдя его, прикрепил его к шнуру и быстрым движением опустил его вниз, пока он не достиг воды. Пока она опускалась, он громко закричал: "Выходи, девственный дух с ясными глазами, и прими телесное состояние человеческого существа. Оставь неосязаемую форму, которую ты носил в своем собственном мире, и будь плотью, и кровью, и костями, и мозгом в нашем. Не будь больше холодной обитательницей темного, сырого и мутного колодца, но стань теплой и страстной женщиной. Пробудитесь к радостям и печалям, надеждам и страхам, сомнениям и

разочарованиям, заботам и беспокойствам, которые присущи человеческой жизни. Пробудись к пульсации любви и материнскому чувству".

Едва эти слова слетели с его губ, как в луче света, проникавшем в колодец, он увидел, как она, которую он любил, та, чье прекрасное тело он так часто пытался прижать к своей груди, поднимается ввысь. Теперь она поднимается, как бы подвешенная ни на чем, теперь она обрела землю. Она уже почувствовала произошедшую с ней перемену, уже осознает себя наделенной другими чувствами и свойствами, отличными от тех, которые сопровождали ее в том состоянии, из которого она вышла. В ее ушах звенят звуки, которых там никогда не было до сих пор; перед ее глазами возникают видения, которые сейчас впервые пробудились. Пение птиц, и жужжание пчел, и журчание далекого ручейка, и вздохи ветра радуют ее слух, и ее глаза радуются всем ярким вещам, которые Великое Существо поместило в этот великолепный мир. И больше всего из всех предметов, попадающих ей на глаза, ее радует форма Нантикока. Ее прекрасные щеки покрываются румянцем, глаза становятся мягче, а сердце бьется с новой, до сих пор не испытанной страстью. Проходит несколько минут, прежде чем она оказывается в его объятиях, дарит и принимает нежный поцелуй. В ней пробудились человеческие чувства, ее сердце ощутило биение любви, ее грудь сжалась от страха, что она может не быть возвращена; и тревога, и радость, и горе, и многие другие страсти человеческой природы посетили ее лоно. Прекрасное создание! она покраснела, говоря Нантикоку о своем согласии быть его женой, она прошептала ему на ухо о своем восторге и удовольствии; и, сидя на зеленой траве рядом с ним, она кладет голову ему на плечо и поет сладкую песню счастливых влюбленных на языке нантикоке, который стал ее родным. Я не помню слов этой песни, но она дошла до ушей восхищенного индейца, как первое слово маленького ребенка до ушей его матери.

Братья! Я - Нантикок, и прекрасная душа - это та, что сидит рядом со мной, а ребенок у моих ног - это ребенок, которого она родила мне. И это все, что я должен сказать.

VI. ВСЕОБЩАЯ МАТЬ.

До того, как существовал мир, и до того, как были созданы горы, люди и животные; когда на небе еще не было солнца, до того, как луна и звезды были повешены вместо светильников тьмы, Великое Существо, которое в равной степени является хранителем и опорой красного человека и его младшего брата белого человека, было с женщиной, прекрасным духом, Всеобщей Матерью. Эта женщина не была такой же натуры, как Великое Существо. Он был духом, бескровным, бесплотным, бестелесным; она носила форму и была одарена свойствами человеческого существа.

В то время все было водой, по крайней мере, вода покрывала все вещи. Никакой глаз не смог бы обнаружить ничего другого, если бы был глаз, чтобы видеть. То, что существовало, было тьмой — все было тьмой-тьмой.—Тьма была всем, во всем и над всем. Снаружи не доносилось ни звука, ни ветер не овеивал поверхность воды, которая была черной, неподвижной и застойной, как ил в пруду, окруженном густой рощицей. Вода прогнила из-за длительного застоя, и ветры не могли существовать в тяжелом и мутном воздухе.

В определенное время эта прекрасная женщина спустилась с небес, пока не дошла до спящих и стоячих вод. Она была беременна от Великого Существа, и ее огромные размеры указывали на

то, что она произведет на свет не одного Ребенка. Когда она ударилась о воду во время своего падения, она не погрузилась в нее глубоко, но там, где она опустилась, сразу же появилась суша, на которой она отдохнула и продолжала сидеть. Земля постепенно росла и увеличивалась вокруг нее, так что за короткое время освободилось столько места, что она могла вытащить ноги из воды, в которой они так долго болтались, что они покрылись травой, как бревна, плававшие в море. И еще шире становилось пространство твердой земли, подобное тому, которое появится, когда вода отступит от песка, который она ранее покрывала. Постепенно земля простиралась от места, где жила прекрасная женщина, до тех пор, пока вскоре ее размеры не стали недоступны глазу. И по мере того, как суша увеличивалась, движение волн, вызванное порывом новорожденных ветров, разбрасывало ее в нагромождения, которые являются холмами и горными массивами, оставляя на ее низких пространствах воды, которые являются ручьями и реками земли.

Пока женщина сидела таким образом, наблюдая за ростом земли, она заметила необычные явления на ее поверхности. Начали появляться травы; выросли деревья, как плодоносящие, так и бесплодные; и за короткое время все пошло своим чередом и выросло таким, какое оно есть сейчас. Вскоре обнаженный дерн покрылся одеянием травы и цветов, а вскоре, хотя и не так скоро, его затенял густой и почти непроходимый лес. Сосна, и дуб, и грецкий орех, и ель, и болиголов пробивались сквозь земную кору, и низкорослые кустарники проложили себе путь к свету воздуха. Вскоре все пошло своим чередом и выросло таким, какое оно есть сейчас, и мир стал таким же прекрасно зеленым, пышным и цветущим, каким он является сейчас.

Когда земля разрослась до своих нынешних размеров и покрылась травой, прекрасная женщина, которая сорок сезонов носила свой груз в утробе матери, отдала его свету. Ей принесли три вида фруктов. Первый был похож на оленя во всех отношениях; второй имел форму медведя; третий имел форму и природу волка. Женщина ухаживала за этими плодами с большой заботой и нежностью, пока они не достигли своего полного роста. Затем она взяла в мужья всех трех сыновей, или разновидностей фруктов, и жила с каждым по очереди. Результатом этой связи или совместного проживания было появление других животных, всегда более одного при рождении, и от них произошли все другие животные различных видов, которые можно увидеть в наши дни. Со временем, а также в силу естественного инстинкта и пригодности, каждый из них ассоциировался со своим собственным видом, и с тех пор так продолжается до сих пор. Но эта связь не всегда приводила к появлению потомства той же природы и породы, что и у родителей. Каждое воспроизводство еще больше разнообразило расу животных, пока не было произведено почти бесконечное разнообразие существ. Собака была сыном волка, а домашняя кошка - дочерью пантеры; чирок был из потомков серого гуся; а кто был отцом ястреба-перепелятника, как не орел?

Когда все вещи были должным образом расположены и приведены в состояние, позволяющее существовать и продолжать свое существование самостоятельно, Всеобщая Мать, выполнив свои замыслы, радостно вознеслась впокинутое ею небо. Тем временем она рассказала Великому Существу о том, что сделала. Он сказал ей: "Ты справилась настолько, насколько смогла, но ты не выполнила одну вещь, которую должна была сделать. Вы создали неисчислимое количество зверей, но у них нет головы. Тебе следовало бы создать существо, наделенное мудростью, чтобы управлять, с небольшой моей помощью, делами мира и поддерживать в каком-то порядке его менее важные дела. Животные и создания, которых вы создали, многие из них большие глупцы, и никто из них не очень мудр, и, кроме того, у них нет

душ, способных получать наставления. Ни у одного из них нет достаточного понимания, чтобы направить стопы своего соседа по пути, по которому он должен идти, — это был бы слепой, ведущий слепого, и вместе они упали бы в канаву. Что еще мог бы сделать медведь, если бы его сделали правителем, кроме как обучать своих подданных проявлять великую силу, или лазать по деревьям, или сосать лапы долгими зимними ночами? Пантера научила бы их дикой жестокости и быстрому шагу, а олень посоветовал бы им спастись бегством от преследования улитки или сухопутной черепахи, или крика крапивника, или болтовни галки; лиса могла бы научить их хитрости, а собака - проницательности, дикая кошка - проворству, антилопа - скорости, волк - храбрости, а сова - пониманию моих обычаев. Но должно быть существо, способное подавлять наглость и обуздывать ярость более диких существ и защищать, насколько это возможно, более слабых от угнетения более сильных. Такое существо должно быть создано и называться ЧЕЛОВЕКОМ. Спустись еще раз на землю, прекрасную и Вселенскую Мать! и родить еще одно существо, которое станет повелителем всех созданий, которые живут, двигаются или дышат на земле, в воздухе или в воде".

Получив это повеление, Всеобщая Мать снова спустилась на землю. Она выбрала для своего мужа, чтобы произвести на свет новое существо, очень хитрую сову, которая была сводным братом медведя и волка, двоюродным братом собаки и оленя и дальним родственником пантеры, лисы, орла и гадюки. От него у нее при одном рождении было двое детей. Люди перенимают свои качества у зверей, с которыми они в родстве, и больше всего у тех, чьей крови больше всего в их жилах. Если они унаследовали большую часть от своего великого отца, совы, они мудры и обычно становятся священниками; если преобладает волк, они кровожадны; если медведь, они грязные и вялые, большие едоки и любят облизывать пальцы; если олень, они чрезвычайно пугливы и слабы; если лиса, жестоки и хитры; орел, дерзкий и отважный, а гадюка - коварная. Таким образом, люди по своей природе и свойствам отличаются от животных и часто бывают хуже животных.

ПРИШЕСТВИЕ МИКВОНА.

Послушает ли мой брат? услышит ли он, что скажет житель Мохегана о том, как его нация впервые познакомилась с белыми людьми?

Много сезонов назад, когда людей с белой кожей никогда не видели в стране могоганов, до того, как пожиратель Огня пришел на смену ягешо (1), или бледнолицый сменил менее опасного Мамонта (2); некоторые люди нашего народа, которые были в том месте, где море расширяется, заметили далеко на дне Великого озера очень большое существо, плавающее по воде. Это был такой объект, какого они никогда раньше не видели. Страх перед этим существом немедленно наполнил их сердца, и они поспешно вернулись на берег. Проинформировав своих соотечественников о том, что они видели, они настояли на том, чтобы они сопровождали их, и сделали дальнейшие открытия о природе этого места и цели его прибытия сюда. Спустив на воду свои каноэ, они вместе поспешили наружу и с еще большим изумлением увидели приближающийся удивительный объект. Их предположения относительно того, что это было, были очень разными; некоторые считали, что это была большая рыба или животное, в то время как другие придерживались мнения, что это был очень большой дом, плавающий на дне Великого озера. Они вскоре пришли к выводу, что этот чудесный и таинственный объект

движется к суше, и они также увидели, что он наделен жизнью. Посчитав уместным сообщить всем своим братьям, кому можно было донести информацию, о грядущем, чтобы они были настороже, они разослали быстрых гонцов и гребцов во все стороны, на восток, запад и север, чтобы донести весть до рассеянных вождей и племен, чтобы они могли собрать своих воинов вместе и приготовиться сразиться, в случае необходимости, со странным существом. Вскоре вожди и воины соседних племен собрались в большом количестве в той части берега, к которой явно приближалось странное существо. Вскоре он приблизился настолько, что они смогли разглядеть, что это был большой движущийся дом (хотя они никогда такого не видели), в котором, как они предположили, присутствовал сам Великий Дух, пришедший навестить их.

Желая принять его таким образом, который подчеркивал бы их понимание Его доброты к ним и их отцам, к дарителю зерна и мяса, а также к победе над их врагами, они обсуждали, каким способом лучше всего можно достичь этой цели. Первым делом нужно было раздобыть побольше мяса для жертвоприношения, и с этой целью лучшие охотники были отправлены в лес на поиски тех животных, которые, как предполагалось, были наиболее приемлемы для могущественного гостя. Женщинам было приказано наилучшим образом приготовить *тасмананскую* похлебку. Все идолы были вынесены, осмотрены и приведены в порядок. Поскольку предполагалось, что грандиозный танец всегда был приятным развлечением для Великого Духа, один из них был заказан не только для его ублажения, но и для того, чтобы с помощью жертвоприношения успокоить его, если он рассердится на них, и побудить его остановить свои действия, а не убивать их. Были вызваны священники и *представители власти*, которые приступили к работе, чтобы определить, если возможно, что предвещало это замечательное событие и каков мог быть возможный результат. Они были одеты в свои магические одежды, шкуры черных медведей, голова, нос, уши, зубы, а также ноги с длинными когтями выглядели так же, как при жизни животного, с парой огромных буйволиных рогов на голове и большим пушистым хвостом, торчащим сзади. Некоторые были ужасно раскрашены, у некоторых на голове была натянута шкура совы, а у некоторых змеи обвилились вокруг тела. К ним, а также к вождям и мудрецам нации женщины и дети, а также мужчины низшего ранга обращались за советом и защитой. И теперь, наполнив свои тыквы водой из пня упавшего кипариса, они начали свою работу по заклинанию, бормоча над волшебной водой заклинание, которое до сих пор оказывало сильное влияние, и слова, призывающие многих духов помочь в исполнении желаний мастеров заклинания. Духи не ответили, и жрецы были настолько охвачены страхом из-за необычной глухоты тех, кто дал им их силу, что усилили лихорадку предчувствий, которую они должны были помочь успокоить. Тыквы с заговоренной водой выпали у них из рук, и, хотя танец начался с пылом и воодушевлением, все же тревога была такова, что в нем не было той регулярности и порядка, с которыми необходимо приближаться к Великому Духу через песни, танцы и жертвоприношения.

Находясь в таком положении, те люди в каноэ, которые ближе всех подошли к странному объекту, вернулись и заявили, что это был большой дом, выкрашенный в различные цвета и переполненный людьми. Они были уверены, что это был Великий Дух, принесший им какой-то дар, которым они раньше не обладали. Вскоре прибыли другие посыльные, которые видели обитателей дома и сообщили о случившемся, что не уменьшило их удивления, страха или любопытства. Они сказали своим друзьям, что они люди другого цвета кожи, чем индейцы, и по-другому одеты; они были белыми, как мясо ошипанной птицы, и не носили шкур; а один из них, который, должно быть, сам Великий Дух, был одет во все красное. Большой дом, или что бы это ни было, продолжал приближаться. Приближаясь, кто-то в нем окликнул их громким голосом на

языке, которого они не могли понять, но они закричали в ответ, согласно обычаю могиганцев. Сильно напуганные странными голосами и еще более странным существом, которое плыло к ним, многие предлагали отступить в горы для безопасности; другие воспротивились этому, чтобы не обидеть посетителя, который обнаружил бы их и уничтожил. Наконец странное существо, которое, как они теперь обнаружили, было большим каноэ, остановилось, и сразу же белые как снег одежды, которые были раскинуты по его многочисленным рукам и покрывали три головы, затрепетали на ветру, как облака в сезон созревания кукурузы. Вскоре многие из странных людей были заняты тем, что собирали эти одежды в складки, как индейцы упаковывают шкуры. Вскоре к берегу, где сидели индейцы, приблизилось каноэ меньшего размера, в котором находились человек, одетый в красное, и многие другие. Когда он высадился на берег, оставив свое каноэ с несколькими своими людьми охранять его, он подошел к вождям и воинам могегана, которые собрались на совет и сели в круг, как это принято у них, когда они собираются принимать послы и вестников мира. Человек в красном бесстрашно подошел к ним и с большой добротой поприветствовал их всех, пожимая каждому руку, которую он очень крепко пожал. Индейцы, со своей стороны, выражали свою радость, свою дружбу и свои эмоции радости и удовлетворения по поводу их прибытия громкими криками, терлись щеками о щеки своих новых знакомых и похлопывали их по спине. Потерявшись в восхищении от незнакомцев, от их одежды, такой веселой и так непохожей на одежду индейцев, от их манер, таких непохожих на черты лица, и от их языка, такого совершенно незнакомого, жители Мохигана не могли ничего сделать, кроме как удивляться и аплодировать. Однако большая часть их восхищения была прикована к человеку в сверкающем красном плаще, который, как они не сомневались, был Великим Духом. Любопытство людей выражалось тысячью различных способов; священники задавались вопросом, знает ли Великий Дух и признает ли их старыми знакомыми; воины - были ли мужчины, сопровождавшие его, такими же быстрыми и отважными, как они сами; а женщинам было очень любопытно узнать, похожи ли эти мужчины на наших, и они громко выражали свою решимость удостовериться в этом факте. Все согласились в том, что независимо от того, являются ли они существами этого мира или страны грез, к ним следует относиться с большой добротой (3) и кормить самыми отборными яствами племени.

Тем временем один из его слуг принес человеку в красном большую тыкву, из которой он налил неизвестный напиток, напоминающий дождевую воду, в маленькую чашку такого вида, какого индейцы никогда прежде не видели. Он выпил ликер из этой чаши и, снова наполнив ее, протянул вождю могеганцев, стоявшему рядом с ним. Вождь взял его, понюхал и передал непроверенным вождю, стоявшему рядом с ним, который делал то же самое до тех пор, пока его не взяли в руки и не понюхали все индейцы в кругу, хотя ни один из них его не попробовал. Человек, который последним взял чашу, собирался вернуть ее предполагаемому Маниту в красном, когда Бендер Соснового Лука, один из самых храбрых могиганцев и самый отважный воин в стране, поднялся и обратился к своим братьям так:

"Нам не подобает возвращать чашу с непроверенным содержимым. Ее вручил нам Маниту, чтобы мы могли пить так, как пил он. Ему будет приятно последовать его примеру; это покажет наше доверие к нему, а мужество, о котором нам говорили, он высоко ценит. Если мы вернем чашу нетронутой, это даст ему повод подумать, что мы считаем ее соком ядовитого дерева; это вызовет его гнев и навлечет гибель на всех нас. Для блага нации содержимое чашки должно быть выпито, и, поскольку никто другой этого не сделает, мастер Соснового Лука посвящает себя убийственному напитку. Лучше погибнуть одному человеку, чем уничтожить целую нацию".

Затем Бендер Соснового Лука взял стакан и, дав множество указаний и торжественно попрощавшись со своей семьей и друзьями, решительно выпил его ужасное содержимое. Все взгляды были прикованы к храброму человеку, чтобы увидеть, какой эффект произведет странный напиток. Вскоре он начал шататься, страшно скулить, закатывать белки глаз, высовывать язык, кричать и совершать тысячу других экстравагантных поступков. Наконец он распростерся на земле, и его охватил глубокий сон. Его товарищи, полагая, что он мертв, принялись оплакивать его судьбу, а его жена подняла предсмертный вой; все считали его мучеником за его доблесть и любовь к своему народу. Но человек в красном только посмеялся над их горем и знаками дал им понять, что он воскреснет. Он сказал им правду: вождь проснулся и объявил своим друзьям, что он наслаждался, хотя и казался безжизненным, самыми восхитительными ощущениями и что он никогда прежде не чувствовал себя таким счастливым, как после того, как выпил чашу. Он попросил незнакомца в красном налить ему еще; его желание было исполнено; другие индейцы обратились с той же просьбой, и их просьба была такой же; все собравшиеся отведали содержимое кубка, и все стали такими же безумными и опьяненными, как и их предводитель. Вскоре лагерь Мохеган превратился в арену шума и суматохи, драк и кровопролития.

После того, как всеобщее безумие утихло, человек в красном и его товарищи, которые, пока оно продолжалось, сидели в своем каноэ, вернулись на берег и раздали индейцам подарки, такие как бусы и топоры. Два народа вскоре познакомились друг с другом, и завязался разговор, в ходе которого желания каждого, насколько их можно было сделать понятными, были переданы знаками. Незнакомцы дали им понять, что они должны снова пересечь Большое Соленое озеро, к долинам, где живут их жены и малыши; но что они вернутся снова, когда пройдет сезон снегов, и привезут с собой больше подарков, побогаче. Дав эти обещания, они ушли.

Когда снова наступил сезон цветов, он принес с собой человека в красном и огромную группу последователей. Индейцы были очень рады видеть бледные лица, которые, казалось, были не менее довольны встречей. Но последние были очень удивлены и громко смеялись над тем, как индейцы использовали свои подарки, потому что они повесили топоры и мотыги себе на шею, а чулки использовали вместо кисетов с табаком. Теперь посетители учили их правильному обращению с этими инструментами. Приладив рукоятки к топорам и мотыгам, первыми они валили большие деревья, заставляя лес звенеть от их ударов; вторыми они вырывали сорняки, которые заглушали кукурузу. Различные блага, дарованные индейцам их посетителями, укрепили их в вере в то, что они действительно были духовными существами, причем он в красном был, по их мнению, Высшим Маниту, а его слуги - низшими Маниту. На этот раз приезжие не все вернулись на каноэ; многие из них продолжали жить у индейцев, которые давали или продавали им землю (4), и жили с ними очень довольные, пока те не захотели лишиться их тех самых земель, где они похоронили кости своих отцов. Затем начались войны, и вскоре индейцы были лишены земли, которая принадлежала им по праву рождения.

Примечания.

(1) *Ягешо*.—с. 99.

У меня нет возможности судить, воображаемый это зверь или нет, вероятно, так оно и было. Ниже приводится рассказ индейцев: Тагишо, или Ягешо, был животным, намного превосходящим самого крупного медведя, с удивительно длинным телом, широким в плечах, но тонким или узким только на задних лапах. У него была большая голова и устрашающий вид. Его

ноги были короткими и толстыми; его лапы (на пальцах которых были ногти или когти, почти такие же длинные, как палец индейца) были очень широко расставлены. На нем не было почти никакой шерсти, за исключением задней части ног, в этих местах шерсть была очень длинной. По этой причине индейцы дали ему название "*Голый медведь*". Несколько из этих животных были уничтожены индейцами, но то, о котором рассказывается ниже, ускользнуло от них и в течение многих лет время от времени уничтожало многих индейцев, особенно женщин и детей, когда они собирали в лесу орехи, выкапывали корни или работали в полях. У охотников, когда их настигало это животное, не было никакой возможности убежать, за исключением тех случаев, когда поблизости была река или озеро, они ныряли в них и плыли обратно или вниз по течению на большое расстояние; когда это было так, и зверь не мог преследовать дальше, тогда он поднимал такой рев, что каждый индеец, услышав его, вздрагивал. Это животное охотилось на каждого зверя, которого могло поймать; он ловил и убивал самых крупных медведей и пожирал их; пока медведей было много, индейцам не так уж и нужно было его опасаться; но когда это было не так, он бегал по лесу в поисках следа или запаха охотников, преследовал их и становился их добычей. Женщины так боялись выходить на работу, что мужчины собрались, чтобы обсудить способ или план его убийства. В озере (Хусинк), откуда вода вытекала двумя путями, одним с северной, а другим с южной стороны, или поблизости от него, этот зверь имел свое жилище, о котором индейцы были хорошо осведомлены. Решительный отряд, хорошо снабженный луками, стрелами и копьями, направился к озеру; они расположились на высокой отвесной скале, взобравшись на эту скалу с помощью индейских лестниц, а затем втащив их за собой. Хорошо закрепившись и подобрав несколько камней, они начали подражать голосам и крикам различных лесных зверей и даже крикам детей, чтобы заманить его туда. Проведя несколько дней безрезультатно, отдельная группа отправилась прогуляться на некоторое расстояние от скалы. Прежде чем они снова добрались до скалы, этот зверь учуял запах и пустился за ними в погоню; но они добрались до нее раньше, чем он появился. Когда он подошел к нему, то был в сильном гневе и бросился на него с широко открытым ртом, ухмыляясь и хватая кремнистое вещество так, словно собирался разорвать его на куски. Несколько раз он почти вскакивал. За все это время в него было выпущено множество стрел и камней, пока, наконец, не наступила его смерть, он упал и испустил дух.

(2) *Мамонт*.—с. 99.

Индейский вождь племени Делавар, посетивший губернатора Виргинии во время Революции, сообщил ему, что это традиция, переданная от их отцов, согласно которой в древние времена стадо этих огромных животных пришло в Биг-бон-Лиз и начало повсеместное истребление медведя, оленя, лося, буйвола и других животных, которые были созданы для использования индейцами. Великий Человек наверху, посмотрев вниз и увидев это, пришел в такую ярость, что схватил свою молнию, спустился на землю, сел на соседнюю гору, на камень (на котором по сей день можно видеть его седалище и отпечатки его ног) и метал свои стрелы среди них, пока все не были перебиты, за исключением большого быка, который, подставив лоб стрелам, стряхивал их, когда они падали; но, наконец, промахнувшись мимо одной, она ранила его в бок, после чего, развернувшись, он перескочил через Огайо, Уобаш, и Иллинойс, и, наконец, над великими озерами, где он живет по сей день". — *Заметки Джефферсона о Вирджинии*.

(3) *К белым людям относились с большой добротой*.—с. 105.

Во всех случаях с белыми людьми при их первой встрече с индейцами обращались хорошо. Варразано (см. *"Путешествия Хаклута"*, т. ii, стр. 295, 300, Lond. 1600 г.). высадившись на побережье Северной Америки (которое находилось недалеко от Уилмингтона, Северная Каролина), обнаружил, что местные жители очень гостеприимны. "Большое количество людей, - говорит он, - пришло со стороны моря, и, увидев наше приближение, они разбежались, а иногда останавливались и оглядывались, созерцая нас с большим восхищением; но потом, воодушевленные знаками, которые мы им подавали, некоторые из них решительно направились к берегу моря, по-видимому, очень радуясь при виде нас и сильно восхищаясь нашей одеждой, фигурой и белизной; и разными знаками показали нам, где нам удобнее всего пристать к берегу на нашей лодке; предлагая нам также часть своей провизии, чтобы мы могли ее съесть". ешь." И снова, в другом месте, один из моряков, высадившихся на берег с несколькими предметами, предназначенными в качестве подарков, обнаружил, что с ним обошлись самым добрым образом. "Эти бесхитростные люди проводили его до берега и некоторое время держали в крепких объятиях, с большой любовью похлопывая его по плечу, чтобы выразить свое сожаление о расставании". —*Смотрите Письмо Варразано в Hakluyt и New York Hist. Собирать.*

Обращение, которому подвергся Колумб, было не менее добрым. Когда Америкус Веспучиус высадился на берег, к нему относились как к высшему Существо; все первые путешественники, Кэботы, Жак Картье, сэр Хамфри Гилберт, Хадсон, говорят о безграничной доброте и гостеприимстве, которые они испытали от индейцев. В первом отчете капитана сэра Уолтера Рэли говорится, что их развлекали со всей щедростью, какую только можно было придумать. Они нашли людей самых нежных, любящих и верных, лишенных всякого коварства и измены, и таких, которые живут по образцу золотого века.—*Увидимся в Хаклуте.*

В первой проповеди, когда-либо произнесенной в Новой Англии, проповедник говорит об индейцах: "Они были к нам как агнцы, такие добрые, такие покорные и надежные, хотя, по правде говоря, многие христиане не так добры и искренни. Когда мы впервые пришли в эту страну, нас было мало, и многие из нас были больны, а многие умерли из—за холода и сырости, так как стояла глубокая зима, и у нас не было ни домов, ни крова; и все же, когда среди нас не было и шести способных людей, а они ежедневно приходили к нам сотнями со своими сахемами или королями и могли за один час расправиться с нами и т.д., Тем не менее, они никогда не причиняли нам ни малейшего вреда". -*Проповедь* напечатана в 1622 году, переиздана в Бостоне в 1815 году.

(4) *Давал или продавал им землю.*—с. 99.

В Сток-Погисе, Бакингемшир, резиденция Джона Пенна, эсквайра. у внука основателя Пенсильвании сохранилась часть ствола дерева, опирающегося на мраморное основание. На латунной табличке такая надпись:

"Эта часть большого вяза, под которым в 1681 году нашей эры был заключен договор между Пенсильванией и первыми жителями Америки, в окрестностях Филадельфии, и которая была снесена ветром в 1810 году нашей Эры, является подарком от кого-то из Общества друзей или квакеров, проживающих в Пенсильвании".

Добавляется: "Дерево находилось в некоторой опасности во время американской войны, когда британская армия владела этим городом, и часто приходилось вырубать деревья в его

окрестностях для ведения огня. Но покойный генерал Симко, командовавший районом, в котором он вырос, был вынужден из уважения к характеру Уильяма Пенна и истории, связанной с ним, приказать охране из британских солдат защитить его от топора".

Рядом - несколько портретов индейских вождей, подписавших следующий акт:

"Этот договор свидетельствует, что мы, Пакена, Джолтам Джикалс, Партсекволт, Джеруа Эссепиманк, Фелктрой, Хекеллаппейс, Эромас, Маклоа, Висси Поуи, индийские короли, изготовители мешков, законные владельцы всех земель от Куинг-Куингуса, называемых Утиным ручьем, на всем протяжении к западу от реки Делавер, и так далее между упомянутыми ручьями в обратном направлении, насколько человек может проехать на лошади за два дня, для и с учетом следующих товаров, оплаченные лично и обеспеченные Уильямом Пенном, собственником и губернатором провинции Пенсильвания и ее территорий; а именно. 20 ружей, 20 сажень спичечного плаща, 20 сажень питьевой воды, 20 одеял, 20 чайников, 20 фунтов пороха, 100 брусков свинца, 40 томагавков, 100 ножей, 40 пар чулок, 1 бочка пива, 20 фунтов. из красного свинца, 100 сажень вампума, 30 стеклянных бутылок, 30 оловянных ложек, 100 лезвий для шила, 300 трубок для курения, 100 пучков табака, 20 щипцов для табака, 20 стальных наконечников, 300 кремней, 30 ножниц, 30 гребней, 60 зеркал, 200 игл, 1 щепотка соли, 30 фунтов. сахара, 8 галлонов патоки, 20 коробок табака, 100 еврейских арф, 20 мотыг, 30 буравчиков, 30 деревянных коробочек для шурупов, 100 ниток бус; настоящим подтверждаем и т. д. и т.п. Выдано из наших рук в Ньюкасле, 2-й день 8-го месяца 1685 года".

Приведенное выше заверено как подлинная копия, снятая с оригинала в декабре 1813 года Эфраимом Муртоном из Вашингтона, штат Пенсильвания, ранее работавшим клерком в земельном управлении.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОСТЕР.

Давным-давно, много лет назад, между чиппева и их врагами бушевала война, и земли враждебных племен были красны от крови. Именно тогда небольшой отряд первого народа столкнулся с отрядом второго на открытой равнине в стране Великих озер. Метиван, вождь чиппева, был храбрым и выдающимся воином; его боевые подвиги были темой каждого юноши, который стремился прославиться в военном деле, и составляли одну из главных тем разговоров среди различных племен страны. И никогда вождь не действовал с большей храбростью и не отличался большей осмотрительностью и личной доблестью, чем в этом случае. После того, как он доблестью своего оружия переломил ход битвы против своих врагов, и когда он издавал громкий победный клич, он получил стрелу в грудь и упал замертво на равнине. Ни один индийский воин, убитый таким образом, никогда не будет похоронен. Согласно древнему обычаю, его поместили в сидячей позе на поле битвы, прислонив спиной к дереву и повернув лицо к тропе, по которой бежали их враги. Его головной убор со всеми перьями и украшениями, его боевое снаряжение, копье и дубинка были аккуратно подогнаны, а лук и колчан были прислонены к плечу. В таком положении его товарищи оставили его. Судьба, которая казалась столь очевидной для всех, оказалась обманчивой, однако в результате. Хотя он был лишен дара речи и способности двигаться, он отчетливо слышал все, что говорили его друзья. Он слышал,

как они оплакивали его смерть, не имея сил возразить ей; он слышал, как они говорили о его великих деяниях; он слышал, как они описывали горе его жены, когда она узнает о его судьбе. Он почувствовал прикосновение их рук, когда они поправляли его позу, не имея сил ответить взаимностью. Его конечности и все его способности, кроме способности мыслить, были скованы цепями ужасной прочности, и он не мог разорвать их. Его мысли текли так же свободно, как и всегда, но конечности отказывались подчиняться их командам. Его страдания, когда он почувствовал себя таким покинутым, достигли ужасающей высоты; но он был вынужден терпеть их, ибо никакие его усилия не могли их унять. Его желание последовать за своими друзьями, которые собирались вернуться по домам, настолько полностью заполнило его разум, что, сделав над собой усилие, он поднялся или ему показалось, что поднялся, и последовал за ними. Но он был невидим для них; они не видели его фигуры, не слышали его голоса или шагов, и это дало новый повод для удивления. Изумление, разочарование, ярость попеременно наполняли его грудь, пока он пытался заставить себя быть услышанным, увиденным или прочувствованным, и обнаружил, что потерял способность делать ни то, ни другое. Однако он шел по их следу с большим усердием. Куда бы они ни шли, он шел; когда они шли, он шел; когда они бежали, он бежал; когда они разбивали лагерь, он разбивал лагерь; когда они спали, он спал; когда они просыпались, он просыпался. Короче говоря, он участвовал во всех их трудах; но он был лишен всех источников освежения и удовольствия, кроме сна, и участия в их беседе, поскольку, по его словам, ни на что не обращал внимания. Он видел, как они ели сладкое мясо оленя и восхитительное блюдо, приготовленное из кукурузы и мяса бизона, но ему не досталось ни кусочка; он видел, как они радостно склонились над приятным огнем, который не давал живительного тепла его дрожащим членам. Он слышал, как они рассказывали о своих доблестных подвигах, но не мог сказать им, насколько его собственные превосходят их собственные; он слышал, как они расписывали радости, которые ожидали их возвращения в свои дома, но хотел иметь власть сказать, что у него тоже есть родственники, не менее любящие и возлюбленные, чем у них.

"Возможно ли, - воскликнул он с горечью, - что вы меня не слышите, что вы меня не понимаете? Ты позволишь мне истечь кровью до смерти, не предложив ничего, чтобы остановить мои раны?— Неужели вы не дадите мне поесть, пока ваши котлы переполнены продуктами удачной охоты, и даже собак кормят аппетитным бизоньим горбом?— Неужели те, кого я так часто вел на войну, так часто давал возможность издавать пронзительный победный клич и выставлять напоказ шест, наполненный скальпами враждебных воинов, неужели они забыли меня?— Неужели нет никого, кто помнил бы меня или кто предложил бы мне кусочек пищи в моем бедственном положении? — Неужели я действительно, как я боюсь, невидим для всех?— Неужели я перестану носить человеческий облик, и мой голос больше не слышен?" Таким образом, он продолжал упрекать своих друзей на каждом этапе путешествия, но никто, казалось, не слышал его слов, а если и слышал его голос, то ошибочно принимал его звук за шум летнего ветра, шелестящего среди зеленых листьев и раскачивающего ветви деревьев.

Наконец, возвращавшийся военный отряд достиг их деревни, и их женщины и дети вышли, согласно обычаю, приветствовать их возвращение и возносить им хвалу. *Кумаудживуг! Кумаудживуг!* они встречались, сражались и побеждали, о них кричали изо всех уст и разносились по самым отдаленным уголкам деревни. Престарелый воин, которого слабость и дряхлость вынудили бросить лук и копье, и мальчик с орлиными глазами, который быстро приближался к зрелому периоду, когда ему предстояло взять их в руки, внесли каждый свою лепту в празднование подвигов, на которые один равнялся, а другой надеялся превзойти.

Жена с гордым видом вышла навстречу объятиям своего прославленного мужа; робкая девушка опустила глаза, чтобы украдкой взглянуть на своего доблестного возлюбленного. Те, кто потерял друзей, с нетерпением приходили узнать об их судьбе и о том, умерли ли они как мужчины. Дряхлый отец утешал себя в потере сына мыслью о том, что он пал мужественно, а вдова наполовину забыла о своем горе среди похвал, которыми награждали храбрость ее покойного мужа. Грудь юношей загорелась воинственным пылом, когда они слышали эти лестные похвалы, и дети присоединились к крикам, смысл которых они едва ли понимали, за исключением того, что они относились к скальпам, подвешенным к окровавленному шесту. Но среди всего этого шума и суеты, казалось, никто не замечал присутствия раненого вождя. Он слышал много расспросов о своей собственной судьбе; он слышал, как они говорили, что он сражался, победил и пал, пронзенный стрелой в грудь, и что его тело оставили среди убитых.

"Это неправда, - громко возразил возмущенный вождь, - что меня убили и бросили на поле боя — я здесь. Я жив! Я двигаюсь!—Посмотри на меня! Прикоснись ко мне! Я снова подниму свое копье и натяну лук в битве; Я снова буду бить в свой барабан на пиру. Мой голос снова зазвучит, чтобы воспевать мои подвиги в ушах слушающей молодежи, а моя рука поднимется, чтобы ударить по раскрашенному столбу, готовясь к вражескому вторжению ". Но никто, казалось, не замечал его присутствия, и они приняли самые громкие звуки его голоса за самый тихий шепот ветра. Теперь он направился к своему вигваму; он увидел внутри свою жену, которая рвала на себе волосы и громко причитала о его судьбе; он попытался разубедить ее, но она, казалось, также не обращала внимания ни на его присутствие, ни на его голос: она сидела в отчаянии, уронив голову на руки; он попросил ее перевязать его раны, но она ничего не ответила; затем он приблизил рот к ее уху и громко позвал: "Я голоден, дай мне немного еды". Жене показалось, что она слышит жужжание у себя в ухе, и она обратила на это внимание того, кто сидел рядом с ней. Разъяренный муж, собрав все свои силы, нанес ей удар по лбу. Она только пожаловалась на стреляющую боль в том месте, что случается нередко, и, поднеся руку к голове, заметила: "Я чувствую легкую головную боль".

Потерпев таким образом неудачу в каждой попытке заявить о себе, вождь воинов начал размышлять о том, что он слышал от жрецов и мудрецов, что духу иногда позволялось покидать тело и бродить повсюду. Он размышлял о том, что, возможно, его тело осталось на поле битвы, в то время как его дух только сопровождал возвращающихся товарищей. Роль, которую он представил перед глазами своих, по-видимому, небрежных друзей, могла быть такой, какой не видят обычные человеческие глаза. Он решил вернуться по их следу, хотя до места было четыре дня пути. Соответственно, он немедленно приступил к своему занятию. В течение трех дней он продолжал свой путь, не встречая ничего необычного, но на четвертый, ближе к вечеру, когда он подошел к краю поля битвы, он увидел огонь на тропинке перед собой. Он отошел в сторону от тропинки, чтобы не наступать на нее, но огонь тоже изменил свое положение и по-прежнему был перед ним. Затем он пошел в другом направлении, но таинственный огонь по-прежнему пересекал его путь и, казалось, преграждал ему доступ к месту конфликта. Короче говоря, какой бы путь он ни избрал, огонь по-прежнему был перед ним: казалось, ничто не могло ускользнуть от него. "Ты, демон, - воскликнул он наконец, - почему ты преграждаешь мне путь к полю битвы, к месту, где находится мое собственное неодушевленное тело? Разве ты не знаешь, что я тоже дух и что я стремлюсь снова войти в то тело, из которого я так недавно был изгнан?—Или ты предполагаешь, что я вернусь, не добившись своей цели, из-за твоего сопротивления?—Знай, что я вождь и воин, испытанный во многих тяжелых битвах и, как известно, никогда не дрогнувший. Я никогда не был побежден врагами моего народа, и я не буду побежден тобой".

Сказав это, он предпринял энергичное усилие, и ему удалось пробить проход сквозь пламя. При этом усилии он очнулся от своего транса, пролежав восемь дней на поле битвы. Он обнаружил, что сидит на земле, прислонившись спиной к дереву, с луком, прислоненным к плечу, и на нем вся его боевая одежда и снаряжение, такие же, как были оставлены его друзьями в день битвы. Подняв глаза, он увидел большого канье, или боевого орла, сидевшего на дереве у него над головой. Он сразу узнал в этой птице ту самую, о которой мечтал в юности и которую выбрал в качестве своего духа-хранителя или личного Маниту. Пока его тело лежало в бездыханном состоянии, эта дружелюбная птица наблюдала за ним и не давала другим хищным птицам растерзать его. Он встал и некоторое время стоял на ногах, но он был слаб и измучен, и прошло много времени, прежде чем дыхание стало полным и совершенным, а кровь заструилась по его венам, как это было обычно до ее кратковременной остановки. Кровь из его раны остановилась сама собой, и теперь он перевязывал ее. Обладая, как и всякий индеец, знаниями о таких корнях, которые были эффективны для лечения этого заболевания, он усердно искал их в лесах и добыл достаточно для своей цели. Некоторые из них он растирал между камнями и применял наружно; другие разжевывал и глотал. За короткое время он настолько оправился, что смог отправиться в путь, но сильно страдал от голода, так как не мог увидеть никаких крупных животных. Однако своим луком и стрелами он днем убивал мелких птиц, которых ночью жарил на костре. Таким образом он поддерживал себя, пока не добрался до воды, которая отделяла его жену и друзей от него. Затем он издал тот особенный возглас, который указывает на благополучное возвращение отсутствующего друга. Сигнал был немедленно услышан, и за ним отправили каноэ. Но пока этого каноэ не было, догадки истощались на то, чтобы определить неизвестного человека, который дружески намекнул о своем приближении. Все, кто был в военном отряде, вернулись, за исключением тех, кто был убит на поле боя. Отсутствовал ни один охотник. Возможно, это был охотник какого-нибудь соседнего народа. Это мог быть какой-то глубокий обман или военная хитрость их врагов. Было опрометчиво посылать каноэ, не зная, друг это или враг. В разгар этих размышлений вождь воинов приземлился под крики своих друзей и родственников, которые толпились из всех вигвамов, чтобы поприветствовать своего верного вождя. Когда первый дикий взрыв радости и изумления утих и в деревне восстановилась некоторая степень спокойствия, он рассказал своим людям о своих приключениях, которые были приведены выше. Затем он завершил свое повествование, сказав им, что духу умершего приятно разводить костер на его могиле в течение четырех ночей после его погребения; что до земли, предназначенной для проживания духа, четыре дня пути; что во время своего путешествия туда дух каждую ночь нуждался в огне на месте своего лагеря; что, если друзья разожгли этот погребальный костер на месте, где было захоронено тело, дух получил пользу от его света и тепла во время своего пребывания; но, если они пренебрегли этим обрядом, дух сам был бы подвергнут утомительной задаче разжигания собственного костра по ночам.

РАЗДЕЛЕНИЕ СЫНОВЕЙ.

Великое Существо, правящее миром, закончив свою работу и обманом захватив все, что есть на земле, в воздухе или в воде, позвало к себе краснокожего человека и его младшего брата, белого человека, и сказало им: "Дети, подойдите сюда". С этими словами он отнес их в большой загон, с одной стороны которого стояла большая клетка, а с другой - большой пруд с водой. В загоне было огромное количество животных, все четвероногие: олень, бизон, лошадь, корова,

пантера, овцебык, антилопа, коза и собака, а также многие другие, такие как бобр, выдра, норка и мускусная крыса, которые лежали, опустив хвосты в пруд, а головы в загон; и другие, такие как черепаха и аллигатор, чьи морды предпочитали воду, в то время как хвосты торчали из земли. В курятнике было огромное количество птиц, некоторые из которых имели красивое и разнообразное оперение, в то время как другие были одеты в грязные и тусклые перья; некоторые были очень нежными и вкусными в пищу, а некоторые были жесткими, но так себе. Мне нет нужды подробно описывать рыб, потому что мой брат достаточно хорошо знает, что это такое. Когда молодые люди провели долгое время, рассматривая животных, птиц и рыб, восхищаясь и восхваляя их, как кто бы то ни было, кто никогда прежде их не видел, Великий Творец обратился к ним так:

"Сыновья мои, я создал множество созданий и вдохнул в них дыхание жизни; Я заставил леса оглашаться криками медведей, пантер и бизонов; я сделал воздух таким густо населенным, что вы едва можете пошевелиться без того, чтобы ваши щеки не обдувало дыханием крыльев моих птиц; я сделал реки населенными финнами. Все это — все вещи — Я сотворил для вашего использования, и вам двоим Я даю их поровну". Сказав это, он начал делить животных, и птиц, и зверей между ними. Рыжему сыну, которого он любил больше всего, потому что тот был силен и ничего не боялся, он дал зверей, унаследовавших его собственную хитрость и отвагу, — медведя, собаку, пантеру, лису и бобра, к которым он добавил в пищу оленя, лося и бизона; бледнолицему сыну он дал лошадь, чтобы нести его, потому что у него были слабые ноги, корову, свинью, овцу и кошку. Из пернатых племен белый сын забрал птицу, которая каркает при проблеске света, утку и гуся, которые любят плескаться в грязи, и индейку, которая поет песню, не самую лучшую; а краснокожий человек забрал орла, сову и всех остальных птиц. Рыб не разделили, потому что их нельзя было держать отдельно, но сыновья согласились, что лучший стрелок, индеец, должен охотиться на тех, для которых требовалось метко стрелять копьем, в то время как бледнолицый должен наклоняться к тем, которые требовали меньшего мастерства и были пойманы с меньшим трудом.

Когда разделение произошло, насколько это вообще могло произойти, белый сын взял свои подарки и бережно отнес их на приятное и чистое поле, где было яркое солнце, много воды под рукой и вдоволь сладкой и сочной травы. Затем он приступил к тому, чтобы сделать своих животных ручными и послушными. Он надел куски дерева им на шеи, скрепив их по два и два, корове и лошади, свинье и овце, коту и собаке; но свинья так сильно вырывалась и была такой противной, а кошка и собака так часто ссорились и дрались так яростно, что он отвязал две последние пары и больше никогда не пытался заставить их работать вместе. Однако с помощью лошади и коровы, которых он нашел чрезвычайно послушными, ему удалось вскопать землю для посадки кукурузы, бобов и тыкв. Он также сделал корову пригодной к употреблению, добыв вкусный напиток из ее вымени, и он сделал лошадь еще более ценной и полезной, прикрепив веревку к ее рту и набросив ей на спину медвежью шкуру, когда, взобравшись на нее, он велел нести ее куда угодно. Овцы давали ему мягкий пух, из которого он шил себе одежду и одеяла, которые продавал индейцам; свинья снабжала его мясом; собака помогала ему во многих отношениях; но я не знаю, на что он использовал кошку. Поэтому белый сын Великого Духа сделал всех своих животных ручными и полезными, либо заставляя их давать ему молоко и мясо, либо помогая ему готовить почву для семян, которые ему было приказано посадить в ней.

Мой брат спрашивает, что сделал красный человек с подарками, которые были назначены ему. Я скажу ему. С минуту он с большим любопытством разглядывал их, затем небрежно завернул в

свое одеяло и отложил в сторону, намереваясь поступить с ними на следующий день так же, как его белый брат поступил со своим. Именно тогда воспоминание о чем-то пришло ему в голову, что сбило его с толку, и он больше не думал ни об одеяле, ни о существах, которые в нем находились, пока не прошло много лун. Когда воспоминание о заточенных животных вернулось к нему, он вернулся к тому месту, где оставил их, — ничего не осталось, кроме одеяла. Он немедленно приступил к их поиску и обнаружил, что удовольствие и возбуждение настолько велики и опьяняющи, что с тех пор он избрал этот способ добывания мяса вместо метода разведения ручных животных, которому следуют глупые белые люди. Это по-прежнему его любимое занятие, и он больше не сожалеет о своей невнимательности и не желает исправить свою ошибку. В то время как белый человек обречен слышать кудахтанье гусей и хрюканье свиней, мычание коров и блеяние овец, присматривать за всеми и ухаживать за всеми с заботой и лаской, которые мать проявляет к своему беспомощному ребенку, краснокожий человек со стрелами, перекинутыми через плечо, и мокадинами, туго зашнурованными на ногах, убегает под вой пантеры и находит радость в вое волка. По горам и лесам идет счастливый индеец, свободный, как воздух, в то время как белый человек прикован к своим скучным и бездуховным занятиям и скован своими бесконечными заботами. Великое Существо, несомненно, желало индейцу добра, когда распределяло животных, но индеец никогда не придирался к инциденту, который освободил его от заботы о них и дал ему вместо этого приятное занятие - охоту.

СКАЛА ДЕВЫ.

Если бы мой брат видел Рыбную реку, он знал бы, что на расстоянии нескольких лун пути, ниже стремительного потока вод, который белый человек называет водопадом Святого Антония, а индейцы - островом Иглз[5], есть прекрасное озеро, которое те же люди называли озером Пепин. Это место настолько прекрасно для созерцания, что далекие индейские народы путешествовали туда, и белые люди приезжают из города с Крепкими стенами, чтобы посмотреть на него и восхититься. С одной стороны лежит быстрая Миссисипи, то в пене, то в водоворотах, сметающая все, что попадает на ее пути, с быстротой человека, идущего пешком, и петляющая окольными путями среди множества островов, некоторые из которых покрыты высокими деревьями, а некоторые представляют собой всего лишь песчаные отмели. На другой стороне раскинулось озеро, представляющее глазу лишь гладкую водную гладь, на которой нет ни волн, ни ряби, и не прерываемую единственным островом. Когда взгляд проходит по его вялой поверхности, он наконец останавливается на высоких утесах, которые его окружают. Один из них, высокий выступающий выступ, обрывистая скала, покоящаяся на крутом берегу, основание которой размыто непрекращающимся действием вод, называется *Скала Девы*. Она известна каждому индейцу в тех краях по мрачной истории несчастной любви. Это была сцена одной из самых печальных сделок, которые когда-либо происходили среди нашего народа.

Жила-была давным-давно в деревне Кеокса, в племени вапаша, молодая индианка, которую звали Вайнона, что означает "перворожденная". Она была доброй и красивой, и всеми очень любимой. Она испытала сильную привязанность к молодому охотнику из ее народа, который любил ее так же сильно, как и она его. Они часто встречались, иногда в тенистых зарослях леса, иногда на берегу реки, но, согласно формам индейского ухаживания, чаще всего возле ее ложа, когда вся деревня отдыхала. Они признались в своей любви и договорились соединиться, как

только будет получено согласие ее семьи. Но когда он спросил ее о родителях, ему отказали и сказали, что она должна стать женой выдающегося воина, который подал на нее в суд. Воин был большим любимцем нации; он приобрел выдающееся имя благодаря услугам, которые оказал деревне, когда на нее напали чиппева; и все же, несмотря на все это и поддержку, которую он получил от ее родителей и братьев, Вайнона упорно предпочитала охотника. На все их громкие похвалы в адрес воина она отвечала, что другого любит больше; что она выбрала мужчину, который, будучи признанным охотником, проведет с ней всю свою жизнь и обеспечит ей комфорт и пропитание, вдоволь еды и безграничное счастье; в то время как воин был бы постоянно сосредоточен на боевых подвигах, подвергая ее, если бы она оставалась дома, бедствиям нужды и голода; если бы она сопровождала его, опасностям поражения и смерти. Однако увещевания Вайноны были безрезультатны, и ее родители, преуспев в том, чтобы прогнать того, кого она предпочитала всему миру, начали применять суровые меры, чтобы заставить ее выйти замуж за мужчину по их выбору. Ко всем ее мольбам о том, чтобы ее не принуждали к союзу с мужчиной, которого она не любила, они оставались глухи - ко всем ее слезам они были слепы. Она умоляла позволить ей жить одинокой жизнью и проводить свои дни, наблюдая за сном своего отца и матери и предотвращая их заботы: они ответили "Нет". Вайнона всегда пользовалась большей долей привязанности своей семьи, и ей потакали больше, чем обычно среди индианок. Ей не приходилось участвовать ни в полевых работах, ни в более тяжелых из тех, что велись за дверью. Она не сажала кукурузы, а дрова для костра и мясо буйвола приносили домой не на ее плечах. Будучи любимицей ее братьев, они выразили пожелание, чтобы ее согласие на этот союз было получено средствами убеждения, а не чтобы ее принуждали к нему против ее желания. Чтобы устранить некоторые из ее возражений, они изыскивали средства для ее дальнейшего содержания и подарили воину все, чего при их простом образе жизни мог желать индеец. Они снабдили его хижину различными принадлежностями, используемыми в индийском домашнем хозяйстве, — шкурами для постели, котелком для варки и вертелом для запекания. Примерно в то же время был сформирован отряд для восхождения из деревни к озеру Пепин, чтобы пополнить запасы голубой глины, которая встречается на его берегах и которую индейцы используют для украшения своей одежды. Именно в тот день, когда они посетили озеро, ее братья преподнесли воину свои подарки. Ободренный этими новыми признаками их одобрения и воспламененный красотой очаровательной индианки, он снова в самых страстных выражениях просил ее стать его женой, но с тем же неудачным успехом. Раздосадованные тем, что они сочли неоправданным упрямством с ее стороны — ибо любовь у индейцев редко приводит к продолжительному сопротивлению со стороны женщины — ее родители выражались в резких выражениях и даже использовали угрозы, чтобы принудить ее к повиновению. Они говорили, как всегда делают родители, которые имеют в виду мужа по душе и мало заботятся о покое и счастье дочери, поэтому видят, что она обладает тем, чего они жаждут. "Что ж, - сказала Вайнона, - ты доведешь меня до отчаяния. Я сказала, что не люблю мужчину, которого ты выбрала, воина, обагренного кровью мирных женщин и беспомощных детей, раскрашенного так, чтобы напоминать только тех отвратительных тварей, которых мы видим во сне. Я сказала, что не могу жить с ним и быть его женой. Я хотела остаться девушкой - дочерью моего отца и сестрой моих братьев, — но ты мне не позволяешь; ты хочешь, чтобы я стала женой. Ты говоришь, что любишь меня; что ты мой отец, мои братья, мои родственники, но ты вырвал из моих объятий и теперь хотел бы вырвать из моего сердца единственного мужчину, с которым я хочу соединиться — единственного мужчину, которого я когда-либо любила. Вы преследовали его несправедливо; вы оскорбляли и дразнили его; вы вынудили его уйти из деревни. Теперь он бродит один по мрачным и безлюдным лесам, и некому ему помочь, некому

утешить, некому расстелить его одеяло, некому построить его вигвам, некому растолочь его кукурузу. И все же он был моим избранником, единственным возлюбленным моего сердца. Ты часто сажал меня к себе на колени, и гладил мои волосы, и целовал в щеку, и говорил, что любишь меня. Это твоя любовь? Но, похоже, даже этого недостаточно; ты хочешь, чтобы я сделала больше — ты хочешь, чтобы я радовалась отсутствию моего прекрасного охотника. Пока его прощальные слова звучат у меня в ушах, свет его глаз в воспоминаниях сияет надо мной, а его нежные обещания забыты, ты хочешь, чтобы я соединилась с другим мужчиной, с тем, кого я не люблю, чей образ встает передо мной лишь для того, чтобы заставить меня плакать и содрогаться. Поскольку это ваша любовь, пусть будет так; но скоро у вас не будет дочери, сестры или родственницы, которых вы могли бы мучить своими ложными заверениями в дружбе. Я отправлюсь в счастливую страну душ, где буду свободен от твоих угроз и упреков".

Как только она произнесла эти слова, каноэ коснулось берега в непосредственной близости от высокой обрывистой скалы, описание которой было дано ранее. Не обращая внимания на ее жалобы и измученные тем, что они считали самым необоснованным отвращением, ее родители в тот момент постановили, что Вайнона должна в тот же день соединиться с воином. Ее решение было немедленно принято; оно было таким, какое могло быть принято только в момент глубокой любви и глубокого отчаяния. Пока все были заняты хлопотливыми приготовлениями к празднеству, она медленно поднялась на вершину холма, с которого открывался вид на место их веселых развлечений. Когда она достигла вершины, смело приблизившись к краю пропасти, она громким голосом позвала своих друзей внизу, упрекая их в жестокости по отношению к ней и ее возлюбленному и благодаря Добрый Дух, который дал ей возможность расстроить их планы и посмеяться над их тиранией. "Вы, - сказала она, - не удовлетворились тем, что воспротивились моему союзу с человеком, которого я выбрала; вы пытались лживыми словами заставить меня изменить ему; но когда вы увидели, что я решила остаться незамужней, вы осмелились угрожать мне: вы не знали меня, если думали, что меня можно запугать и заставить повиноваться. Сейчас вы готовите свадебный пир, но вы увидите, насколько хорошо я могу разрушить ваши планы ". Затем она начала жалобную песнь смерти, которая звучала так:

Панихида Вайноны.

Прощайте, эти зеленые долины,
И приятные тени,
Где я часто сижу и слушаю пение
птиц по утрам, а в вечерний час -
то, что поднимает тревогу и заставляет отряд
индейских воинов взяться за копья.
Больше мои уши не услышат этих звуков,
На земле моего отца;
Пение певчих птиц пройдет мимо меня,
И тихое вздыхание месяца распускающихся почек;
Но я не услышу ни воя волков, Ни
рева голодных медведей,
Ни шипения ядовитых змей,
Ни того, что еще больше леденит сердце,

тирании отца, братьев, друзей.

И я не буду вынужден
Вечно видеть ненавистное лицо
И содрогаться при звуке голоса того, кто спит
Под моим одеялом;
И когда в моей хижине
Молодые лица улыбаются старым, я не пожелаю, чтобы
Еще один глаз взглянул на их сияющие щеки;
Когда воют бури, я не буду думать о том, что кто—то
Один в дальнем лесу,
Когда некому расстелить его одеяло,
Когда некому построить его вигвам -
Замерзший, голодный, одинокий в пустынной долине.

Но я перевалю через острую и страшную скалу
И достигну обители счастливых душ.
Никакие поступки не преградят мне путь.
Я никогда не лгал;
Я был добр к отцу и матери.
Возвращаясь с охоты или с поля боя,
его дочь протягивала ему зажженную трубку;
И та, кто дала ей жизнь, сидела на солнышке
На своей скамейке у двери вигвама,
пока юная Вайнона пекла бизонятину
И набирала кристально чистой воды из ручья.

И я отправлюсь туда, где царит покой,
И где вечно пробуждается радость:
Там я встречу своего охотника;
Он построит наш вигвам у журчащего ручья
И увяжет его виноградной лозой, спелые черные гроздья которой
Будут свисать гроздьями;
Наши малыши будут срывать их.
Воин, я не буду твоей женой—
Отец, у тебя нет дочери—
Братья, твоя сестра лежит на земле,
Холодная, истекающая кровью, безжизненная, и ты слишком поздно скорбишь!

Легкий ветерок, который дул в то время, донес горькие слова ее траурной панихиды до того места, где находились ее друзья. Они немедленно бросились, одни к вершине холма, чтобы остановить ее, другие к подножию пропасти, чтобы заключить ее в свои объятия, и все со слезами на глазах умоляли ее отказаться от своего рокового намерения. Ее отец пообещал ей,

что неследует прибегать к принудительным мерам, что она должна выйти замуж или нет по своему выбору. Ее братья, которые любили ее с большой нежностью, настаивали на всем, что, по их мнению, могло принести пользу, но тщетно. Она была полна решимости и, закончив слова своей песни, бросилась с обрыва и упала к их ногам трупом.

ЭКСПЕДИЦИЯ ЛЕННИ ЛЕНАПЕСА.

Ленни Ленапе, прародители народов[6], тихо отдыхали в своих домиках на берегу мелкой и шумной реки, которая впадает в могучие воды за великими горами, далеко, очень далеко, в сторону заходящего солнца. Если бы мой брат увидел эту реку; если бы он увидел водопад, препятствующий продвижению индейских каноэ; если бы он стал свидетелем борьбы, которая происходит, когда пресные воды впервые смешиваются с солеными, пусть он созовет своих самых молодых и отважных воинов, проворных пеших и сильных сердцем — слабые и ослабевшие, старые и дрожащие, слабые и трусливые не подойдут, ибо путь кишит дикими зверями, сильными воинами и враждебными духами. Пусть он нагрузит своих женщин побольше провизии и сделает свои мокасины из дубленой медвежьей шкуры, ибо много солнц потребуется, чтобы добраться туда, и каменист путь, ведущий к той далекой обители. Необходимо пересечь горы, которые покрыты снегом и на вершинах которых облака рассеиваются, когда туман поднимается с Ониагары[7]. Воины, которые встретятся на его пути, не склонят своих голов перед топором чужеземца, пока их копья не будут сломаны, а в их колчанах не останется стрел. И тогда они не умрут, как женщины, но с песнями о былой славе и настоящем неповиновении на устах. И духи не успокоятся, пока у них не будет много подношений, и на их пути не встретится Ужасный Истребитель Оленей[8], тот, кто посмеялся над карающей стрелой Владыки Жизни и ушел охотиться на лося у Лесного озера.

Ленапы жили в своих вигвамах, воевали с Плоскоголовыми, лакомились лососем и пили сок священных бобов[9], когда с одним из их молодых воинов случилось, что ему приснился сон. Вангеваха, или Жестокосердный, хотя прожил он совсем немного, был одним из самых знаменитых вождей нации. Дни его были всего лишь днями молодого орла; и все же самые храбрые, даже те, кто наблюдал за ореховым деревом от его ростка до цветения, сражались под его безупречным командованием, а в погоне следовали чутью его орлиного глаза. Он сбил больше трупов, он украл больше лошадей, он снял больше скальпов, чем любой человек его нации. Он мог идти по следу стеклянной змеи от солнца к солнцу, он мог видеть след рыбы в сажени под поверхностью воды. Когда он обратил свой взор на юную девушку, она стала его без борьбы (1); когда он рассказал откровения духа сна, старцы и мудрые советники никогда не подвергали сомнению их истинность, но действовали в соответствии с ними без размышлений, веря, что они являются голосом Великого Духа, говорящего через его любимого сына. Если он преуспел в войне и опасных занятиях, то не меньше он преуспел и в тех развлечениях, которыми воин в мирное время скрашивает утомительные часы. Когда Вангеваха бил по мячу, его полет был выше парения утренней птицы, и он никогда не прекращал игру в кости (2), не доказав, что он любимец небес.

Это была прекрасная ночь месяца, в который индейцы собирают свою первую зеленую кукурузу, когда вождь спал на своем ложе из шкур, держа на руках мать своего младшего ребенка, и во сне ему привиделись странные вещи. Ему приснилось, что банды ленни ленапе

забрали кости своих отцов из мест захоронений нации, нагроулили своих женщин пеммиканом и сушеной кукурузой, сложили свои палатки и отправились в края своего великого отца, солнца. Он видел горы, вершины которых дышали огнем, и другие, которые были обителью снежного духа — то шумные войной Святого Народа над облаками, то шипением Великого Змея в глубоких, ужасных и недоступных долинах светлых древних обитателей.[10] Они преодолели, как ему казалось, препятствия в виде огня и бури; они заговорили о гневе злых духов и долго смотрели с восточного гребня этих могучих холмов на бесконечные поляны и прерии, раскинувшиеся в их тени. Они шли вперед, думал он, пока, наконец, не увидели текущую перед ними могучую реку, на берегах которой обитал народ воинов, численностью намного превосходящий ленапе, и которые жили за холмами, созданными ими самими, откуда они совершали набеги на территории соседних племен. Перед ним стояла одна из дев земли. Она была прекрасна, как стройное дерево, как цветущий луг, как дерево, покрытое цветами, как чистое небо, усыпанное звездами. Ее голос был слаще, чем у Пересмешника[11], а ее глаза были ярче и мягче, чем глаза горного козла. На ней был плащ, сшитый из нежной коры тутового дерева, расшитый белыми перьями лебедя, ярким оперением птицы-змеи и раскрашенным стервятником. С ее лодыжек свисали ниточки из ракушек, а в волосы были вплетены цветы. Когда она заговорила с юным Ленапе, это было сказано мягким голосом, как будто это могло заверить его, что сердце, живущее внутри, было таким же нежным, как этот голос, и таким же кротким, как эти глаза. Он думал, что добился того, чтобы эта девушка стала его женой, но, когда она стала бы таковой, и он прижал бы к своей груди прекрасный цветок народа великанов, появилась бы только маленькая белая голубка, которая улетела и устроилась на ветвях великих лекарственных деревьев[12].

Затем мечта воина приняла другое направление, и у него были видения, и он видел зрелища, и призраки вещей, более подходящих его характеру, чем даже улыбки прекрасных дев. Во сне он слышал пронзительный боевой клич своего народа, среди передовых воинов которого он стоял; и его уши были открыты для громкого крика вызова со стороны врага. Он увидел себя и свой народ победителями, Великую реку пересеченной, и последнее каноэ его врагов, обращенное в бегство, устремилось в ее быстрое лоно. Прекрасная девушка стала его женой. Снова его путь был устремлен вперед, подобно неудержимому потоку, и снова другие горы преграждали ему путь; но ничто не представляет непреодолимых препятствий для пылкого духа индийского воина. Он стоит на солнечном склоне этой горы и видит прекрасные земли, раскинувшиеся перед его взором. Голос обращается к нему из пустоты ветра: "Воин Ленни Ленапе, нравится ли тебе земля, которую Я открываю перед тобой? Реки прекрасны — не правда ли? и все же ты не можешь увидеть, как вижу я, их лучшую часть — гладкую и сочную рыбу, которая скользит по ним, или птиц, которые питаются на их краях. Леса здесь высокие — не так ли? но твои глаза не проникают взглядом на их поляны, как мои, чтобы увидеть величественных самцов, которые пасутся в их цветущих зарослях, или веселых птиц, которые поют свои нежные песни любви и радости, сидя на высоких ветвях чеснока и гикори. Я отдал эти земли твоему племени, и ты будешь продолжать занимать их до прихода Миквона.

Вангеваха, или Жестокосердный, пробудился ото сна и, созвав жрецов и колдунов своего народа, рассказал им о странных вещах, которые он видел и слышал во сне. Толкователи снов высказали свое мнение, что Великий Дух повелел знакомому гению воина открыть ему работу, на которую он предназначил Ленапов. Они были единодушны в этом мнении. Тем не менее, они советовали, чтобы к Владыке Жизни обращались за помощью посредством жертвоприношений, после соблюдения должного поста, и чтобы его помощи просили песнями

и танцами (3), как это всегда было принято. Совету толкователей снов последовали, и священники приготовились к посту. Сначала они пировали сами, а также вожди и воины. Затем остатки пиршества были вынесены за пределы лагеря, а крошки тщательно вымыты, пока хижина, в которой должен был проходить пост, не стала такой же чистой, как поверхность поросшего травой холма после летнего дождя. Затем главный жрец громко провозгласил, что воины и вожди народа ленапе должны войти в хижину и соблюдать пост, и что женщины, дети и все, кто не посвящен в военное дело, кто никогда не вешал прядь скальпов в храме Ваконды и не приносил жертвы Великой Звезде, должны держаться в стороне от тех, кто совершил и то, и другое. Когда те, кто обязался соблюдать священный церемониал, вошли на священную площадь, назначенную для поста, на каждом из углов было расставлено по человеку, вооруженному боевым оружием, чтобы не впускать никого, кроме посвященных. Если бы собака только осмелилась дохнуть на священное место, ее постигла бы участь вороватого Плоскоголового.

Затем ленапы выпили, по своему обыкновению, корень[13], который устраняет их злые и трусливые наклонности, делая их рассказчиками только правды, смелыми и сильными на войне, хитрыми и ловкими в краже лошадей, терпеливыми в нехватке и выносящими муки победителя. В то же время они наполняли воздух громкими воззваниями к великому Ваконде и мольбами к нему о том, чтобы в последующем жертвоприношении он раскрыл значение сна, который так заполнил их умы. Чтобы неискупленные грехи непосвященных, женщин и детей, не заглушили их собственные более чистые голоса, священник из рук старейшей из женщин послал грешникам порцию маленьких зеленых листьев любимого сорняка[14]. И таким образом, в течение трех солнц жрецы и воины Ленапе не ели никакой пищи, но умеряли свои греховные аппетиты, чтобы угодить Хозяину Жизни.

Когда пост закончился и искупление было совершено, согласно обычаям народа, толпа собралась на праздник и жертвоприношение. Было провозглашено, что после исполнения священных обрядов голодным разрешается вкушать пищу. Но сначала было принесено жертвоприношение. Мясо оленя клали на горящие угли, и воины, соблюдавшие пост, танцевали свой самый торжественный танец вокруг очага жертвоприношения. Священник, наиболее известный своей близостью к Великому Духу, тот, кто чаще всего своими заклинаниями добывал обильный урожай кукурузы, кто чаще всего заговаривал бизонов в незащищенные прерии, вызывал оленей из зарослей и лошадей с холмов Людей в Черных одеждах[15] и давал им враги Ленапе, сердце птицы, что низко стелется по траве[16], поднялся и начал свой молитвенный гимн:

Песня жреца Ленапе.

Вангевахе приснился сон,
Жестокосердный уснул,
Когда к нему пришел Маниту Ночи,
И видения заплясали перед его глазами.
Что увидел Вангеваха?
Это он увидел.

Он увидел доблестных воинов своей страны,
собравшихся как для войны; жены и младенцы
были у их ног; старики в своих хижинах.
Были запряжены собаки;
Кости многих поколений
Были извлечены из мест захоронений, где
Они покоились бесчисленное количество солнц;
Была приготовлена еда,
сушеная кукуруза и пеммикан,
А свернутые палатки свидетельствовали о том, что ленапе
обули свои мокасины для длительного путешествия.

Грозный Повелитель земли,
Вахконда грома и ветров,
Кто повелевает земле содрогнуться, а холмам покрыться
градом и снегом,
Должны ли мы подняться и забрать
мощи нашего отца из погребального сарая?
Отправимся ли мы, и направишь ли ты
Наши стопы в более прекрасные земли?
Ждет ли нас успех,
В этом нашем далеком паломничестве?
Смогут ли они, наши молодые люди, нанести удар и победить?
Будем ли мы владеть землями, которые видел сновидец?
И будут ли их девы благосклонно смотреть
На наших воинов?
Ответь нам, Дух Могучего Голоса!

Едва смолкла песня жреца, как послышался голос Вахконды, звучащий так же сладко, как пение пересмешницы, радующейся возвращению своего супруга, которого она упрекает за долгое отсутствие. Вожди и воины не поняли слов, которые он произнес, но они были услышаны священником, который повторил их пораженной благоговением толпе. Вахконда приказал им собрать кости своих отцов, сжечь их и забрать пепел, с которым они должны были уйти вместе со своими женщинами и детьми и со всем, что у них было ценного. Они должны были отправиться к большому Мемахоппе, или Целебному Камню, который стоял посреди прерии, на много солнц дальше от их охотничьих угодий; и к этому камню их должен был направить могущественный мудрец, очень низкого роста, сердитого и страстного нрава, одетый в разноцветную мантию и с мешком погремушек. На этой памятке они найдут выгравированные дальнейшие указания для своего марша. Указав им путь, он благословил их как храбрых людей и опытных конокрадов, и его прощальный голос был нежен, как голос девушки, которая умерла от неуплаты за любовь и возвращается к теням земли в виде маленькой белой голубки.

Ленапы, подчинившись приказу вахонды, выступили в поход. В тот момент, когда их рюкзаки были закинута на плечи и их путешествие стало уверенным, духи их ушедших друзей начали свой славный танец^[17], далеко за великими озерами, любимыми регионами духов ветров и

бурь. Северное небо озарилось сиянием, более ярким, чем то, которое мерцает на Пути Владыки Жизни[18]. Это были наши ушедшие друзья, которые выражали свою радость по поводу предполагаемого переселения нашей нации в приятные тени Ленапе вихиттук и в богатые и красивые земли, которые граничат с его границей.

Ленапы ушли не очень далеко, когда услышали в траве неподалеку от себя громкое сотрясение, похожее на стук орехов в сухой тыкке, и вскоре увидели маленькую головку с раскрытыми челюстями и языком, двигавшимся быстрее, чем блеск светлячка, выглядывавшего из низкой травы. Ленапы не знали, что это было, но они увидели, что оно приняло угрожающую позу; поэтому один из них вышел вперед с поднятой боевой дубинкой, чтобы расправиться с ним. Когда он приблизился, неизвестное существо приняло форму, которую наш белый брат придает своему хлысту; движение его хвоста стало таким быстрым, что казалось, будто оно состоит из пара; его тело раздулось от чрезмерной ярости, пока не стало вчетверо больше своего прежнего размера, поднимаясь и опадая, как лекарство от ветра "Длинный нож"[19]; его прекрасная кожа стала пятнистой и грубой, голова и шея сплющились, его щеки раздулись от неуправляемого гнева, губы растянулись, обнажая ужасные клыки, глаза были красными, как горящие угли, а раздвоенный язык цвета самого жаркого пламени.

"Назад, назад, - сказал он, - я очень вспыльчивый; я укушу тебя. Если ты дорожишь своей безопасностью, возвращайся, пока я не заставил тебя очень пожалеть о том, что ты укусил меня за большой палец. Или, если ты действительно сошел с ума, дай мне знать, чтобы я мог пожалеть тебя и не причинить вреда".

Шамонекуссе в изумлении отшатнулся и позвал священника, чтобы тот подошел и поговорил со странным существом. Священник, обратившись с короткой просьбой к своему опекуну Окки, который представлял собой чучело рогатой совы, вышел вперед и спросил у странного существа: "Кто ты?"

"Я, - ответил он, - предводитель партизан гремучих змей. Я - "могущественный мудрец очень низкого роста, сердитого и страстного нрава, одетый в разноцветную мантию и с мешком погремушек", о котором говорил Великий Ваконда, как о том, кому было приказано отвести ленапе к Рыбной реке".

"Мы - ленапы", - ответил священник.

"Тогда вы те люди, которых я ожидал и которых искал", - ответил вождь гремучих змей. - Но почему вы собирались объявить войну мне — мне, у которого одного под властью Ваконды есть средства провести вас в безопасности до конца вашего путешествия? Ты слишком храбр и доблестный, слишком поспешный и холерик, Ленапес; тебе будет полезно потерять немного своей крови, чтобы стать укрощенным.

"Мы очень сожалеем, - ответил священник, видя мудрость в том, чтобы примирить старика, - что была поднята боевая дубинка и занесен топор. Мы желаем, чтобы топор войны был снова зарыт и чтобы между нами было чистое небо. Так ли это, гремучая змея?"

"Топор войны будет снова зарыт, и между нами будет чистое небо", - ответила змея. "И все же маленькая птичка говорит мне, что надвигается черная туча и что топор можно с таким же успехом положить под кровать"[20], откуда его можно легко вытащить. Гремучие змеи и ленапы, прежде чем пройдет много солнц, станут врагами, и каждый попытается истребить другого".

"О, не будем сейчас говорить об этом, - ответил священник. - Мы отодвинем все мысли о злых днях подальше. Мы покурим с тобой, змея". Итак, ленапы курили со своим новым знакомым; между двумя нациями был заключен прочный мирный союз, и они стали очень хорошими друзьями. Они долго болтали о разных материях, о войнах, которые гремучие змеи вели против черных змей, медноголовых, рогатых змей и других воинственных змеиных племен. И снова они двинулись дальше, гремучая змея шла впереди, пока, сильно утомленные, с порванными мокапинами и перекрестившимися женами, они не раскинули палатки и не устроили ночной привал[21]. И снова они двинулись вперед, и снова разбили лагерь еще на одну ночь. Были посланы шпионы обследовать местность, в то время как ленапы отправились вдогонку на досуге. Наконец хитрая старая рептилия, которая все еще продолжала вести их, заявила, что видит в сухой траве отпечатки человеческих ног, которые были до них. Пока они останавливались, один из них пошел вперед на разведку. Вскоре он вернулся и сообщил нашим людям, что на тропе Ленапе, на небольшом расстоянии от нас, разбил лагерь отряд индейцев. Наши горячие молодые воины были за то, чтобы напасть на них, но мудрый старый змей сказал "Нет". Приведя множество веских причин, по которым мир всегда должен быть предпочтительнее войны, он посоветовал послать пояс вампума и сформировать с ними лигу. Пояс вампума вручается храброму молодому воину Мотчуджинге, или Маленькому медведю Гризли. Этот грозный вождь облачается в свой лучший халат; он надевает свои самые дорогие гетры; он прикрепляет к своей боевой труберысаки оленя и петушиные шпоры дикой индейки; он прикрепляет к своему скальпу крыло красной птицы, гребень выпи и хвостовые перья жабоеда. Он раскрашивает одну сторону своего лица, чтобы показать, что он может курить из боевой трубки, которая висит у него на поясе, так же изящно и охотно, как и из трубки мира, которую он держит в руке, и, как бесстрашный воин, что его мысли в равной степени заняты войной, чем миром.

Приближаясь к лагерю странного народа, он напускает на себя самый воинственный вид и начинает свою песню. Он воспеваает возвышенный и воинственный характер своего народа, который никогда не отступал перед врагом и не трепетал перед суровым взглядом воинов; который может поститься семь солнц, а на восьмое загнать оленя в бегство. Он поет, что его отцы были завоевателями всех племен, которые кочуют между горами и далеким морем. Он поет, что у девушек его народа глаза и ноги, как у антилопы, что их песни слаще мелодий певчего воробья, а их движения грациознее движений молодой ивы, склоняемой ветром. Он поет, что мужчины его племени выкурят трубку мира с чужеземными воинами или бросят боевую дубинку в дом совета, как им больше понравится. Ленапе - не женщины и не олени, они не добиваются мира, но они спрашивают себя, почему должна разразиться великая буря войны, а небо затянуться бушующими тучами смуты и раздоров. Ленапы хотят отправиться в страну восходящего солнца; почему их путь должен быть закрыт? их путь лежит через великую реку; почему она должна быть обагрена кровью какого-либо народа? Закончив свою песню, он поднял трубку мира, чаша которой была из красного мрамора, а черенок - из ольхи, причудливо вырезанной, раскрашенной и украшенной прекрасными перьями. Мой брат должен знать, что это символ мира среди всех племен дикой природы.

Один Храбрец, разукрашенный для войны, встретил посланца из лагеря ленапе и, после того как тот развеял свое одеяло по ветру, проводил его в хижину собравшихся вождей своего народа, однако не раньше, чем получил проклятия от старых женщин и был назван "морщинистым стариком с волосатым подбородком и плоским носом".

Затем перед посыльным Ленапе положили мясо. Утолив голод, он снял мокасины[22] и подарил трубку Храбрецу, который был его проводником, который, набив ее табаком и душистыми травами, снова вручил ему. Затем самый молодой из присутствующих вождей взял уголек из костра, который ярко пылал в центре хижины совета, и положил его на любимую траву, от которой шел сильный дым. Затем Мотчуджинга повернул чубук трубки к звездному полю, чтобы молить о помощи Великого Духа, а затем к груди своей великой матери, земли, чтобы Злые Духи могли быть умиротворены; теперь, держа трубку горизонтально, он двигался по кругу, пока не описал круг, этим он намекнул, что стремится заручиться защитой духов, которые сидят на облаках и движутся в воздушных ветрах, тех, кто обитает в глубоких и страшных долинах и пещерах, в дуплах старых и гнилых дубов, тех, кто живет в глубоких и страшных ущельях и пещерах. на вершинах неприступных холмов и в пределах великого совета-огненная[23] Мичабу[24]. Заручившись помощью тех невидимых существ, в чьей власти выдувать дым из трубки мира, чтобы люди говорили только устами, а не сердцем, и в результате их обещания будут подобны пению пролетевшей птицы, Мотчуджинга подал свою трубку великому вождю чужеземцев, который, прежде чем он успел раскурить ее, встал и произнес речь.

"Наше племя, - сказал вождь, - называется менгве. Мы тоже пришли из далекой страны, и мы тоже связаны со страной восходящего солнца. Мы будем курить трубку ленапе и очень глубоко закопаем боевую дубинку; мы поможем сделать ленапе очень сильными и никогда не допустим, чтобы на нашем военном пути росла трава, когда на ленапе нападут враги. Мы выдернем шипы из ваших ступней, смажем маслом ваши окоченевшие конечности и вытрем ваши тела мягким пухом. Мы поднимем друг друга с этого места, и бремя будет возложено на жилище друг друга. И мир, который мы заключим, будет длиться до тех пор, пока будет светить солнце или течь реки. И это все, что я должен сказать".

Так был заключен союз, хотя войны не было, и два народа свободно смешались. Каждый мужчина разжал руку своему соседу, воин ленапе отвел девушку менгве в свою палатку, а ее брат попросил женщину из прежнего народа поджарить ему бизоний горб и сварить кукурузу.

И вот шпионы, посланные вперед с целью разведки, вернулись. Они видели много таких странных вещей, что, когда они рассказывали о них, наши люди наполовину верили, что это сны, и какое-то время считали их всего лишь пением птиц. Они рассказали, что нашли дальний берег Рыбной реки, населенный очень могущественным народом, который жил в больших деревьях, окруженных высокими стенами. Они были очень высокими - настолько высокими, что голова самого высокого ленапе не доставала им до рук, а их женщины были выше ростом и тяжелее конечностями, чем самые высокие и рослые мужчины в конфедеративных нациях. Их звали аллегеви, и это были люди, обожавшие красную и черную краску, пронзительные боевые кличи и удары копья. Таково было отношение шпионов к своим соотечественникам.

Это донесение шпионов усилило страхи и недовольство ленапов до такой степени, что часть согласилась остаться на землях, в которых они тогда находились, и не пытаться пересечь реку, занятую таким количеством враждебных воинов. Но большая часть заявила, что они мужчины, и скорее, чем повернут назад от врага, каким бы сильным он ни был, или покинут поле битвы без удара или боевого клича, они пойдут на верную смерть и оставят свои кости во вражеском лагере. Итак, одна группа, самая сильная из ленапов, осталась за Миссисипи, в то время как другие готовились к встрече с народами, которые в настоящее время были хозяевами этой земли. Но прежде чем посвятить свою судьбу битве, они постились и умерщвляли свою плоть,

чтобы снискать благосклонность существа, руководящего войной, и к их священникам обращались за советом, чтобы узнать, будет ли он благосклонен к ним. "Победим ли мы?" "Победим ли мы?" Был нетерпеливый вопрос. Жрецы ответили: "Ленапы победят, когда получат великое военное лекарство". Они спросили, что это было; священники ответили: "Вам станет известно об этом завтра". Наступил следующий день, и жрецы рассказали о великом военном снадобье, свойства которого приносили верную победу тем, кто им обладал. В старые времена дикая кошка пожирала их народ; они устроили для нее ловушку и поймали ее, сожгли его кости, а пепел сохранили. Этот пепел был бережно сохранен священниками, и теперь они извлекли его наружу. Великий старый змей, отец раздора, был в воде; старики собрались вместе и запели, и он показался; они снова запели, и он показался немного дальше из воды; в третий раз он показал свои рога. Им удалось отрезать один из рогов. Он показался в четвертый раз, и они отрезали другой рог. Кусочек этих рогов и пепел от костей дикой кошки, смешанный вместе, были великим военным лекарством нашей нации. Приготовленные с помощью лекарства такой силы, объединенные нации двинулись в страну гигантов, о которых сообщалось. Прибыв на берега Миссисипи, они послали сообщение аллегви с просьбой разрешить им поселиться по соседству. Этот надменный народ отклонил просьбу, но разрешил им проехать через свою страну и поселиться дальше, в стране восходящего солнца. Ленапы, соответственно, начали переправляться через Миссисипи, когда аллегви, видя, что их отряды очень многочисленны, превосходя числом птиц на деревьях или рыб в воде, предприняли яростную атаку на тех, кто переправился, угрожая всем уничтожением, если они осмелятся упорствовать в переходе на их сторону реки. Пораженные предательством этих людей и обезумевшие от потери своих братьев по оружию, ленапы удалились в глухое укрытие, чтобы посоветоваться, как лучше поступить. На совете обсуждалось, что лучше - отступить наилучшим доступным для них способом или выставить все свои силы и дать врагу увидеть, что они не трусы, а мужчины - храбрецы, которые не допустят, чтобы их загнали в лес, прежде чем они не испытают силу врага, не увидят силу своего оружия в метании копья и нанесении ударов боевой дубинкой, и верность своего глаза в наведении лука. Было решено, что храбрецы никогда не поворачивают назад, что ленапе - храбрые люди и должны обмакнуть свои мокасины в кровь своих врагов. Менгве, которые до сих пор только наблюдали, как наша нация сражается, предложили присоединиться к нашим воинам, если, когда страна будет завоевана, им будет позволено разделить ее с нами. Это предложение понравилось нашим советникам, и обе нации возродили веру в калумета, решив победить или умереть. На следующее утро было назначено атаковать аллегви в их укреплениях.

Была ночь; отряды конфедеративных наций спали в своих хижинах, мечтая о победе и славе, когда Вангеваха, или Твердое Сердце, спавший в своей палатке, был разбужен легкой поступью ноги по земле рядом с ним и музыкой голоса, более сладкого, чем пение коноплянки или дрозда. Подняв глаза, он увидел в лучах луны высокую и красивую женщину, прямую, как орешник, и грациозную, как молодая антилопа. На плечи у нее был накинут плащ из нежной коры шелковицы, расшитый белыми перьями лебедя, ярким оперением птицы-змеи и раскрашенного грифа. Вангеваха очнулся ото сна, ибо понял, что это та самая прекрасная девушка, которую он видел во сне, прежде чем покинуть страну костей своего отца, — высокая и стройная, глаза черные и сверкающие, ножка маленькая и быстрая, зубы белые и ровные, блестящие темные волосы и маленькая пухлая ручка. Он заговорил с прекрасной незнакомкой мягким тоном, и тон ее ответа был таким же сладким, как дыхание младенца, которого укачивают на ветке дерева. Он спросил ее, кто она такая, и она ответила, что это девушка из

лагеря аллегеви. "Зачем, - спросил он, - она пришла сюда? Почему такая юная и прекрасная девушка рискнула оказаться во вражеском лагере, в темные ночные часы, среди свирепых воинов, которые поклялись уничтожить ее нацию?"

"Я пришла сюда, - ответило прекрасное создание, - потому что хочу спастись от преследований молодого воина, любимца моего отца, который просит меня стать его женой. Я не люблю его, я сказала ему об этом, и все же он хочет заполучить меня, в то время как мое сердце возмущается при мысли стать спутницей того, кто может похвастаться только тем, что способен убивать людей слабее себя; и тем, что у него раскрашены для войны щеки, а руки обагрены кровью".

Черствое Сердце, не испытывавший к красивым женщинам того чувства, на которое указывает его имя, сказал ей слова утешения и велел ей идти спать к его сестре, которую он позвал к себе из другой части каюты. Но в сердце воина загорелась любовная страсть, и он решил, что, если Великий Дух дарует ему победу в предстоящем состязании, прекрасная девушка должна стать его женой.

Солнце следующего утра сияло над полями резни и чудес доблести. Объединенные нации встретились с народом-гигантом; произошла великая битва, и многие, очень многие воины пали. С помощью сильнодействующего военного лекарства Ленапес, которое давал священник, конфедераты атаковали своих врагов и вышли победителями. Разбитые и посрамленные аллегеви отступили на высокие берега, окружавшие их деревни и большие города, и там ожидали нападения наших храбрых и бесстрашных воинов. Они были атакованы, и в первом же бою их погибло больше, чем лесных листьев. Никто не был пощажен; человек, просивший пощады, скорее получал стрелу в грудь, скорее ощущал укол копья, чем тот, кто был слишком храбр, чтобы вымолить у бедняка еще несколько дней пребывания на холодной и унылой земле, и предпочитал уйти отсюда без позора. Снова и снова ленапы одерживали победу. Разбитые во многих битвах и осознавшие, что их ожидает полное истребление, если они и дальше будут медлить с бегством, аллегеви погрузили в свои каноэ жен и детей и отправились вниз по широкому лону Миссисипи. Никогда больше ни их самих, ни их потомков не видели на землях, где их нашли ленапы. Из всей бесчисленной толпы аллегеви только прекрасная девушка осталась в наших палатках, и вскоре после этого ее забрали спать на грудь Вангеваха.

- А теперь, - сказал вождь гремучих змей, - что ты предлагаешь дать мне за мои услуги? Я был верным проводником и провел вас невредимыми через множество опасностей в страну изобилия и славы. Я, несомненно, заслуживаю вознаграждения".

- Да, - ответил Черствое Сердце. - Предположим, мы дадим вам пару мокасин.

"Ха-ха-ха! не упоминай больше об этом; это приведет меня в ярость", - ответил старик, начиная расплываться и раздуваться от шутки. "Но если уж говорить о мокалинах, то их должно быть очень много, потому что ты знаешь, что у меня много ног. Предположим, ты дашь мне в жены девушку из ленапе".

"От девушки-ленапе до жены! Что ты будешь делать с женой-ленапе? Скажи, змея, что могло бы быть помесью гремучей змеи и ленапе?"

"Не называй больше это имя, потому что я очень страстный", - воскликнула старая змея. "Я укушу. Что это за крест, скажи ты? Самая умная из возможных помесей — помесь мудрой и доблестной змеи и красивой женщины, ибо красивой женщиной она и будет, если я выберу ее."

Но я требую в качестве вознаграждения за свои услуги, чтобы мне разрешили вступить в брак с женщиной вашей нации. Так что приступайте к этому немедленно, ибо я очень тороплив в этих вопросах и, кроме того, хочу вернуться к своему народу, который долгое время был без лидера".

Получив это странное предложение, вождь ленапе, которому оно было адресовано, созвал советников нации и обсудил с ними, следует ли удовлетворить эту просьбу. Приводилось много аргументов за и против, но, в конце концов, они пришли к решению, что мудрый старый гремучий змей должен выбрать себе в жены девиц ленапе. Старик с большой радостью услышал о принятии своего предложения, ибо, как он сказал, у него был очень нетерпеливый нрав, и по мере того, как он переносил кресты с полным отсутствием терпения, была и его чрезмерная радость, когда он преуспевал в своих взглядах и желаниях. Итак, были выведены девы, и он остановил свой выбор на прекрасной девушке, которая не видела, как распускаются цветы, более пятнадцати раз. На мгновение слеза дрогнула в темных глазах этой прелестной девушки при мысли о странном и неравном браке, который она собиралась заключить. Но она была ослеплена, как и все женщины, обещанной славой стать невестой великого вождя нации, и она вытерла слезы сожаления, как женщины часто делали раньше, листом с дерева утешения, и стала радостной и беззаботной. На следующее утро они отправились в Долину Светлых Древних Обитателей, и для большей скорости она несла его на плечах, будучи первой невестой, которая, насколько мне известно, несла домой своего мужа в корзине.

Конфедераты разделили завоеванные ими земли. Менгве захватили земли, лежащие на берегах северных озер; ленапе выбрали те, на которые падали лучи теплых солнц юга. Прошло много-много веков, две нации продолжали жить в мире, военный клич был изгнан из тени обеих, и их число стало очень велико. Наконец, некоторые из наших молодых охотников и воинов пересекли великие поляны[25]и отправились дальше, пока не пришли к прекрасному Ленапе вихиттук, где они остались до сих пор. И это история, которую рассказывают все племена дикой природы, об эмиграции нашего народа и его победе над исконными владельцами земли. Я сделал.

Примечания.

(1) *Она стала его без борьбы.*—с. 143.

Хирн в своем "Путешествии к замерзшему океану" говорит: "У этих людей всегда был обычай, когда мужчины боролись за любую женщину, к которой они привязаны; и, конечно, сильнейший всегда забирает приз. Слабому мужчине, если только он не хороший охотник и не всеми любимый, редко разрешается содержать жену, которую более сильный мужчина считает достойной его внимания; ибо в любое время, когда жены этих сильных борцов тяжело нагружены мехами или провизией, они без колебаний отрывают жену любого другого мужчины от его груди и заставляют ее нести часть его багажа. Этот обычай преобладает во всех их племенах и вызывает великий дух соперничества среди их молодежи, которая при любых обстоятельствах, с самого детства, пробует свои силы и мастерство в борьбе ... То, как они отрывают своих женщин и детей друг от друга, хотя и выглядит величайшей жестокостью, вряд ли можно назвать борьбой ... Во время этих соревнований сторонние наблюдатели никогда не пытаются вмешаться в соревнование. Иногда случается, что один из борцов превосходит другого по силе, и, если причиной состязания является женщина, более слабый часто не желает уступать, несмотря на то, что он сильно побежден. Я заметил, что очень немногие из этих людей были недовольны женами, выпавшими на их долю, потому что всякий раз, когда сколько-нибудь

значительное число из них собиралось в компании, едва ли проходило дня без того, чтобы не было сделано несколько попыток к состязаниям такого рода, и мне часто было очень неприятно видеть, как объект состязания сидит в задумчивом молчании, наблюдая за своей судьбой, в то время как ее муж и его соперник боролись за его приз. Я действительно испытал не только жалость к этим бедным несчастным жертвам, но и крайнее негодование, когда увидел, что их победил, возможно, человек, которого они смертельно ненавидели. В этих случаях их горе и нежелание следовать за своим новым господином были так велики, что дело часто заканчивалось величайшей жестокостью; ибо в ходе борьбы я видел, как бедных девушек раздевали совершенно донага и силой переносили в их новое жилье. В другое время было достаточно приятно видеть, как прекрасную девушку уводят с поля боя от мужа, которого она не любила, со слезой в одном глазу и пальцем в другом; ибо обычай или деликатность, если вам угодно, научили их считать необходимым немного понять, пусть это хоть немного соответствует их склонностям".

(2) *Игра в кости—азартные игры—азартные игры.*—с. 143.

Азартные игры, по-видимому, являются естественной страстью человека, и среди американских индейцев они доведены до крайности. Игры, в которые они играют, разнообразны, но все они направлены на приобретение желанного богатства; они никогда не играют без ставки, а это, учитывая количество их имущества, очень крупная ставка. Они заядлые игроки. Я предположил, что описание их основных игр может быть небезынтересным для читателя, и поэтому включил в статью следующее: —

В игру "блюдо", которую они называют *игрой в маленькие косточки*, играют только двое. В каждой по шесть или восемь маленьких косточек, которые на первый взгляд можно принять за абрикосовые косточки; именно такой формы и величины они имеют. Они заставляют их подпрыгивать, ударяя по земле или столу круглым и полым блюдом, в котором они находятся, и которое они сначала вертят в руках. Когда у них нет тарелки, они подбрасывают кости в воздух руками. Если при выпадении они выпадут все одного цвета, тот, кто сыграет, выигрывает пять. В игре остается сорок очков, и они вычитают числа, набранные противной стороной. Пять костей одного цвета выигрывают, но только одна в первый раз, но во второй раз они выигрывают партию. Меньшее число ничего не выигрывает.

Тот, кто выигрывает игру, продолжает играть. Проигравший уступает свое место другому, которого называют по маркерам его команды; потому что сначала они устраивают вечеринки, и часто в игре участвует вся деревня. Часто также одна деревня играет против другой. Каждая сторона выбирает маркер, но он убирает его, когда пожелает, чего никогда не происходит, кроме как когда он проигрывает. При каждом броске, особенно если он оказывается решающим, они издают громкие крики. Игроки выглядят как одержимые, и зрители от этого не становятся более спокойными. Они корчатся тысячу раз, разговаривают с костями, осыпают духов противника проклятиями, и вся деревня отзывается эхом проклятий. Если все это не вернет им удачу, проигравшие могут отложить вечеринку до следующего дня. Это обойдется им лишь в небольшое угощение от компании.

Затем они готовятся вернуться к помолвке. Каждый взывает к своему гению и бросает немного табака в огонь в его честь. Прежде всего они просят его о счастливых снах. Как только наступает день, они снова идут играть; но если проигравшие воображают, что товары в их каютах принесли им несчастье, первое, что они делают, - это меняют их все. Большие вечеринки

обычно длятся пять-шесть дней и часто продолжаются всю ночь. Тем временем, поскольку все присутствующие находятся в возбуждении, лишаящем их рассудка, они ссорятся и дерутся, что у дикарей случается только в таких случаях и когда они пьяны. Можно судить, если, закончив играть, они не захотят отдыхать.

Иногда случается, что эти игровые партии устраиваются по указанию врача или по просьбе больного. Для этой цели не нужно ничего большего, чем видеть сон об одном или другом. Этот сон всегда принимают за приказ какого-то духа, а затем они с большой тщательностью готовятся к игре. Они собираются на несколько ночей, чтобы попытаться выяснить, у кого самая удачливая рука. Они советуются со своими гениями, они постятся, женатые соблюдают воздержание; и все для того, чтобы получить благоприятный сон. Каждое утро они рассказывают, какие сны они видели, и обо всех вещах, которые им снились и которые они считают удачными; и они собирают все это и складывают в маленькие мешочки, которые повсюду носят с собой; и, если у кого-то репутация счастливчика, *то есть*, по мнению этих людей, у кого есть дух-хранитель, более могущественный или более склонный творить добро, они никогда не упускают случая заставить его держаться рядом с тем, кто держит блюдо, они даже проделывают большой путь, чтобы забрать его; и, если из-за возраста или какой-либо немощи он не может ходить, они помогут ему. несут его на своих плечах.

У жителей Майами есть игра, которая называется *игра в соломинки*. Эти соломинки представляют собой небольшие тростинки, размером примерно с пшеничную соломку и длиной около шести дюймов. Для них берут пачку, обычно двести одну, и всегда нечетное количество. Тщательно перемешав их, проделав тысячу изгибов и призвав духов, они разделяют их чем-то вроде шила или заостренной кости на участки по десять штук в каждом: каждый на свой страх и риск берет свой, и тот, кому случайно достанется участок с одиннадцатью, получает определенное количество согласованных очков. Вся игра длится шестьдесят или восемьдесят **** У них есть еще две игры, первая из которых называется *игра с битой*. Они играют в нее мячом и согнутыми клюшками, заканчивающимися чем-то вроде ракетки. Они устанавливают две стойки, которые служат для ограждения и которые удалены друг от друга в зависимости от количества игроков. Например, если им восемьдесят, между двумя стойками расстояние в половину лиги. Игроки делятся на две группы, у каждой из которых своя стойка. Их задача - ударить мячом в штангу противника, не давая ему упасть на землю и не касаясь его рукой; ибо в любом из этих случаев они проигрывают игру, если только тот, кто допустил ошибку, не исправит ее, ударив мяч одним ударом в штангу, что часто невозможно. Эти дикари так ловко ловят мяч своими битами, что иногда одна игра длится много дней подряд.

Игра, описанная Маккензи и получившая название *игра на блюдечке*, я думаю, та же самая игра, которую Шарлевуа называет "Игрой в кости". О страсти индейцев бивера к азартным играм см. В его дневнике, стр. 149. Тот же автор (стр. 311) описывает другую игру, в которую играли индейцы Скалистых гор. В нее играли два человека, у каждого из которых была "связка примерно из пятидесяти маленьких палочек, аккуратно отполированных, размером с гусиное перо и длиной пять дюймов; определенное количество этих палочек было обведено красными линиями; и столько из них, сколько один из игроков мог счесть удобным, было причудливо завернуто в сухую траву, и, по мнению его противника, в зависимости от их количества и меток, он проигрывал или выигрывал".

Танцы - любимое развлечение дикаря и один из его методов умиловления Божества. Чувствует ли он себя бодрым, он танцует; получил ли он пользу от ближнего, он танцует в его честь; если от Высшего Существа, он собирает свое племя в своей хижине и благодарит в танце. Когда у него есть причина опасаться, что его Бог оскорблен, или когда происходит событие, из которого он делает вывод о своем недовольстве, он начинает торжественный танец. Таким образом, мы видели, что, когда голландцы впервые высадились на острове Нью-Йорк, жители, которые считали их небесными существами, начали танцевать, чтобы умиловить их.

Танцы дикарей - это обычный танец, а танцы, которые устраиваются по особым случаям, и манера танцевать несколько различаются. Танцуя *общий танец*, они образуют круг, и у них всегда есть лидер, которому подчиняется вся труппа. Мужчины идут впереди, а женщины замыкают круг. Последние танцуют с большим достоинством, как будто заняты самым серьезным делом; они никогда не говорят мужчинам ни слова, не говоря уже о шутках с ними, которые повредили бы их характеру. Они не прыгают и не скакают, а легко продвигаются вперед, а затем назад, но так, чтобы постепенно продвигаться, пока не достигнут определенного места, а затем таким же образом удаляются. Они держат свои тела прямо, а руки свисают близко к телу. Но мужчины кричат, прыгают и топают с такой яростью, что земля дрожит у них под ногами. Их чрезвычайная ловкость и легкость ног никогда не демонстрируются с большей пользой, чем в танцах.

Танцев, проводимых по особым случаям, много, и, в отличие от предыдущего, они частые. "Из них, - говорит Лоскиел, - главным является *танец мира*, называемый также калуметом или танцем свирели, потому что калумет, или трубка мира, передается из рук в руки во время танца. Это больше всего нравится незнакомым людям, присутствующим в качестве зрителей. Танцоры берутся за руки и некоторое время прыгают по рингу. Внезапно ведущий отпускает руку одного из своих партнеров, продолжая держаться за другого. Затем он прыгает вперед и несколько раз оборачивается, чем обводит всю компанию вокруг себя, чтобы быть окруженным ими, когда они стоят близко друг к другу. Они так же внезапно разъединяются, но продолжают держать друг друга за руки во время всех различных поворотов и перемен в танце, который, как они объясняют, представляет собой цепь дружбы". Этот писатель, который в целом является весьма безразличным авторитетом к тому, что касается индейцев, и, должно быть, составил свою книгу на основе рассказов очень неосторожных или очень глупых наблюдателей, никогда, я думаю, по его собственным наблюдениям, сильно не отличается в своем описании этого танца от Шарлевуа, чья книга в целом является лучшей из всех, где рассказывается о североамериканских дикарях. Он говорит (том ii, стр. 68): "Это были молодые люди, экипированные так, как они готовятся к маршу; они раскрасили свои лица всевозможными красками, их головы были украшены перьями, и они держали некоторые из них в руках, как веера. Калумет также был украшен перьями и водружен на самое видное место. Вокруг него играл музыкальный оркестр и танцевали, зрители разбились тут и там на небольшие группы, женщины отделились от мужчин. Перед дверью квартиры коменданта они установили столб, на который в конце каждого танца поднимался воин и наносил удар своим топором; по этому сигналу наступала глубокая тишина, и этот человек громким голосом повторял некоторые из своих великих подвигов, а затем получал аплодисменты зрителей. Когда танец калумета предназначен, как это обычно бывает, для заключения мира или союзного договора против общего врага, они вырезают змею на одной стороне трубки и устанавливают с одной

стороны от нее доску, на которой изображены два человека из двух объединенных наций с врагом под ногами, обозначенным знаком его нации ".

Из двух отчетов, которые, как можно видеть, существенно отличаются друг от друга, я предпочитаю отчет Лоскиэля. Я думаю, Шарлевуа принял другой танец за танец калюме, тем более что он признается, что они не оказали ему (коменданту) ни одной из упомянутых почестей. "Я не видел, чтобы ему вручали калумет, и не было мужчин, державших калумет в руках".

The *Военный танец*, проводимый до или после кампании, является их величайшим танцем. Это ужасное зрелище, цель которого - вселить ужас в зрителей. Никто не принимает в этом участия, кроме самих воинов. Они выглядят вооруженными, как будто собираются на битву. У одного при себе ружье или топорик, у другого большой нож, у третьего томагавк, у четвертого большая дубинка, или все они кажутся вооруженными томагавками. Ими они размахивают в воздухе, чтобы показать, как они намерены поступить или уже поступили со своими врагами. По этому поводу они демонстрируют такой гнев или ярость, что зритель содрогается при виде их. Вождь руководит танцем и воспекает воинские подвиги самого себя или своих предков. В конце каждого прославленного доблестного подвига он изо всех сил ударяет своим томагавком по воткнутому в землю столбу. Затем за ним следуют остальные, каждый заканчивает свой раунд ударом о стойку. Затем они танцуют все вместе, и это самая страшная сцена. Они демонстрируют самые ужасные жесты, угрожая избить, порезать и заколоть друг друга. Чтобы довершить ужас сцены, они воют так же ужасно, как в настоящем бою, так что выглядят как бушующие безумцы. Описание Хеквелдера соответствует настоящему. Он отмечает, что "Перед выступлением в военную кампанию всегда исполняется военный танец вокруг раскрашенного столба. Это индийский способ вербовки. Любой, кто присоединяется к танцам, считается записавшимся в кампанию и обязан пойти с группой". — *Черт возьми. История. Соответствие*. стр. 202. Описание, которое Шарлевуа дает тому, что он называет "*танцем открытия*" у ирокезов, настолько полностью согласуется с приведенным выше описанием военного танца, что мы можем предположить, что это то же самое и что это новое название для старого предмета.

Шарлевуа описывает другой танец, который он называет *танцем огня*.

Этот последний автор описывает другой танец, о котором не упоминает ни один другой путешественник; он называется, по его словам, *танец быка*, и описывается им таким образом: "Танцующие образуют несколько кругов, и музыка, которая всегда состоит из барабана и чикикуэ, звучит посреди этого места. Они никогда не разлучают членов одной семьи. Они не берутся за руки, и каждый носит на голове свое оружие и щит. Все круги поворачиваются по-разному, и хотя они сильно изгибаются и очень высоко, в них всегда соблюдается время и мера. Время от времени глава семьи вручает свой щит: все они ударяют по нему, и при каждом ударе он повторяет некоторые из своих подвигов. Затем он идет и отрезает кусочек табака от столба, к которому они привязали определенное количество, и отдает его одному из своих друзей" и с. — *Шарлевуа*, ii. 72.

Упомянутый в тексте *танец зеленой кукурузы*, или, точнее говоря, "церемония благодарения за первые плоды земли", описан Кол. Джонстон в томе i, стр. 286 "Археологии Америки". Это существенно не отличается от их обычных праздников. Основные церемонии описаны в тексте.

Ниже приводится описание Повва, или черного танца, с помощью которого предполагалось вызвать дьявола. "День Господень, 1 сентября. — Я провел день с индейцами на острове. Как только они проснулись утром, я попытался проинструктировать их и постарался собрать их вместе, но быстро обнаружил, что у них есть кое-какие другие дела; потому что они собрали всех своих подчиненных и заставили около дюжины из них разыгрывать свои трюки и разыгрывать свои безумные позы, чтобы выяснить, почему они были такими болезненными, поскольку многие из них в то время страдали лихорадкой и кровавистым потоком. Этим они занимались в течение нескольких часов, совершая все мыслимые дикие, рассеянные движения, иногда напевая, иногда подвывая, иногда вытягивая руки до предела, растопыривая все пальцы и, казалось, отталкиваясь ими, как будто они намеревались что-то отпугнуть или, по крайней мере, держать это на расстоянии вытянутой руки; иногда сидя плашмя на земле, затем склоняя лица к земле, скручивая бока, как будто от боли и мучения, кривя лица, закатывая глаза, кряхтя или отдуваясь. В этих чудовищных действиях, казалось, было что-то особенное, способное пробудить дьявола, если бы его можно было пробудить чем-то странным и пугающим. Некоторые из них были гораздо более увлечены своим делом, чем остальные, и, казалось, пели, попискивали и бормотали с большой теплотой и энергией". — *Дневник Брейнерда, Э.*

СМОТРИТЕ ПОДРОБНЕЕ.

До того, как Большие Ножи или их отцы пришли на землю краснокожих, индейцы в целом, и чиппева в частности, имели обыкновение хоронить многие предметы вместе с умершими — если воин умирал, его боевое оружие, копье, боевую дубинку и самые ценные трофеи; если охотник, его охотничьи инструменты предавались земле вместе с ним. Его бобровый капкан, его одежда, даже кусок жареного мяса и ломоть хлеба были похоронены вместе с ним в могиле. Скальпы, снятые им с голов своих врагов, шкуры медведей, убитых им в схватке нога в ногу, были положены рядом с ним, и, когда ему на грудь посыпали землей, менее ценную утварь положили на его могилу. Если женщина требовала совершения погребальных обрядов, то различные предметы, которые были ей наиболее полезны в жизни, предназначались для той же службы. Поскольку предполагалось, что на ее долю в потустороннем мире выпадет выполнять для теней своего мужа и семьи обязанности, которые она выполняла для них, пока они жили в этом мире, различные домашние принадлежности, использовавшиеся в хижине, были похоронены вместе с ней. Эта практика, некогда столь всеобщая, с момента появления среди нас белых людей была ограничена сравнительно небольшим количеством предметов, которые покойный особенно любил или выразил желание оставить рядом со своим телом. Перемена, о которой я говорю, произошла вследствие следующего случая, произошедшего в жизни знаменитого вождя прежних времен, который часто приводил чиппева к победе и славе.

Гитши Гаузини, проболев всего несколько дней, внезапно скончался в присутствии своих многочисленных друзей, которые его очень любили и глубоко оплакивали. Он был опытным охотником, бродил по диким лесам и петлял в лабиринтах дикой природы с успехом, равного которому не было никогда. Как воин, никто не мог превзойти его: он мог пронзить двух врагов одним и тем же копьем; его рука могла натянуть лук вдвое большего размера, чем тот, который натягивает обычная рука; и его боевой клич звучал громко, как гром луны над ранней кукурузой. У него была привычка с глубокой и прилежной заботой относиться к военному оружию, принесшему ему славу, и среди них он особенно ценил прекрасное ружье, которое купил у

первого белого человека, пришедшего в город Хай-Рок. Именно с этим ружьем он приобрел свои главные трофеи, в память о которых он попросил похоронить его вместе с ним. Но важность, придаваемая этой статье, которая тогда редко встречалась среди нашего народа и имела огромную ценность, побудила его друзей задуматься над этим предписанием.

Тем временем были некоторые, кто предполагал, что его смерть была ненастоящей, а жизненные функции были просто приостановлены и снова восстановятся. По этой причине тело не было предано земле, а отложено в отдельном домике, где за ним внимательно наблюдала его убитая горем и плачущая вдова. Ей пришло в голову, что его дух, возможно, еще не покинул глиняную обитель; и она возродилась к новой надежде на его возвращение к жизни, когда, положив руку ему на грудь над сердцем, она почувствовала слабую пульсацию. По прошествии четырех дней их радужные надежды оправдались; он проснулся, словно от глубокого сна, и пожаловался на сильную жажду. Благодаря доброму вниманию его друзей и употреблению определенных лекарств, с которыми знаком каждый индеец, его здоровье начало быстро поправляться, и вскоре он смог вернуться к охоте. Когда он полностью выздоровел, он рассказал следующий рассказ о своей смерти и возвращении к жизни.

По его словам, он почувствовал, как его пробирает озноб; дыхание стало затрудненным; смутные и бесформенные очертания предметов поплыли у него перед глазами, а в ушах зазвенели звуки, каких он никогда прежде не слышал. Он чувствовал, как его дыхание приходит и уходит, подобно вспышкам тепла, которые танцуют перед ветром летним днем. Наконец оно погасло, чтобы больше не возвращаться, и он умер.

После смерти он путешествовал по тропе мертвых в течение трех дней, не встретив ничего экстраординарного. Он держался дороги, по которой души отправляются в Чеке, и через горы, и через долины неуклонно продолжал свой путь. Наконец его посетил голод, и он начал сильно страдать от нехватки пищи. Когда он приблизился к деревне мертвых, то увидел огромные стаи величественных оленей, лосей и других крупных и жирных животных, покорно пасущихся у него на пути. Это только усилило его ненасытный аппетит и еще сильнее возбудило чувство голода, потому что он не принес с собой ничего, чем можно было бы их убить. Сами животные, казалось, понимали, что он неспособен причинить им вред, и бесстрашно резвились вокруг него, то отскакивая прочь по равнине в имитационном ужасе, то подбираясь прыжками к самым его ногам. Олень легко шел вприпрыжку, в то время как лось следовал за ним более неуклюжим шагом; дикая кошка цеплялась за деревья за свой хвост, в то время как медведь катался и кувыркался на зеленом дерне. Теперь Гитши Гаузিনি вспомнил о прекрасном ружье, которое он оставил дома, и сразу же решил вернуться и забрать его. На обратном пути он встретил большое скопление людей, мужчин, женщин и детей, направлявшихся к месту жительства умерших. Но он заметил, что все они были очень тяжело нагружены топорами, котелками, ружьями, мясом и другими вещами, и что каждый из них, проходя мимо, громко жаловался на тяжкое бремя, которым их обременяла назойливая и ошибочная доброта их друзей. Среди прочих он встретил человека, согбенного возрастом и немощью, устало бредущего в страну мертвых, который остановил его, чтобы пожаловаться на бремя, возложенное на него друзьями, и этот пожилой человек завершил свое обращение, предложив ему свое ружье, умоляя его сделать все возможное, чтобы освободить его от ноши. Вскоре после этого он встретил очень старую женщину, которая предложила ему чайник, а чуть дальше - молодого человека, который предложил ему топор. Он увидел красивую и стройную молодую девушку, так тяжело нагруженную, что она была вынуждена прислонить свою ношу к дереву, и

воина, согнувшегося под тяжестью, вдвое превышающей любую, которая когда-либо ложилась на его плечи. Гиттши Гаузини принял различные подарки, сделанные ему из вежливости и добродушия, поскольку он решил вернуться за своим ружьем и другими принадлежностями и поэтому почти не нуждался в них; поэтому он отправился обратно.

Когда он подошел к своему собственному домику, то не смог обнаружить ничего, кроме длинной полосы колышущегося огня, который, казалось, полностью окружал его. Как перебраться на ту сторону, он придумать не мог, потому что всякий раз, когда он пытался приблизиться к тем местам, где пламя, казалось, угасало, оно внезапно вырывалось сверкающими конусами и пирамидами пламени, и это повторялось всякий раз, когда он приближался к нему. Наконец он немного отстранился и сделал отчаянный прыжок в пламя. Совокупное воздействие жары, сильного напряжения и страха обжечься при отчаянной попытке привело к тому, что его жизнь восстановилась. Он очнулся от своего транса и, хотя был слаб и измучен, вскоре к нему вернулись здоровье и силы, и он снова огласил долины эхом своих боевых кличей и звуков охоты.

"Я расскажу вам, - сказал он своим друзьям однажды вечером после выздоровления, - об одной практике, в которой наши отцы были неправы, очень неправы. У них был обычай хоронить слишком много вещей вместе с мертвыми. На них было возложено такое бремя, что их путешествие в страну мертвых было сопряжено с чрезвычайным трудом и нудностью. Они жаловались мне на это, и теперь я хотел бы предостеречь своих братьев от продолжения этой практики. Это не только причиняет им боль, но и замедляет их продвижение по пути. Поэтому кладите в могилу только те вещи, которые не будет неудобно носить. Платье, которое покойный больше всего любил при жизни, должно быть надето на него после смерти. Его перья, головной убор и другие украшения совсем легкие и будут очень приятны для его духа. Его трубка также доставит ему удовольствие в дороге. Если у него есть еще что-нибудь, пусть это будет разделено между его ближайшими родственниками и друзьями, но ни в коем случае не обременяйте его дух тяжелыми и бесполезными предметами".

АМПАТО САПА.

Ничто, говорит М. Вердые, не может быть более живописным и красивым, чем каскад Святого Антония, столь известный в топографии западного мира. Неправильный контур Спада, разделяющий его ширину, придает ему более впечатляющий характер и позволяет глазу легчелюбоваться его красотой. Остров, протянувшийся в реке как выше, так и ниже Водопада, разделяет его на две неравные части. Из-за природы скалы, которая распадается на угловатые и, по-видимому, ромбовидные фрагменты огромного размера, этот водопад подразделяется на небольшие каскады, которые прилипают друг к другу, образуя водный покров, не стремительный, но состоящий из чередования отступающих и выступающих углов и представляющий большое разнообразие форм и оттенков. Каждая из этих форм сама по себе является совершенным каскадом. Когда они взяты одним всеобъемлющим взглядом, они приобретают красоту, которую мы едва ли могли предположить в них. Немногие водопады приобретают более дикий и живописный вид, чем эти. Густые заросли дубов, гикори, грецкого ореха и др. на острове придают ему мрачный вид, приятно контрастирующий с яркой поверхностью водянистого покрова, который отражает солнце множеством разноцветных

оттенков. Все путешественники говорили о нем как о месте, обладающем удивительной красотой, и бедный непросвещенный индеец, который приписывает все внушительное, возвышенное и величественный характер, все, что обладает явлениями, которые он не может постичь, высшему существу, и который воображает, что в каждой глубокой долине в пустыне есть правящий дух, связал многие из своих диких и причудливых традиций с этим необычным местом. Следующая любимая легенда о Дакоте - не единственная традиция, связанная с этим романтическим местом.

Индеец из народа дахкотах рано связал себя узами брака с молодой женщиной, которую звали Ампато Сапа, что на языке дахкотах означает *Темный день*. С ней он прожил много лет очень счастливо; их дни текли, как чистый ручей в летний полдень. Мало кто из мужей и жен наслаждался таким брачным счастьем, какое выпало на долю этой индийской пары. У этого народа обязанности, возложенные на женский пол, трудоемки и непрестанны; у Ампато Сапы они были облегчены добротой ее мужа, который, вопреки обычаям нашего народа, выполнял большую часть ее обязанностей сам. Их союз был благословлен рождением двоих детей, к которым оба родителя относились с глубиной чувств, неведомой тем, у кого есть другие сокровища, кроме тех, что даны природой. Этот человек приобрел репутацию охотника, что привлекло к нему множество семей, которые были счастливы оказаться под его защитой и воспользоваться той частью его охоты, в которой он не нуждался для поддержки своей семьи. Желая укрепить свой интерес к нему, некоторые из них пригласили его установить связь с их семьей, заметив в то же время, что человеку с его талантами и нынешним и растущим значением требуется больше, чем одна женщина, чтобы прислуживать многочисленным гостям, которых его репутация побудила бы посетить его ложу. Они заверили его, что скоро его признают вождем и что в этом случае без второй жены не обойтись. Их мольбы и лесть заронили в его голову новые идеи, и честолюбию вскоре удалось вытеснить любовь и воспоминания о годах супружеской нежности. Загоревшись мыслью о высоких почестях, он решил повысить свое значение, заключив союз с дочерью влиятельного человека из своего племени. Соответственно, он взял вторую жену, ни разу не упомянув об этом своей бывшей спутнице, желая ввести свою невесту в свой дом таким образом, который должен был быть наименее оскорбительным для матери его детей, к которой он все еще сохранял большое уважение, хотя дурное честолюбие "побудило его согласиться на разделенное ложе и привязанности". Однако стало необходимо, чтобы он изложил ей суть дела, что он и сделал следующим образом: "Ты знаешь, - сказал он, - что я не могу любить ни одну женщину так нежно, как тебя. Ты была первой женщиной, которую я полюбил, и ты единственная. С сожалением я видел, что в последнее время вы были подвергнуты трудам, которые, должно быть, угнетают вас и от которых я бы с радостью вас избавил, но я не знаю другого способа сделать это, кроме как приставив к вам в домашних обязанностях того, кто избавит вас от хлопот по приему многочисленных гостей, которых мое растущее значение в стране собирает вокруг меня. Поэтому я решил взять другую жену, но она всегда будет подчиняться твоему контролю, поскольку в моих чувствах она всегда будет на втором месте после тебя".

С величайшей тревогой и глубочайшим беспокойством выслушал его спутник это неожиданное предложение. Она увещевала в самых добрых выражениях, умоляла его привести все доводы, какие только могли предложить неприкрытая любовь и чистейшая супружеская привязанность. Она ответила на все выдвинутые им возражения и попыталась рассеять все тучи, которые его кажущаяся бескорыстной доброта нависли над ее нынешним положением. Желая избавить ее от сопротивления, он скрыл тайну своего союза с другой, в то время как она удвоила свою

заботу и усилия, чтобы убедить его, что она способна справиться со всеми задачами, возложенными на нее его растущей репутацией. Когда он снова заговорил на эту тему, она пустила в ход все нежности их прошлой жизни; она говорила о его прежней доброте к ней, о его заботе о ее счастье и о счастье их общего потомства; она просила его остерегаться роковых последствий этой его цели. Обнаружив, что она намерена воздержаться от согласия на его план, он сообщил ей, что все возражения с ее стороны бесполезны, поскольку он уже выбрал другую партнершу; и что, если она не может видеть в его новой жене друга, она должна принять ее как необходимое обременение, поскольку он твердо решил, что она будет жить в его доме. Бедный Темный День выслушал эти слова в безмолвном ужасе. Воспользовавшись удобным случаем, она выскользнула из хижины со своими детьми и убежала к своему отцу, который жил на значительном расстоянии от места жительства ее мужа. С ним она оставалась до тех пор, пока отряд дакотов не отправился вверх по Миссисипи на зимнюю охоту. Не заботясь о том, куда она пойдет, лишь бы не в домик своего неверного мужа, она последовала за ними. Всякая надежда покинула ее грудь, и даже ее интерес к своим детям угас вместе с угасанием страстной любви, которую она испытывала к их отцу. Мир, простые радости индийской жизни больше не имели для Ампато Сапы очарования. Она часами бродила, вялая и заплаканная, по тенистому берегу реки или рассеянно смотрела в ночь на серебристую луну и усыпанное звездами небо. Время от времени, словно опасаясь неминуемой погони, она хватала своих детей и убегала в лес. Красный Человек леса испытывает своего рода инстинктивное почтение к безумию (1) в любой форме; простое предположение о таком несчастье обеспечило освобождение привязанной к столбу жертве, которую не могли спасти никакие искусства или убеждения. Люди ее племени с глубоким сочувствием наблюдали кажущееся умственное отклонение бедной индианки, но, мало зная о чувствах, владевших ее душой, не могли применить никакого целебного лекарства.

Весной, возвращаясь со своими каноэ, нагруженными мехами, они разбили лагерь возле водопадов, которые видел наш белый брат и которые стали столь прославленными в индейской истории из-за множества трагических сцен, связанных с ними. Утром, когда они покинули свой лагерь на берегу реки, она некоторое время постояла рядом с этим местом, словно собираясь с духом для какого-то ужасного подвига отчаяния. Затем, спустив на воду свое легкое каноэ, она вошла в него вместе со своими детьми и поплыла вниз по течению, распевая свою предсмертную песнь. Это была одна из тех меланхоличных мелодий, которые поют наши люди, когда они в глубоком отчаянии или близки к завершению жизненного пути.

Предсмертная песнь Ампато Сапы.

Я любила его долго и крепко.

И он для меня

Был ласковым солнцем, от которого на молодых деревьях распускаются почки.

Ласковой весной,

И просит радостных птиц спеть,

С ветвей, их песню любви и радости.

И он садился рядом со мной на траву,

И вплетал в мои волосы бусы,

И говорил деревьям, цветам и птицам,

Что Темный день прекраснее, чем они.

Я любила его долго и крепко.

И он для меня

Был как дерево, которое подпирает нежную виноградную лозу,

Или густой плющ, позволяя им обнять

Его силу и гордость.

Когда он отступает от них,

Они падают, и я должен умереть.

Когда-то он любил меня,

И любил своих маленьких деток;

И он уходил с утра в горы

И охотился на бизонов.

Но он приходил

И сжимал меня в своих объятиях, когда темнота скрывала

И зверя, и птицу от ясного взгляда охотника.

Тогда он подкрадывался к тому месту, где спали наши дети,

И улыбался — но еще более сладкой улыбкой их матери.

Теперь он любит другую.

Молодая птичка в своем гнезде,

И поет сладкие песни из Мрачных Дней, когда-то прекрасных в бауэре,

И меня больше не любят.

Он больше не будет для меня солнцем,

Которое дает жизнь молодым деревьям нежной весной.

И не как дерево, подпирающее нежную виноградную лозу.

Он любит другую больше, чем Темный День -

Он не заботится ни о ней, ни о
своих детях:

Нет, он не заботится о них.

Я умру;

Я отправлюсь в счастливые земли,

За могучей рекой.

Там я снова увижу мою нежную мать,

Там я встречу воинов моего племени,

И они сделают моих сыновей хорошими людьми.

Там я встречу, прежде чем пройдет много лун,

Моего мужа, который примирился со мной, и он

Снова будет сидеть рядом со мной на траве,

И вплетать в мои волосы бусы,

И говорить деревьям, птицам и цветам,
Что Темный день прекраснее, чем они.

Когда она вела свое каноэ вниз по течению, ее друзья поняли ее намерения, но слишком поздно; их уговоры и попытки помешать ей продолжить путь были безрезультатны. Она продолжала петь печальным голосом о прошлых радостях, которыми наслаждалась, когда была безраздельным объектом привязанности своего мужа: наконец ее голос потонул в шуме водопада; течение с непостижимой быстротой понесло вниз ее хрупкую лодку; она подошла к краю пропасти, ее на мгновение окутало брызгами, но после этого так и не было обнаружено ни следа каноэ, ни его пассажиров. Однако индейцы воображают, что часто по утрам на краю водопада слышен голос, поющий скорбную песню, и что в ней говорится о непостоянстве мужа. Они утверждают, что иногда можно увидеть белого голубя, парящего над соседними зарослями; в другое время Ампато Сапа бродит поблизости в своем собственном обличье со своими детьми, завернутыми в шкуры и прижатыми к груди.

ПРИМЕЧАНИЕ.

(1) *Инстинктивное преклонение перед безумием.*—с. 194.

Безумие не распространено среди индейцев. Мужчины, оказавшиеся в такой несчастной ситуации, всегда считаются объектами жалости. Каждый человек, от мала до велика, испытывает сострадание к их несчастью; смеяться или издеваться над ними считалось бы преступлением, тем более оскорблять или приставать к ним. Хеквелдер рассказывает следующую историю об их обращении с человеком, подозреваемым в невменяемости, которая доказывает их особое отношение к этому несчастному классу людей:

"Примерно в начале войны с индейцами в 1763 году еврей-торговец, направлявшийся вверх по реке Детройт с грузом товаров, который он привез из Олбани, был схвачен несколькими индейцами народа чиппева и обречен на смерть. Француз, движимый побуждениями дружбы и гуманности, нашел способ выкрасть пленника и некоторое время держал его в таком укрытии, что, несмотря на самые тщательные поиски, место его заключения обнаружить не удалось. В конце концов, однако, несчастный был предан каким-то ложным другом и снова попал во власть индейцев, которые перевезли его через реку, чтобы сжечь и замучить. Привязанный к столбу, с горящим рядом костром, он почувствовал, что жажда от сильной жары стала невыносимой, и попросил дать ему немного попить. У индейцев существует обычай, предшествующий казни пленника, давать ему то, что они называют его последней трапезой; поэтому для этой цели ему приносили миску похлебки или бульона. Стремясь утолить жажду, он немедленно поднес чашу к губам, и так как напиток был очень горячим, он страшно ошпарился. Будучи человеком очень вспыльчивым, в тот момент, когда он почувствовал, что у него обожгло рот, он швырнул полную миску в лицо человеку, который протянул ему ее. "Он сумасшедший! он сошел с ума!" - раздалось со всех сторон. Присутствующие расценили его поведение как акт безумия и немедленно развязали веревки, которыми он был связан, и отпустили его, куда ему заблагорассудится".

ПЕЩЕРЫ КИКАПУ.

Пейзажи прерии де *Шьен* являются одними из самых красивых в дикой местности запада — ничто не представляет более прекрасных видов, чем высокие холмы, которые лежат к востоку от Висконсина. Прерия простирается примерно на десять миль вдоль восточного берега реки и ограничена с этой стороны вышеупомянутыми холмами, которые поднимаются на высоту около четырехсот футов и идут параллельно течению реки на расстоянии примерно полутора миль от нее. На западном берегу утесы, которые поднимаются на ту же высоту, у своего основания омываются рекой. С вершины этого величественного холма, который называется Пайкс-Маунтин, открывается прекрасный вид на две реки, Висконсин и Миссисипи, которые смешивают свои воды у его подножия. Прерия сохранила свое старофранцузское название, полученное в честь индейца, который раньше проживал там, и которого звали Собака. Холм, или Пайкс-Маунтин, не имеет особых ограничений в отношении протяженности, являясь всего лишь частью речных утесов, которые тянутся вдоль берега реки на запад на несколько миль и сохраняют почти такую же высоту над водой. Склон, выходящий к реке, настолько крут, что делает вершину совершенно недоступной даже для пешехода, за исключением очень немногих мест, где он может подняться, цепляясь за кусты и камни, покрывающие склон. В целом склон состоит из расположенных друг над другом обрывов, некоторые из которых достигают ста пятидесяти футов в высоту.

В одной из ниш или углублений, образованных одним из этих обрывов, в пещере ручья Кикапу, который является притоком Висконсина, находится гигантская каменная глыба, имеющая вид человеческой фигуры. Он настолько защищен нависающими скалами и стенами ниши, в которой стоит, что приобретает мрачный характер.

Слышал ли когда—нибудь мой брат, — обратился индейский вождь к путешественнику, - о том, как прекрасная женщина моего народа превратилась в каменное изваяние? Если он это сделал, пусть так и скажет; если нет, Страж Красных Стрел расскажет ему эту историю.

Давным-давно, много-очень много веков назад, в моем народе жила женщина, которую звали Шенанска, или Белая Бизонья шкура. Она была жительницей прерий, обитательницей хижин, стоящих на краю холмов. Она была гордостью нашей нации не столько за свою красоту, хотя и была чрезвычайно красива, сколько за свою доброту, которая делала ее любимцей всех. Дыхание летнего ветра было не мягче нрава Шенански, лик солнца был не прекраснее ее лица. В одном из них никогда не было порыва ветра, над другим не пролетало ни облачка. Кто, как не Шенанска, перевязывал раны Храбреца, когда он возвращался с битвы? кто, как не она, заступился за воина, вернувшегося из боя без единого удара? и все же кто побудил его стереть черную краску с памяти своего племени храбрыми поступками? Именно ей снились сны, которые привели кистреблению сауков и лисиц; именно она указала на излюбленные места обитания оленей и бизонов. Когда воины возвращались победителями с кровавого поля, именно она выходила с песнями, более сладкими, чем музыка голубки; и когда они не приносили скальпов, именно она утешала их историями о прошлых победах и мечтами о тех, которым еще предстояло свершиться. Прежде чем она увидела, как цветы распускаются дважды по десять раз, она по очереди была женой многих воинов, потому что все любили ее.

Наконец, нашему племени посчастливилось быть застигнутыми врасплох в нашем лагере на берегах Кикапу многочисленным отрядом кровожадных и воинственных менгве. Многие из

нашего народа пали, храбро сражаясь, с большей части женщин и детей были сняты скальпы, а остальные были вынуждены бежать в дебри в поисках безопасности. Шенанске посчастливилось спастись от смерти и, возможно, от худшего зла. Когда тревожный боевой клич достиг ее ушей, когда она спала в своем домике в объятиях своего мужа, она встала и, схватив свое копье, лук и стрелы, бросилась вместе с Храбрецами на битву. Когда она увидела половину мужчин своего народа, лежащих мертвыми вокруг, тогда она сбежала, и не раньше. Хотя она была тяжело ранена, ей удалось скрыться в горах. Ослабленная потерей крови, у нее не осталось достаточно сил, чтобы добыть себе пропитание; она была близка к смерти от голода.

Разработан и выгравирован У. Х. Бруксом, А. Р. Е. А.

Дух дохнул на нее, и она превратилась в Камень. страница 104.

Лондон, Опубликовано издательством Colburn & Bentley, апрель 1830 г.

Пока она лежала в этом изнуряющем состоянии в тени дерева, к ней подошло Существо, которое было не от мира сего. Он сказал ей мягким и успокаивающим голосом: "Шенанска! ты ранена и голодна, мне вылечить тебя и накормить? Вернешься ли ты на земли своего племени и доживешь до старости вдовой и одиночеством, или отправишься сейчас в страну ушедших духов и сольешься с тенью своего мужа? Выбор за тобой. Если ты хочешь жить искалеченным и согнутым ранами и болезнью, ты можешь; если тебе больше нравится воссоединиться со своими друзьями в стране за Великой Рекой, скажи так ". Шенанска ответила, что хочет умереть. Затем Дух взял ее на руки и поместил в одно из углублений пещеры, затененное нависающими скалами. Затем он произнес несколько тихих слов, и, подышав на нее, она окаменела. Решив, что такая добрая и красивая женщина не должна быть забыта миром и лишена возможности защитить себя от увечий, он наделил ее статую способностью внезапно убивать любого индейца, который приблизится к ней. Долгое время статуя неустанно пользовалась этой властью. Многие потерявшие сознание индейцы, отваживаясь подойти слишком близко,

падали замертво без ран или ушибов. Наконец, устав от произведенного опустошения, Дух-хранитель забрал дарованную им силу. В этот день к статуе можно безопасно приблизиться. И все же индийский народ относится к нему со страхом и почитанием, и никто не проходит мимо него, не отдав ему дань уважения в виде жертвоприношения. Это моя история.

ГОРА МАЛЕНЬКИХ ДУХОВ.

На расстоянии дневного перехода женщины от устья реки, называемой бледнолицыми Белым камнем, в стране сиу, посреди обширной равнины, стоит высокий холм или насыпь. Его удивительная округлость вкупе с тем обстоятельством, что он стоит отдельно от всех других холмов, подобно ели посреди широкой прерии или человеку, все друзья и родственники которого обратились в прах, сделали его известным всем племенам Запада. Было ли это создано Великим Духом, или сложено сынами человеческими, было ли это сделано на заре мира, или когда оно растолстело и обрюзгло, не спрашивайте меня, ибо я не могу вам сказать. Все это известно одному, и только одному. Я знаю, что все племена страны называют его Холмом Маленьких Людей или Горой Маленьких Духов. И эта традиция все еще свежо запечатлена на зеленом листе моей памяти, которая сделала ее предметом ужаса всех окружающих народов и которая наполняет сиу, маха, отто и все соседние племена великим страхом и трепетом всякий раз, когда их неосторожные ноги приближаются к священному месту, или их призвание заставляет их смотреть на работу духов. Никакой дар не может побудить индейца посетить его, ибо зачем ему навлекать на себя гнев Маленьких Людей, которые живут в нем, и, будучи принесенным в жертву огню их гнева, больше не видеть своей жены и детей? Во всех походах и контрмаршах индейцев; во всех их уходах и возвращениях; во всех их странствиях днем и ночью в земли, лежащие за его пределами, и обратно; их тропы так упорядочены, что никто не приближается достаточно близко, чтобы потревожить крошечных обитателей холма. Память о краснокожих людях леса сохранила лишь один случай, когда их уединение было нарушено, поскольку от племен было известно, что они не желали общения со смертными. До этого времени ежегодно пропадало много индейцев. Никто не знал, что с ними стало, но они исчезли, не оставив после себя ни следа, ни истории. Доблестные воины наполнили свои корзины сушеным зерном, а колчаны - прочными древками стрел с острыми наконечниками; натянули новые тетивы на свои луки; заново обули свои мокасины и вышли в вылазку, чтобы снискать славу в бою; но в стане наших врагов не раздавалось стенаний; их стрелы не ощущались, их криков не было слышно. И все же они пали не от рук своих врагов; но погибли, мы не знаем, где и как. Наконец, солнце осветило тайну, и в разошедшихся облаках появилось ясное пятно. Слушайте!

Много сезонов назад в пределах большого костра совета махасов жил вождь, который был известен своей доблестью и победами на поле боя, своей мудростью в совете, своей ловкостью и успехами в охоте. Его звали Матори, или Белый Журавль. Его прославляли на обширных территориях запада, от Миссисипи до Змеиных холмов[26], от Миссури до равнин Лютного Мороза, за все те качества, которые делают индейского воина знаменитым и внушающим страх. Он был ужасом для своих врагов, которых в бою он никогда не щадил; радостью и убежищем для своих друзей, которых он никогда не покидал. И все же, каким бы храбрым он ни был, свирепым и безрассудным, когда встречался в схватке воинов, никогда его доблесть, или ярость, или безрассудное отношение к опасности не приводили его к тем приступам гнева и

жестокости, которые после великих побед, купленных большой кровью и потерей дорогих и ценимых друзей, часто можно увидеть в лагере красного человека леса. Никогда по его совету пленница не подвергалась пыткам, никогда по его приказу слабые и беззащитные женщины и дети не были отданы на заклание. Часто было известно, что он, повинувшись голосу жалости, вопиющему у дверей сердца, и подсказкам великого и гордого ума, перерезал путы, которыми жертва была привязана к столбу, тем самым подвергая себя гневу своих суровых воинов, и впадал в ярость, которая, если бы не непревзойденная доблесть, отвага и мудрость его карьеры, как воина, так и мужчины, привела бы к его смерти и навлекла позор на его имя. Нашему брату уже было сказано, что никто, кроме известного и признанного воина, не осмелится взять на себя освобождение пленника, обреченного духом индейской войны на пытки и смерть.

В одной из военных экспедиций племени пауни махас против тетонов Бернтвуда первым посчастливилось победить и взять много пленных — мужчин, женщин и детей. Одна из пленниц, Сакиджа, или Девушка-Птица, прекрасное создание на заре жизни, после того как ее приняли в одну из семей Махас, стала любимой женой главного воина нации. Велика была любовь, которую Белый Журавль питал к своей красавице жене, и она еще больше окрепла в его душе, когда она подарила ему четырех сыновей — дар, тем более высоко ценимый мудрым и проницательным вождем, потому что, как может видеть мой брат, ибо он не дурак, это был залог сохранения власти и значимости в племени, когда его собственная сила и напористость должны были иссякнуть, когда рука старости больше не находила радости в натягивании лука, а дрожащему колену больше всего нравилось отдыхать на мягких шкурах у теплого огня в хижине. Среди детей леса больше всего ценится тот, кто в наибольшем количестве предоставил средства для поддержания чести и обеспечения безопасности своего народа; и поэтому тот, кто может считаться самым храбрым и воинственным сыном, почитается величайшим из благодетелей. Среди всех краснокожих мужчин страны та жена сильнее всего пользуется любовью своего мужа, которая дала ему самую большую семью, поскольку этот муж приобретает наибольшее влияние в глазах своей нации, который видит больше всего птиц в своем гнезде и способен вызвать больше всего стервятников, чтобы те поохотились на трупах его врагов. Любит ли бесплодную женщину ее муж? Спросите меня, наблюдает ли самец за гнездом той птицы, которая сидит на испорченных яйцах. Я скажу вам "Нет", и муж не любит и не ценит жену, которая живет одна в своей хижине, и некому назвать ее матерью.

Прекрасная Сакаджа подарила своему мужу всего одну дочь, и ее родители расточали на нее всю ту любовь, которая не была вызвана войной и кровопролитием. Сыновей любили за обещание, которое они дали натянуть лук своего отца, поднять в бою его массивную дубинку и выкрикнуть его ужасный боевой клич, способный воплотить в жизнь содержащиеся в нем угрозы, — с дочерью были связаны те немногие миролюбивые воспоминания, которые находят вход в это каменное существо — сердце индейца. И хороша была Татока, или Антилопа, ибо так звали дочь Матори и Сакаджи, достойная любви. Она была красива, какобычно бывают красивы молодые индийские девушки, пока тяжелые обязанности в поле и хижине не согнули их конечности, а рабство не охладило огонь их сердец. Ее кожа была лишь немногим темнее, чем у вождя из далекой страны, который слушает мою историю. Глаза у нее были большие и яркие, как у быка-бизона, а черные волосы, украшенные бусинками, смахивали, пока она шла, росу с цветов в прериях. Характер у нее был мягкий и покладистый, а голос — что может быть приятнее голоса индийской девушки, настроенной на веселье! что так настраивает слушателя на печаль и меланхолию своими тонами печали и тоски? Наш брат слышал их — пусть он

скажет, есть ли у птиц в его собственных лесах, у голубки в его гнезде более сладкие ноты, чем те, которые он слышит в хижине красного человека. Его глаза говорят "нет". Это хорошо.

Можно не сомневаться, что у прекрасной Татоки было много любовников; в стране не было юноши, чей характер оправдывал это заявление, который не стал бы поклонником прекрасной дочери Белого Журавля. Но никто из них не тронул сердца девушки; она велела им всем уйти так же, как они пришли; она отвергла их всех. Отец, который слишком сильно любил свою дочь, чтобы продать ее, как бобровый капкан или лосиную шкуру, или заставить ее стать женой, был бы рад, если бы она выбрала защитника из числа множества Храбрецов, добивавшихся ее расположения. Но с упрямством, которое часто наблюдается среди женщин, которые в лучшем случае всего лишь дуры, хотя и созданы для того, чтобы их любили, она отдала свою привязанность юноше, который не отличился ни доблестными поступками на войне, ни даже трудолюбием или ловкостью на охоте. Его имя никогда не доходило до окружающих народов; его собственная нация знала его только как слабого и слабоумного человека: он был беден во всем, что составляет богатство индийской жизни, и еще беднее духом и приобретениями. Кто слышал звон лука Каркапахи при отступлении медведя? или кто видел боевую раскраску на его щеке или лбу?— Где были скальпы или пленники, свидетельствовавшие о его доблести или отваге? Из его уст не слышали песен о доблестных подвигах, потому что ему нечем было похвастаться — если он и сделал что-то, чтобы стать мужчиной, то сделал это тогда, когда никого не было рядом. Прекрасная Татока, знавшая недостатки своего возлюбленного и сокрушавшаяся о них, долго пыталась обуздать свою страсть; но, обнаружив, что это предприятие выше ее сил, отдалась сладости невыраженной привязанности и больше не принуждала свое сердце к неравной задаче подчинения своей любви. Их украденные интервью проходили с большой осторожностью, и долгое время никто их не подозревал; но в конце концов тайна их любви и история их позора стали настолько очевидными, что исключили возможность дальнейшего сокрытия. Влюбленные были в агонии страха. Хотя ее отец был любим, у нее не было причин надеяться, что он настолько забудет о своем достоинстве и чести своей семьи и настолько пожертвует своими взглядами на величие, чтобы принять в свою семью человека, который не был ни охотником, ни воином, и недостаток квалификации которого обеспечил бы его неприятие обычными семьями — тем более гордым и надменным вождем! Любовь побеждает сильнейших; и вместо того, чтобы разлучиться, те, кто крепко любят друг друга, готовы подвергнуться любой опасности. Вместо того чтобы быть разлученными, любящая пара, чьи чувства были укреплены клятвой любви, которую Татока носила с собой, решила избежать гнева отца. Приготовления к бегству были закончены, наступила назначенная ночь, и они покинули деревню Махас и вигвам Матори и отправились в пустыню.

Несмотря на все их предосторожности и предполагаемое освобождение от подозрений, их бегство не прошло незамеченным: об их близости некоторое время подозревали; но только за день до побега мать обнаружила несомненные доказательства их преступной близости. Когда справедливо возмущенный отец узнал о позоре, постигшем его дом, он созвал своих молодых людей и приказал им преследовать беглецов, пообещав свою дочь тому, кто убьет насильника. Была немедленно предпринята погоня, и вскоре сотня нетерпеливых юношей напала на след незадачливой пары. С тем безошибочным мастерством и проницательностью в обнаружении следов, которые отличают нашу расу, их шаги были прослежены, и вскоре было обнаружено, что они сами отступают. Но каково же было удивление и ужас преследователей, когда они обнаружили, что тропа, по которой шла несчастная пара, приведет их к Горе Маленьких Духов, и что они достаточно опередили их, чтобы добраться до нее раньше, чем преследователи смогут

догнать их! Никто не осмелился войти в предполагаемые пределы, и они остановились, пока Белому Журавлю не сообщили о том, что они отдали себя под защиту духов.

Тем временем влюбленные продолжали свое путешествие к внушающему страх жилищу маленького народа на холме. Отчаяние придало им смелости совершить поступок, для которого до сих пор не хватало самой стойкой решимости индейцев. В качестве последнего средства они решили рассказать свою историю духам и попросить их защиты. Они были в нескольких футах от холма, когда в одно мгновение его вершина, на которой до сих пор не было видно ни единого предмета, покрылась маленькими человечками, самый высокий из которых был не выше колена девушки, и многие из них, кроме этих детей, были ниже ростом белки. Их голоса были резкими и быстрыми, как лай луговой собачки; на каждом плече торчало маленькое крылышко; у каждого было по одному глазу, который у мужчин был правым, а у женщин - левым; и их ноги торчали по бокам. Они были вооружены так, как вооружены индейцы, - томагавками, копьями, луками и стрелами. Тот, кто казался главным вождем, потому что на нем был вид повелителя и орлиное перо вождя, подошел к ним и сказал следующее:

"Почему вы вторглись в деревню расы, гнев которой был столь фатален для вашего народа? Как вы посмели вторгнуться в священные пределы нашей резиденции? Разве вы не знаете, что ваши жизни поплатились за это?"

Дрожащая пара упала на колени перед маленьким народом, и Татока, у которой сердце ее возлюбленного было меньше, чем у самки, и она потеряла дар речи, рассказала свою историю. Она рассказала им, как долго любила Каркапаху, и, опустив голову, призналась в своей роковой неосторожности. Затем она представила себе гнев своего отца, преследование, которое он предпринял, несомненно, с целью наказать смертью своего возлюбленного, и завершила свой рассказ о горе потоком слез, которые полились из ее глаз, как дождь из летнего облака, и вздохами, которые можно было сравнить с летним ветром, дующим с клумбы цветов. Маленький человечек с орлиным пером, казалось, был очень тронут горем этой пары, и, созвав вокруг себя большое количество мужчин, которые, несомненно, были вождями и советниками нации, состоялось долгое совещание. Результатом стала решимость благоволить влюбленным и защищать их. Они только что убедили себя в решимости отомстить всем, кто приблизится к холму с намерением причинить вред паре, бросившейся на их защиту, когда Шонготонго, или Большой Конь, один из Храбрецов, которых Матори отправил на поиски своей дочери, появился в поле зрения в погоне за беглецами. Только после того, как Матори собрал все свое мужество, Большой Конь отважился на это опасное и страшное задание. Он приближался с силой сердца и целеустремленностью, которые сопровождают индийского воина, считающего, что глаза его нации прикованы к нему. Когда впервые Храбрец был обнаружен таким бесцеремонным и без всякой другой цели, кроме пролития крови, вторгшимся во владения духов, никакие слова не могут передать ярость, которая, казалось, овладела их душами, проявляясь в тысяче диких и необычных проявлений страсти и грубости языка. Уверенные в своей способности отражать атаки любого живого существа, бесстрашные Маха получили разрешение приблизиться на несколько шагов к Каркапахе. Он только что занес свое копье, чтобы поразить недостойного мужчины любовника, как вдруг обнаружил, что прикован к земле: его ноги отказывались двигаться; руки, которые он попытался поднять, бессильно повисли вдоль тела; его язык, когда он попытался заговорить, отказался произнести хоть слово. Лук и стрелы выпали у него из рук, а копье бессильно лежало. Маленький ребенок, ростом не выше четвертого листа чертополоха, подошел и плюнул в него, а компания юных дев, чьи ноги были не длиннее голубого перышка на

крыле чирока, станцевала вокруг него веселый танец, распевая дразнящую песенку, исполнительницей которой он был. Все и каждый из крошечных духов внес свой вклад в причинение боли и позора несчастной Махе. Когда они закончили свою задачу наказания подготовительной пыткой, тысяча маленьких Духов натянули свои луки, и тысяча крылатых стрел пронзила его сердце. В одно мгновение тысяча мотыг размером с ноготь большого пальца индейца были использованы для приготовления ему могилы. И он был скрыт от глаз живых, прежде чем Татока успела трижды сосчитать по пальцам своей руки.

Когда это было сделано, вождь Маленьких Духов позвал Каркапаху на его место и обратился к нему так: "Маха, у тебя сердце лани; ты улетел бы от разбуженного крапивника. Труссы не находят благосклонности в глазах духов воздуха, которые не знают, что такое страх, за исключением тех случаев, когда они видят его нарисованным на щеках смертного. Мы пощадили тебя не потому, что ты заслуживал пощады, а потому, что девушка любит тебя, и мы хотели бы доставить ей удовольствие. Именно для этой цели мы дадим тебе сердце мужчины, чтобы ты мог вернуться в деревню Махас и обрести благосклонность в глазах Матори и Храбрецов нации. Мы заберем твой трусливый дух и дадим тебе дух воина, которого мы убили, чье сердце было твердым, как скала, и чьи колени задрожали бы, когда горы почувствовали прикосновение страха, но не раньше. Спи, человек с маленькой душой, и проснись, чтобы быть более достойным любви прекрасной Антилопы".

Затем возлюбленный Маха погрузился в глубокий сон. Сколько он проспал, он не знал, но, проснувшись, сразу почувствовал, что в его чувствах и характере произошла перемена. Первая мысль, пришедшая ему в голову, была о луке и стрелах; вторая - о красивой индианке, которая спала рядом с ним. Маленькие Духи исчезли — ни одного одинокого существа из многих тысяч, которые всего несколько минут назад населяли холм и наполняли воздух своими нестройными криками, теперь не было видно или слышно. У ног Каркапахы лежал огромный лук, больше, чем когда-либо использовал любой лучник, связка стрел соответствующего размера и копье такого веса, которым не мог владеть ни один маха. Чудо из чудес! слабый и стройный Каркапаха умел натягивать этот лук, как индейский мальчик сгибает ивовый прут, и копье в его руке казалось всего лишь тростинкой или пером. Пронзительный боевой клич бессознательно сорвался с его губ, а ноздри, казалось, расширились от огня и нетерпения только что пробудившейся храбрости. Сердце любящей индианки наполнилось слезами, когда она увидела эти доказательства силы и те свидетельства духа, которые, как она знала, если бы они сочетались с доблестью — а как она могла сомневаться в полноте дара для достижения целей дарителя! — растопили бы заледеневшие чувства ее отца и настроили его сердце на песню прощения. Тем не менее, не обошлось без многих страхов, слез и дурных предчувствий со стороны девушки, когда они начали свой поход к деревне Маха. Влюбленный, которому теперь чужд страх, приложил все усилия, чтобы успокоить прекрасную Татоку, и в какой-то мере преуспел.

Обнаружив, что его дочь и ее возлюбленный отправились на Холм Духов и что Шонготонго не вернулся из своего опасного приключения, вождь махас отозвал своих Храбрецов из погони и слушал историю пары, насколько вернувшиеся воины были знакомы с ней, когда появились его дочь и ее возлюбленный. Смелым и бесстрашным шагом некогда малодушный Каркапаха подошел к оскорбленному отцу и, сложив руки на груди, встал, прямой, как сосна, и неподвижный, как то дерево, когда земные ветры прикованы цепями к облакам. Это был первый раз, когда Каркапаха смотрел на разгневанных людей без трепета, и столь необычное для него поведение вызвало всеобщее удивление.

"Каркапах - вор", - сказал Белый Журавль.

"Это говорит отец моей прекрасной и возлюбленной Татоки, - ответил влюбленный. - Иначе Каркапах сказал бы, что это песня пролетевшей птицы".

- Так говорят мои воины.

"Ваши воины - певчие птицы; они крапивники; Каркапах говорит, что они не говорят правды. — У Каркапах сердце тигра и сила медведя; пусть Храбрецы испытают его. Он отбросил женское сердце; он стал мужчиной".

- Каркапах *изменился*, - задумчиво произнес вождь, - но когда и как?

Маленькие Духи Горы дали ему новую душу. Прикажи своим Воинам натянуть этот лук; прикажи им поднять это копье. Их глаза говорят, что они не могут сделать ни того, ни другого. Тогда Каркапах - сильный человек своего племени"; и с этими словами он взмахнул тяжелым копьем над головой, как мужчина поднимает тростинку, и натянул лук, как ребенок сгибает ивовый прут.

"Каркапах - муж Татоки", - сказал Матори, вскакивая на ноги, и отдал прекрасную девушку ее возлюбленному. Традиционные знания маха полны подвигов Каркапах, как на войне, так и на охоте, которого Духи Горы сделали человеком.

ДОЛИНА ЯРКИХ ДРЕВНИХ ОБИТАТЕЛЕЙ.

На северном берегу реки чероки, самого многочисленного и могущественного племени юга, есть две высокие горы, почти покрытые замшелыми скалами, высокими кедрами и соснами. Эти горы, суровые и ужасные на вид, внушают еще больший страх краснокожему жителю леса, который видит Великое Существо в облаках, слышит его в ветрах и воображает дух во всем, что движется, из-за ужасных зрелищ и ужасных звуков, исходящих от них. Часто, когда солнце опускается за эти горы, люди, пристально смотрящие на них, видят высокие фигуры, чьи головы уходят далеко в небо, стоящих на их вершинах или, что еще чаще, перепрыгивающих с одной горы на другую прямо через широкую долину, которая их разделяет. Те фигуры, которые мы видим, носят облик человека, однако их действия, кажется, не принадлежат расе смертных, и мы считаем их духами — гигантскими духами, у которых никогда не было сухожилий, костей, мускулов и плоти, как у людей. И часто в полуночный час слушатель слышит звуки, доносящиеся с этих гор — шепот любви, громкие звуки раздора или веселые звуки радости — смех и плач, ухаживание и борьба - выражающие все различные страсти и эмоции, которые находят место в груди смертных. С этими могущественными духами ни один смертный не общался, ибо они никогда не покидают горы — и кто осмелится приблизиться к их деревьям? Никто не слышал их истории, никто не знает ни их создателя, ни когда они родились, ни когда они умрут, если им будет назначена смерть. Они жили в тайне: проявляя свои формы, как ствол сгнившего дерева без ветвей появляется из утреннего тумана, и повышая голоса, но как грозовая туча летом, они уйдут, как уходит дух, бесшумно, и никто не знает, куда.

Между этими двумя высокими и внушающими ужас горами есть глубокая долина, или, скорее, последовательность глубоких долин, поскольку появление на коротких промежутках невысоких

холмов нарушает непрерывность того, с чего начинается пространство между этими горами. В этих долинах концентрируются и притягиваются друг к другу солнечные лучи, создавая временами такой сильный жар, что в них не может жить ничто, кроме тех рептилий, которые созревают и откармливаются до полного роста только под палящими, как огонь, лучами. В этих самых долинах обитали с тех пор, как земля впервые была помещена на спину большой черепахи, те Добрые Старые Короли, *Смышленные Древние Обитатели*(1), которые представляют собой гремучих змей самого огромного размера, обладающих необычными свойствами и наделенных огромной и устрашающей силой. Рисковать в их пределах - смерть, и столь же смертельно вызвать их неудовольствие. Люди моей страны настолько убеждены в своей способности обречь всех на мгновенную и ужасную смерть, что никакое искушение не может заставить их выдать свои тайные уголки распутному незнакомцу. Они хорошо знают, что, если они сделают это, они будут подвержены непрекращающимся нападениям всех низших видов змей, которые любят своих королей, этих Ярких Старых Обитателей, и инстинктивно распознают тех, кто причиняет им вред или пытается причинить им вред. Они знают, что, пусть только эти короли отдадут свои приказы, нет ни одной змеи, которая не ползла бы, но открыла бы рот или использовала бы свое жало, чтобы максимально отомстить врагам и угнетателям тех, кого она любит и кому повинуется. Поэтому наш народ хранит в секрете место жительства Добрых Старых королей. Долгое время они сами этого не знали и познакомились с этим только тогда, когда произошло событие, о котором я собираюсь рассказать моему брату.

Давным-давно, много лет назад, среди индейцев чероки жил человек, который не был ни воином, ни охотником, но все же был самым знаменитым человеком своей нации и более известным, чем ее самый гордый воин или самый опытный охотник. Он был священником и знал тайные пути, волю и пожелания своего учителя, Великого Духа. Он был не только сведущ в мудрости страны душ, но и сведущ в вопросах, которые затрагивают обитателей тела. Он знал, как лечить телесные недуги, а также давать ответы на вопросы, которые прежде всего касались путей и деяний Существа. Он мог сказать, в какое время утром людям следует идти к Холму Молитвы с глиной на голове, взывать о милосердии и помощи, а когда им следует направиться к Пещере Жертвоприношения, чтобы почерпнуть волю Великого Духа из глухого голоса[27] в нем. Он один из всей могущественной нации чероки видел этого Духа; он один слышал, как он говорил, и ни к кому другому этот Дух не соизволил бы прислушаться или дать ответ. Чепиасквит, ибо так звали этого знаменитого священника, действительно был очень мудрым человеком, и его высказывания считались едва ли менее авторитетными, чем слова его учителя. Все, что он говорил, имело вес, которого не имели слова других людей; и все его поступки, какими бы незначительными они ни были по своей природе, преувеличивались до действий, имеющих значение, и приобретали характер, который не принадлежал людям, в других отношениях более одаренным, чем он. И все же безграничное уважение, с которым относилась к нему его нация, не было незаслуженным. Мудростью он обладал, и он использовал ее для продвижения интересов и повышения счастья своего народа. Если они хотели дождя, они просили об этом Чепиасквита, и он давал им его. Если выпадало слишком много осадков, им оставалось только пожаловаться ему, и облака прекращали свои потоки, и воды оказывались запертыми во впадине руки того, кто их сотворил. Если слышались ужасающие раскаты грома и видели, как страшные молнии вспыхивали в черном небе, они обращались к Чепиаскиту, который произносил короткую молитву Тому, Кто управляет стихиями так же, как и человеком, и все стихало; черные тучи рассеивались, и яркие звезды выглядывали из своих укрытий в чистом голубом небе. Все казалось послушным ему, когда он решил открыть свои уста в мольбе к

своему господину. Слава, которую он приобрел благодаря этой близости и дружбе с Великим Духом, была средством дарования мира его нации. Его слава распространилась повсюду, и ни одно племя не осмеливалось испытывать свои силы на войне или меряться оружием в бою с народом, у которого был такой друг, защитник, вождь и священник. Итак, чероки почтили с миром, и земля больше не была красной от крови, а носила одеяние, которое предоставила ей природа, — зеленое одеяние. Они посадили свою кукурузу в Период Луны Распускания Почек и дожили до того, чтобы увидеть, как ее собирают в период Луны Опадающих Листьев. Они оставляли двери своих кают на ночь незапертыми, и часовой спал так же крепко и долго, как новорожденный младенец. Их стрелы были изъедены ржавчиной лени и бездействия, а тетивы их луков сгнили от плесени беспечности и безделья. Старики теперь не собирались в большом доме совета, чтобы планировать дальние экспедиции или срывать ожидаемые вторжения; молодежь проводила свое время в уходе за животными и женитьбе. Слава Чепиасквита изменила характер нации с воинственного на миролюбивый и изгнала с земли стервятника войны и опустошения, уступив место голубю мира и безмятежности.

У этого мудрого жреца было четыре жены; они родили ему много детей; но, как ни велика была его власть над Владыкой Мира, это не позволило ему обеспечить им продолжение жизни после второй луны их рождения. Все, кроме одной, умерли, когда они еще качались в своих колыбелях из ивовой коры, свисавших с ветки дерева, — эта единственная, дочь, была спасена его мольбами. Вайнона, или первенец, ибо так звали девочку, выросла в хижине своего отца, прекраснее любой девушки, когда-либо украшавшей нацию чероки. Как мне описать моему брату из далекой страны несравненные прелести девственной дочери Чепиасквита? Должен ли я сказать ему, что у нее были глаза горного козленка, и волосы у нее были длинные и блестящие, как оперение ворона, и зубы белые и ровные, и рука тонкая и пухлая, и ножка маленькая и быстрая? Должен ли я сказать, что ее голос был радостным, как голос спаривающейся птицы весной, а характер веселым, милым, кротким, добрым и всегда одинаковым? Должен ли я усилить его восхищение прекрасным созданием, сказав ему, что больше всего она любила сидеть у тихого родительского очага, предоставляя более легким и менее дружелюбным девушкам бродить по деревне с праздными поручениями и фривольными занятиями? Ибо, пусть узнает мой брат, она была этим чудом, женщиной, довольной и счастливой в своем собственном доме, где никто, кроме ее собственного отца, не мог слушать или отвечать. Долгими вечерами того периода, когда солнце большую часть дня находится вдали от земли, она сидела на своем мягком ложе из шкур и сухого мха, слушая рассказы, которые он повторял о чудесных вещах, которые он видел и слышал; сны о странных и пугающих существах, которые беспокоили его в часы сна, и фактические явления ему, когда сон не давал сомкнуть век, существ или призраков не от мира сего; и предания, в которых рассказывалось о любви, или ненависти, или благосклонности, или наказании Великого Духа — о его щедротах, посланных на землю. Чероки, когда из-за голода среди них появлялся его изможденный облик или из-за вызванного гнева и назначенного наказания, когда в их деревнях царил гордыня, когда их мысли были далеки от него, когда им на головы не клали глину, когда нежное и сочное мясо оленя не дымилось при его жертвоприношении. Войны он видел, хотя и предоставлял одерживать победы другим, потому что был человеком мира. Рассказы о своем любимом отце прекрасная девушка слушала бы с большим удовольствием, ибо они соответствовали вере в чудесные события и сверхъестественные явления, которая рано запечатлевается в уме каждого индейца и никогда не покидает его, кроме как с течением жизни. Она могла часами сидеть, положив свою маленькую головку на ладонь, всей душой поглощенная дикими рассказами,

которые в течение долгой зимы рассказывают о том, как скоротать часы, избавленные от войны и гонений.

Любимая с большей степенью привязанности, чем это обычно ощущается даже среди тех, чья жизнь мало подвержена инцидентам, ослабляющим или разрушающим привязанности, прекрасная дочь священника племени чероки выросла и стала настоящей женщиной, обожаемым кумиром всех своих друзей, предметом гордости нации. Молодые и пылкие Храбрецы добивались ее руки, но она была глуха ко всем их мольбам и протестам и отвергала все их предложения. И все же она сделала это с такой добротой и наговорила столько ласковых слов, чтобы смягчить тяжесть отказа, что все ее любовники стали ее друзьями, и каждый с нежной добротой, смешанной с отвагой человека, который говорит то, что, как он знает, у него хватит мужества выполнить, пообещал, что его любовь, переросшая в дружбу, останется прочно запечатленной в его сердце и что он будет защищать ее объект, если опасность встретится на ее пути, до тех пор, пока у него будут силы носить копье. Отказ прекрасной Вайноны от стольких молодых людей, большинство из которых считались достойными ее выбора, причинил отцу боль; но он слишком сильно любил свою дочь, чтобы желать сделать ее несчастной из-за брака с человеком, которого она не любила. Он видел — а кто этого не знает? — что птица выбирает себе в супруги ту птицу, которая ей больше всего нравится; что любовь и привязанность присущи всем созданиям, кроме мужчины и женщины; и что только с ними можно связать вместе и сковать на всю жизнь тех, чьи сердца далеки друг от друга. И он знал, что Великому Духу не нравилось, когда в делах подобного рода использовалась сила или принуждение. Итак, повинаясь воле своего хозяина, а также велениям собственного разума и привязанности, которую он питал к ней, он позволил своей милой и нежной дочери остаться незамужней в его доме.

Но тот, кто управляет всем сущим, не постановил, чтобы прекрасная девушка всегда оставалась чуждой восхитительной боли и мучительных удовольствий любви. Это было во второй месяц весны, когда вся природа ощущает влияние возвращающегося солнца, когда птицы распевают гимны на каждой веточке, а трава и цветы пробуждаются от долгого и зябкого сна, а радостные олени выходят пощипать молодые почки, когда компания молодых охотников из далекого, но очень знаменитого народа мускогульги, проходя через земли чероки, остановилась отдохнуть и подкрепиться, а также испытать силу наших молодых людей в упражнениях, которые любит молодежь, в деревне, в которой живет отец прекрасной девушки. девичья обитель. Эти молодые охотники были цветком этой доблестной нации, воспитанные для того, чтобы с равной отвагой и рвением преследовать дикого медведя в его страшных убежищах и врага, несмотря на его коварные засады, в темном и почти непроходимом лесу. Война была их естественным и самым любимым занятием; но теперь они сняли свои боевые доспехи, стерли боевую раскраску и взяли в руки лук и копье, чтобы заняться мирным занятием - охотой. Предводителем этого юношеского отряда мускогульги был высокий и статный юноша, сложенный по самым благородным и одушевленным образцам человеческого облика, прямой, как молодой кедр, с глазами, свидетельствовавшими о пламени его души, и челом, щеками и губами, свидетельствовавшими о мягкости его сердца. С маленьким орлиным пером, символом своего вожества в волосах, в одежде из выделанной оленьей шкуры, легко перекинутой через плечо, с луком и хорошо набитым колчаном, он шел среди восхищенных юношей и дев нашего народа, вызывая страх и любовь. Теперь он и его компания избранных молодых Храбрецов получили радушный прием и испытали на себе гостеприимство, которое в любой ситуации и в любое время года красный человек леса предлагает тем, кто навещает его. Их пировали и ласкали все

без исключения. Был установлен раскрашенный шест и приготовлен пир, чтобы дать им возможность рассказать о своих подвигах слушающим Храбрецам нашей нации; был устроен борцовский ринг, чтобы можно было продемонстрировать их мастерство и силу, если они таковыми обладали в этом упражнении; были назначены азартные игры, чтобы можно было продемонстрировать благосклонность Великого Духа и силу каждой нации и отдельного человека. В каждом начинании проявлялись превосходное мастерство и сила молодого лидера группы Muscogulgee. На борцовском ринге самый сильный мужчина племени чероки был всего лишь ребенком в его руках; его голос в песне о его собственных подвигах и повествовании о славе его нации был слаще, чем вздохи нежнейшего весеннего ветерка, и чище, чем журчащая музыка водопада. В сыгранных партиях он был столь же успешен, и он вышел из жеребьевки, выиграв половину ценных сокровищ и трофеев соперников Braves. Было ли странно, что такой смелый человек снискал расположение прекрасных дев нашего племени? Было ли странно, что ясные глаза заблестели от слез, и нежная грудь наполнилась трепетом, а алые губы были полны вздохов, когда Стража Красных Стрел прошла перед глазами красавицы? Должно ли было вызывать особое удивление то, что прекрасная дочь священника позволила зажечь огонь любви в своей нежной груди? или что отважный и красивый Мускогульджи сочтет ее прекраснейшим созданием, которое он когда-либо видел, ответит взаимностью на нежную страсть, вспыхнувшую в ее груди, и пожелает перенести прелестный цветок племени чероки из хижины ее отца в его далекий дом?

Страж Красных Стрел сказал отцу девушки: "Я люблю твою дочь. Ее яркие черные глаза и длинные черные локоны, ее мелодичный голос, и ее мягкость, и ее приятный нрав, и ее обаятельный вид покорили мое сердце, как птица запутывается в силках охотника или олень запутывается в сетях охотника. Она стала светом моей души — когда я не вижу ее, все погружается во тьму. У меня нет других глаз, кроме нее; мои уши не впитывают никаких других звуков, кроме ее; моя последняя мысль, когда я ложусь спать, - о прекрасном Олененке, моя первая мысль, когда я просыпаюсь, - о ясноглазой маленькой деве, которая сидит у камина в хижине мудрого священника своего народа. Я открыл свое сердце этой очаровательной девушке и услышал из ее уст нежное признание в любви к Мускогульцу. Она соглашается покинуть дом своего отца и дом своего детства, чтобы отправиться со Стражем Красных Стрел в хижину, которую он сам построил на берегу красивой и быстрой реки своего народа".

Отец ответил: "Я не могу отпустить свою дочь в далекий дом того, кто просит ее руки. Она - свет моих очей и радость моего сердца. Что сказала бы ее мать и как бы я ответил на нежные вопросы, которые она задала бы со слезами на глазах, если бы я позволил маленькому олененку, которого она с такой заботой лелеяла, отправиться в далекую страну - быть на заре своей юности разлученным со всеми своими друзьями и компаньонами и увезенным в новое, неизвестное жилище? Мрак воцарился бы в моей хижине, и слезы хлынули бы из глаз, которые за семнадцать урожаев привыкли видеть нежную девушку, совершающую свои добрые поступки по долгу службы и бесшумно, как снег, скользящую вокруг лож своих любимых родителей. Утром мы должны прислушиваться к песне самой сладкой из всех птиц, а вечером скучать по поступи самой легкой ноги смертного, которая когда-либо смахивала росу с цветов прерии. Одного не хватало бы на трапезе из мяса; одного - натанце дев под тенистым дубом; одного - на ложе из мха, где мы спим. Нет, Мускогульджи! Я не могу отдать олененка. Как я должен отвечать на нежные вопросы ее матери, когда она со слезами на глазах просит меня о своей дочери? Когда я говорил ей правду, она плакала: "Жестокий человек! ты отнял у меня любимицу моего сердца, кумира моей души.— Что будет со мной - с тобой, лишенной нашего

милого ребенка? Нет, Мускогульджи! Я должен отказать тебе в моей дочери. И все же, если ты откажешься от своей нации, приедешь и поселишься на родине той, кого ты любишь или притворяешься, что любишь, девушка будет твоей. Тебе построят хижину рядом с моей, и, по нашему индейскому обычаю, друзья твоей невесты разместят в ней все домашние принадлежности, необходимые в нашей простой жизни. Ее друзья будут твоими друзьями, и ее отец - твоим отцом, и ее мать - твоей матерью. Когда в небе чероки прогремит гром и потемнеет, то прогремит и потемнеет и в небе маскогульги, живущего среди них, и с кем бы чероки ни зарыли топор войны и ни заключили лигу дружбы, с этим племенем или народом маскогульги будут соблюдать условия мира".

Москогульчанин ответил, как и подобало ему, что "его отец, и его мать, и его братья, и его сестры, и все друзья его юности жили на земле его рождения — земле костей его отца — как он мог покинуть ее? Зачем ему покидать родину, на которую приятно смотреть и в которой полезно жить, изобилующую тихими полянами, где любили пастись олени, приятными ручьями, полными рыбы, гладкими и спокойными озерами, овеваемыми крыльями бесчисленных птиц, которые прилетали туда за пищей. Как бы сильно он ни любил прекрасный цветок племени чероки и как бы ни хотел сделать ее своей невестой, он не мог стать изгнанником, чтобы заполучить ее. Почему ее отец должен возражать против того, чтобы она следовала по стопам того, кого любила, и кто был бы для нее отцом, матерью, сестрой, братом, другом, одним словом, мужем?"

И так умолял влюбленный, но умолял напрасно, ибо отец остался глух к его мольбам. Не так поступила дочь. Она выпила сладкий яд его слов и, когда он прижал ее к своей груди, почувствовала, что в этом объятии было больше блаженства, чем можно передать самыми добрыми словами, самыми нежными взглядами и самыми дорогими подарками тех, кто был творцом ее существа. Она услышала его теплые слова и поверила в их правдивость; она увидела его лицо и поняла, что оно честное, и она доверяла ему. Между ними было условлено, что, когда луна скроется за высокими лесами, окружавшими деревню, в которой она родилась, она улетит из дома своего отца под Охраной Красных Стрел в хижину, которую он построил себе на берегу прекрасной реки своего народа. Но они забыли — эти любящие и глупые влюбленные! — что Великий Дух был другом Чепиасквита и посвящал его во все тайные деяния тех, кто хотел причинить ему вред или вмешаться в его семейные дела. Они забыли, — простодушные дети! — что мудрому паувау достаточно было почувствовать шевеление муравья под кожей левой руки, чтобы, завязав ему глаза шкурой молодого барсука и положив голову на подушку, сделанную из листьев черного граба, Маниту из Снов поведал ему обо всех кознях его врагов. Планы юной пары относительно побега вскоре были раскрыты хитрому паувау его верным духом, и он встал утром, зная, что принесет ночь, и полностью готовый наказать покушения, которые должны были быть предприняты против спокойствия его семьи. Он сделал все те тщательные приготовления к надвигающейся опасности, которые подобает делать мудрому и предусмотрительному вождю. Он запер свою дочь в своем домике и, созвав к себе Храбрецов своего народа, ознакомил их с замыслами мускогульджи и приказал им охранять находящуюся под угрозой хижину и ее воделенное сокровище, но ни в коем случае — если без этого можно обойтись — не причинять вреда незнакомцам. Приготовившись в случае необходимости противостоять насилию насилием, он, желая предотвратить кровопролитие, ибо был человеком мирным, призвал к себе возлюбленного своей дочери и обратился к нему так:

- Я действительно сказал, что ты не можешь получить мою дочь, но при одном условии — я вспоминаю свое слово и добавляю к нему второе. С согласия своего отца она будет сопровождать тебя на обратном пути домой, если твое сердце будет достаточно сильным, чтобы предпринять одно путешествие, и на то будет воля Великого Духа, чтобы ты был пощажён для его завершения. Пусть доблестный Мускогульджи, у которого на лбу и в глазах написано "мужчина", хотя пушок на щеках выдает в нем мальчишку, прислушается к словам отца Вайноны и вспомнит, что проявление сильного сердца в это время может многое сделать для обретения им объекта, которого он так страстно желает.

"Между двумя горами, которые поднимают свои высокие вершины на северном берегу реки чероки, есть глубокая долина, в которой солнечные лучи, концентрируясь и собираясь вместе, создают такую невыносимую жару, что там не может жить ничего, кроме тех рептилий, которые созревают и откармливаются до полного роста только под палящими лучами солнца. В этих глубоких долинах с самого начала мира обитали те Смышленные Древние Обитатели, вожди и отцы гремучих змей, которых наш народ называет "Добрыми Старыми королями", будучи, действительно, повелителями всех племен или видов змей, обитающих на земле. Войти в их пределы было равносильно смерти, и почти так же смертельно вызвать их неудовольствие, сказав о них плохо или причинив вред кому-либо из их подданных. Поэтому мы ничего не знаем ни об их деревнях, ни об их численности, ни об их политике — умрут ли они, как мы, или в них навсегда останется копия природы. Я хотел бы знать все это; но прежде всего я хотел бы знать, являются ли огни, которые так превосходно сияют в этих долинах, как многие говорят, глазами тех Добрых Старых королей, или это вещества, не связанные с ними — драгоценные камни, освещаемые лучами солнца, или ослепительные метеоры, сияющие своим собственным светом. Ступай, храбрый юноша, посети эту долину; посоветуйся с мудрыми старыми рептилиями, населяющими ее; прежде всего посмотри, не являются ли огни, освещающие ее, глазами этих змей, или ослепительными метеорами, сияющими своим собственным светом, или драгоценными камнями, освещенными лучами солнца. И ты должен принести мне зуб из челюсти живого короля, и погремушку из его хвоста, и глаз из его черепа. Когда ты принесешь нам отчет об этих событиях, рука моей дочери будет сопровождать ее сердце, и одно станет, как было раньше, собственностью доблестного Мускогульджи. Но пока ты не выполнишь требуемое задание, моя дочь останется под охраной в моей каюте.

Мускогульджи услышал слова отца, и скорбь наполнила его душу. Он услышал — ибо кто в этих дебрях был несведущ в традиции?— о "светлых старых обитателях", и он знал, сколь смертельную вражду они питают к тем, кто вторгается в их священные и уединенные убежища. Он знал, что, предприняв это вторжение в их уединение, у него оставалось мало шансов избежать смерти от их ужасных клыков. Хотя их называли Добрыми Старыми королями, было известно, что они не заслуживали этого названия, когда давался справедливый повод для гнева. Эти соображения пришли в голову молодому Мускогульджи, но они не ужаснули его. Он любил прекрасную дочь священника и, решив, что жизнь, проведенная без нее, не стоит того, чтобы ею обладать, решил предпринять попытку, которая положила бы этому конец, или отдать в его руки объект своей любви, яркую и цветущую девушку племени чероки. Поэтому он ответил Чепиасквиту, что сделает или попытается сделать то, что от него требуется, и получил от мудрого старого *лаувау* подтверждение своего обещания, что девушка будет принадлежать ему, когда его задача будет выполнена. Затем, повернувшись к своим товарищам, собравшимся вокруг него, он приказал им немедленно возвращаться в страну мускогульги и рассказать своим друзьям об опасной экспедиции, которую он предпринял. И затем, в присутствии ее отца и

матери, он попрощался с краснеющей девушкой, которая со слезами приняла нежный поцелуй на своей нежной щеке и подняла влажные глаза в безмолвной молитве к Великому Духу, чтобы он вернулся в ее объятия.

Паувау сказал Мускогульджи: "Ты предпринял страшное дело, и то, которое, я предупреждаю тебя, потребует долгих и глубоких размышлений, осторожности, великой доблести и мудрости. Ты получишь мою помощь и совет, но они могут помочь не так сильно, как твое собственное душевное равновесие и сила рук. Тем не менее, я дам тебе амулет, могущественный амулет, и прослежу, чтобы ты запомнил мои указания по его использованию.

С этими словами он достал из своей корзины с амулетами шкурку горной кошки, в которой находилось лекарство, составленное из тех мощных веществ, которыми снабжает природа, позволяющих людям обрести власть над собой и низшими видами. Там были виноградная лоза, которая никогда не приносила плодов, сухие сосновые шишки, пропитанные росой, которая капает с листьев горного лавра, когти тигра, зубы аллигатора, бедренная кость черепахи и ребра улитки, измельченные в порошок и смешанные с водой, капнувшей из скорлупы ореха через охру войны. Мудрый мастер заклинания извлек из поля и леса, земли, воздуха и воды, из зверя и птицы, рыбы и рептилии, насекомого и дерева, цветка и плода все различные свойства, которые помогают подчинять вещи воле того, кому эти свойства были преподаны. Из них он приготовил лекарство, могущественная сила которого была неизвестна даже ему самому. Вложив этот амулет в руки изумленного юноши, он попросил его не забыть повторить вслух следующие слова и следующим образом, если он сочтет нужным его использовать. "Я погиб! Я погиб! спаси меня! спаси меня! От имени семерых мужчин, которые были сбиты с толку туманным утром и приготовлены на завтрак Добрым Старым королям, я взываю к тебе, Дева в Зеленом, защити меня от подобной участи". Юный влюбленный принял священный амулет со всем почтением, которое он должен был внушать, и, прежде чем великая дневная звезда погрузилась в сон за холмами запада, он закинул свой лук и колчан за плечо и продолжил свой поход в роковую долину.

Продвигаясь вперед с большой поспешностью, он приблизился к концу следующего дня ко входу в богатое событиями место. Он видел высокие горы, покрытые замшелыми скалами, и высокие кедры, и сосны, и созерцал "величественные формы, головы которых простирались далеко в небо", и слышал звуки, исходившие из их уст, тихий шепот любви, громкие звуки раздора или веселые звуки радости, смех и плач, ухаживание и борьбу, признаки того, что они были одержимы различными страстями и переживаниями, которые находят место в груди смертных. Между этими горами лежала глубокая долина, о которой говорилось, но что именно сверкало в ней, он не знал. Что бы это ни было, оно сияло с таким великолепием, что затмевало меридиональные лучи солнца. Все пространство между двумя горами казалось ярким пятном света, которое ослепляло даже сильнее, чем самый яростный полдень в Месяц Грома. Что еще больше удивило и озадачило юношу, так это то, что свет казался разноцветным, постоянно меняющимся, ни на мгновение не оставаясь прежним. То он приобретал оттенок осеннего кленового листа, то хохолка голубой цапли — то он был пурпурным, то зеленым, то желтым, а потом казался смесью их всех, слиянием всех когда-либо виденных цветов в один. Изумленный и встревоженный, но все еще полный решимости добиться руки прекрасной Вайноны или погибнуть, Гвардеец Красных Стрел бесстрашно вошел в долину и приблизился к месту, поражавшему своим великолепием. Двигаясь с большим трудом, так как вход был заросшим шиповником и множеством других опасных препятствий, он внезапно очутился на чистом поле

и увидел то, что издали так завораживало и заколдовывало, - то, что теперь, когда оно было видно ближе, внушало такой ужас. Он увидел землю, покрытую гремучими змеями более огромных размеров, чем когда-либо видел человек, да, превосходящими то, что рисовало даже его воображение в самые беспокойные и болезненные часы сна. Тела многих из них были крупнее стволов самых больших лесных деревьев и настолько громоздкими, что, когда они хотели развернуться, им приходилось описывать круг почти такой же ширины, как их длина. Но щедрая природа, которая всегда компенсирует недостаток добавлением совершенства, компенсировала тяжелые движения их тел, наделив их силой непреодолимого очарования. Она дала им глаз — каждому по единственному глазу, — поместив его в центре их лбов, обладая силой привлекать к себе каждое живое существо. Именно этот глаз излучал чудесный свет, который так ослепил Мускогульджи на расстоянии, и еще больше ослепил теперь, когда он оказался в пределах досягаемости этого ужасного очарования. Эти глаза были всех возможных цветов, и свет, который они излучали, был таким же разнообразным, как и цвет глаз. Также нельзя было однозначно определить цвет ни одного из этих глаз, потому что он менялся каждое мгновение. Теперь зеленый глаз стал голубым, как полunoчное небо — посмотрите еще раз, он был желтым, как опавший лист; в четвертый раз алый оттенок появился с одной стороны, в то время как желтый отступал с другой, оставляя середину в странном сочетании того и другого. Мускогульджи мог бы долго смотреть на блестящую, но ужасную сцену — поле, простирающееся дальше, чем мог охватить глаз, и все покрытое огромными змеями, шипящими со звуком, громким, как рев бури, сотрясающими свои трещотки с шумом, подобным грому, в то время как их глаза излучали свет, при виде которого он содрогался, и все же, такова была их сила очарования, что он не мог отвернуться — долго, повторяю, мог бы он смотреть на эту сцену, но он обнаружил, что его непреодолимо тянет войти в поле света. Ноги его неудержимо тянулись вперед, рот был открыт, чтобы выразить осуждение гневу Великого Существа, руки были подняты при виде того, что, как он знал, должно было привести к мгновенному разрушению, ибо их ужасные челюсти уже были раскрыты, а отвратительные языки, красные, как горящие угли, мелькали с такой скоростью, что казались душой пара, когда он вспомнил о заклинании, данном ему мудрым жрецом, и вытащил его наружу. Поклонившись, как ему было велено, духу бурь, правящему востоком, доброму гению юга, повелителю западного ветра и Полярной Звезде, которая является лучшим другом охотников и сбитых с толку людей, он трижды воззвал к Великому Духу, крича громким голосом: "Я заблудился! Я заблудился! спаси меня! спаси меня! От имени семерых мужчин, которые были сбиты с толку туманным утром и приготовлены на завтрак Добрым Старым королям, я взываю к тебе, Дева в Зеленем, защити меня от подобной участи". Готов ли мой брат услышать, какой эффект произвели эти слова? Хочет ли он знать, вызвал ли этот пронзительный крик существо, неспособное защитить его, или погремушки стихли, а челюсти сомкнулись, и была ли темнота придана этим сверкающим глазам, а злым языкам - молчание? Послушай.

С вершины Северных гор до ушей юноши-мускогульги донеслись раскаты далекого грома, за которыми через мгновение последовала самая сладостная песня, когда-либо звучавшая в ушах смертных. Он не мог разобрать всех слов, но услышал достаточно, чтобы понять, что это была песня-мольба Великому Духу за "храброго и доброго охотника Мускогульги, который вот-вот попадет в клыки Добрых Старых Королей". В тот момент, когда раздались раскаты грома и песня, погремушки смолкли, яркие глаза больше не излучали света, и огненные языки скрылись в сомкнутых челюстях. Из всего этого множества отвратительных рептилий ни одна, казалось, не дышала. Песня звучала все ближе и ближе, и по мере того, как она приближалась, охотнику

казалось, что это музыка существа, движущегося вровень с землей, если не под ее поверхностью. Он был прав. Вскоре в траве у его ног появилась маленькая змейка, едва ли толще его мизинца и не длиннее промежутка между рукой и плечом. Окраска этой маленькой рептилии была такой же разнообразной и красивой, как у глаз Добрых Старых королей, но они были неподвижными и постоянными, они, как я уже сказал, изменчивы, как женский разум. Голова у него была зеленая, бока желтые, брюхо белое, по спине спускались две красные полосы, а вокруг хвоста были кольца ярко-малинового цвета. Приблизившись, он поднял голову, с минуту оставался неподвижным и безмолвным, а затем обратился к мускогульцу со следующими словами: —

"Я - дух, пробужденный сильнодействующим *лекарством* священника племени чероки; и, призванный твоим зовом, я поспешил сюда на твой крик отчаяния, чтобы сказать тебе, что ты не *потерялся*. Хотя ты совершил глупость, придя в эту долину смерти, и тот, по чьему приказу это было предпринято, поступил нечестиво, послав тебя, все же на этот раз ты не умрешь. Я - Дева в Зеленом, правящий Дух гор и долин, имеющий власть даже над Умными Древними Обитателями, и они не причинят тебе вреда. Тебе, если я правильно помню, приказано в качестве платы за прекрасную дочь черокибах-бах-бах, отнести ему зуб из челюсти живого Короля, погремушку из его хвоста и глаз из его черепа; и сообщить о разных вещах, которые необязательно называть. Ты получишь мою помощь в достижении этих целей".

Сказав это, Девушка в Зеленом возобновила свою песню, обходя пленника на небольшом расстоянии от него. Закончив круг, она сменила свою песню на ту, которая казалась песней упрека и угрозы. Какой бы ни была тема, она возродила в Умных Старых Обитателях их прежнее состояние гнева. Их глаза снова осветились сверкающими лучами, и шипение и дребезжание возобновились. По-видимому, полные решимости немедленно отомстить незваному гостю, они теперь спешили к Мускогульджи с такой поспешностью, какую допускала их естественная медлительность. Со всех сторон долины виднелись головы с раздвоенными языками, и все они устремлялись к встревоженному воину. Но он был неуязвим для них, хотя и не знал этого, внутри зачарованного круга, созданного его духом-защитником. Девушка в Зеленом лишила их силы очарования, или, скорее, противоположное очарование, удерживавшее его в зачарованном пространстве, было сильнее, чем влияние их глаз.

Подозвав одного из самых крупных Добрых Старых Королей поближе, Девушка в Зеленом обратилась к нему так: "Этот юноша - храбрый юноша, и он мускогульджи. Он любит прекрасную дочь *лаувоу* Чепиасквита и попросил ее в жены у ее отца. Отец возложил на него задачу посетить вашу долину и сообщить, являются ли ваши глаза ослепительными метеорами или драгоценными камнями. И он приказал ему принести зуб из челюсти живого Короля, и погремушку из его хвоста, и глаз из его черепа, что, будучи верно и полностью выполнено, дает ему право требовать, в качестве обещанного блага, руки прекрасной Вайноны. Что скажешь ты, вождь королей, должен ли он вернуться и стать счастливым?

Вождь царей ответил, что не знает никого, кто добровольно пощадил бы глаз, или зуб, или погремушку. Что касается его самого, то он нашел им всем применение и не мог пощадить ни глаз, ни зуб, ни погремушку. И он велел Духу помнить, что, хотя она и королева и долины, и гор, ее власть распространяется только на защиту, а не на причинение вреда. Она не имела права требовать от Добрых Старых Королей того, что должно было причинить им боль или смерть. И разве она не знала, что всякий раз, когда один из этих светящихся очей будет вынесен за

пределы долины, они больше не смогут наслаждаться той трансцендентной силой и сиянием, которыми теперь обладали их владельцы? Такова была воля Великого Существа; странно, что Девушка в Зеленем не знала об этом.

Дух ответил, что она этого не знает, но она была готова сказать, что указ должен быть отменен, если они, без каких-либо дальнейших приставаний, передадут Мускогульджи требуемую информацию и преподнесут ему подарок, который сделает его счастливым и преуспевающим в его уходе за девушкой из племени чероки. Если они удовлетворят его просьбу, блеск должен быть добавлен к их глазам, а не отнят у них, а их погремушки должны увеличиться в размере, а также увеличиться в количестве и скорости движений. Но если они откажутся даровать ему это благо, глаз, зуб и погремушку следует отобрать у них силой, в результате чего они потеряют преимущество от того, что сделали что-то, за что их можно отблагодарить.

Услышав это, глава Мудрых Древних королей созвал совет своего народа. Я не знаю, что было сказано на этом совете, но я могу рассказать моему брату, что было сделано. Они бросили между собой жребий, и тот, на кого пал жребий, должен был лишиться глаза, зуба и погремушки. Передав их мускогульджи, старший из королей рассказал ему об их истории, законах и политике, особенно отвечая на вопросы, предложенные чероки роишоу.

"Мы были созданы, - сказал он, - после того, как были созданы все другие существа, и были сформированы из пестрого песка, который находится на берегах далекого Лесного озера. Это было приятным солнечным утром в Полнолуние, когда Великий Дух, от нечего делать, развлекался, сидя под теплым солнцем на берегу этого озера и скручивая веревки из разноцветного песка. Покрутив, просто забавляясь, значительное их количество и отложив их в сторону, он пришел к выводу, что среди всего разнообразия созданных им существ, средствами передвижения которых были ходьба, полет, плавание, прыжки, рысь, бег, ни одно не было предназначено для передвижения исключительно ползком. "А теперь, - сказал он себе, - если бы я вдохнул в эти веревки дыхание жизни и наделил их способностью бегать, разве это не было бы зрелищем, достойным того, чтобы на него посмотреть? — разве это не вызвало бы веселье среди других животных? Но я сделаю их еще более замечательными".

С этими словами он выбрал несколько маленьких круглых камешков, несколько из которых воткнул в один конец веревок. Перед ним, на берегу, было разбросано множество камней разных оттенков, но все они были необыкновенной яркости, и каждый затмевал лучи полуденного солнца. Он поместил по одному из этих сверкающих драгоценных камней на другой конец каждой веревки, а затем дул на них до тех пор, пока они не начали подавать признаки жизни. Когда веревки пришли в движение, их странные зигзагообразные движения и постукивание хвостами вызвали веселье Великого Существа, которое громко и долго смеялось над странностью, которую оно сотворило. Та часть из них, которой он дал погремушки и сияющий глаз, была назначена правителями над всеми остальными, низшими видами змей. И он велел им помнить, что Он приучил их ползать в пыли все дни своей жизни и ни в коем случае не пытаться принять вертикальное положение. "Но, - сказал он, завершая слово, которое повелевало им вечно быть в прахе, - это не место для ваших племен. Вы - тонкокожая, или, скорее, бескожая раса, и должны иметь жилище и имя только там, где светят жаркие солнца, а о зимних морозах и снегах мало кто знает. Вы никогда не смогли бы достичь этой земли, если бы были предоставлены своим собственным усилиям — я должен помочь вам". С этими словами он собрал всех новорожденных рептилий в руку и, спрятав их в складках своего одеяния,

отправился в теплые края Юга. Несколько часов было достаточно, чтобы привести его в долину, которую мы сейчас занимаем, и здесь он вверил нас и все племена, над которыми мы назначены правителями, заботливой заботе яркой и славной дневной звезды. Сотворив нас и вдохнув в нас дыхание жизни, он повелел нам, как он делал это со всеми другими созданиями, каждому на будущее обеспечивать свои собственные потребности. Мы, носившие погремушки, должны были жить вечно; все остальные должны были умереть в назначенное время. Нам было приказано никогда не покидать долину, и в качестве компенсации за то, что мы были ограничены в наших прогулках, мы должны были навсегда установить господство над всеми другими видами змей. И в качестве защиты от тех, кто мог бы развязать против нас захватническую войну, наши глаза были наделены способностью очаровывать и привлекать к нам каждое живое существо, попадавшее в поле их зрения, за исключением тех, кто был особенно облагодетельствован Духом Горы. Так оно и есть. Мы, Добрые Старые Короли, - такие же песчаные канаты, которые были скручены в начале мира Создателем всего сущего; те, кто небольшого роста, кого вы видите вокруг нас, - наши дети и дети наших детей. *Они* умирают, но нам, носящим ослепительные глаза, смерть не назначена. И все же мы увеличиваемся в росте и будем продолжать увеличиваться в росте, пока Огромная Черепаха, на которой покоится земля, не погрузится в бесконечную пучину вод, унося с собой эту землю и все ее многочисленные создания.

- Ты можешь поблагодарить Духа Горы, Мускогульджи, за свою жизнь. Она была конфискована и была бы отнята, если бы не вмешательство Девушки в Зеленом. Теперь ты можешь вернуться — с тем, что никогда прежде не покидало долину Светлых Древних Обитателей, — с глазом, зубом и погремушкой, с мудростью, почерпнутой из моих слов, и наставлениями из моих уст. Они не принесут пользы тому, для кого предназначены, поскольку их обладание передало бы ему силу, которую Великий Дух не стал бы — не смог бы без опасности для себя — позволить смертному использовать. Я даю вам зуб на зуб: великий *лау-вау* племени чероки уже чувствует, как с увеличением силы его разума ослабевает сила его тела: вот хрип, его силы иссякают; глазом я вижу его беспомощным на ложе смерти. Его лицо сияет мудростью и знаниями, переданными дарами, которые он получил от нас, но, увы! его язык лишен нервов, он не может передать полученные знания. Возвращайся с миром, Мускогульджи, передай ему дары, которые решают его судьбу и твою — его, умереть прежде, чем луна станет на два дня старше — твоей, обрести девушку, к которой ты так страстно стремишься, и с ней спуститься по течению времени, любящей и ненаглядной — счастливейшей из счастливых. Но помни, пусть никто из твоего народа или имени не осмелится снова посетить эту долину, иначе их постигнет самая ужасная участь".

Так говорил старейший из Мудрых Старых королей, и его слова повторили все его братья. Они позволили мускогульджи уйти с миром, и он вернулся в деревню священника-чероки. Он доставил дары, как ему было велено, и стал свидетелем конца, которого его учили ожидать. Он видел, как лицо *лаувау* озарялось умом больше, чем у смертного, но при вручении каждого подарка он видел, как треть энергии животной жизни угасала, когда глаз, яркий, неувядающий, но роковой глаз, помещался в его дрожащую руку, он видел искру жизни, дрожащую, как лампа в розетке. Священник как раз успел позвать к себе свою прелестную дочь, когда, вложив ее руку в руку мускогульского юноши, испустил дух.

Брат, я мускогульджи, и моя мать была прекрасной дочерью священника племени чероки, а мой отец - отважным юношей, отправившимся в долину Светлых Древних Обитателей. Я сделал это.

ПРИМЕЧАНИЕ.

(1) *Долина ярких старых обитателей.*—с. 225.

Некоторые индийские народы считают себя происшедшими от гремучих змей, и все они, в большей или меньшей степени, исповедуют родство с этой рептилией. Вождь племени Сенека рассказал мне, что его предком по материнской линии была гремучая змея в девичестве, но он разрушил возвышенность вымысла, утверждая, что в брачную ночь она откусила нос своему мужу.

Хеквелдер, отметив, что некоторые тускарора утверждают о родстве с кроликом и сурком, говорит: "Я обнаружил также, что индейцы по сходной причине с большим уважением относились к гремучей змее, которую они называли своим *дедушкой*, и ни под каким видом не уничтожали ее. Однажды, прогуливаясь с пожилым индейцем по берегу Мускингума, я увидел лежащую поперек тропинки большую гремучую змею, которую я собирался убить. Индеец немедленно запретил мне это делать, "потому что, - сказал он, - гремучая змея - дедушка индейцев и помещена сюда специально, чтобы охранять нас и предупреждать о надвигающейся опасности своими погремушками, что то же самое, как если бы она говорила нам: "Смотрите по сторонам!" "Теперь, - добавил он, - если бы мы убили одну из них, другие вскоре узнали бы об этом, и вся раса набросилась бы на нас и укусила". Я заметил ему, что белые люди не боялись этого, потому что они убили всех змей. гремучие змеи, с которыми они встречались. На это он спросил, не кусали ли эти животные какого-нибудь белого человека, и, конечно, я ответил утвердительно. "Тогда неудивительно, - ответил он, - что вы должны винить в этом самих себя. Позаботьтесь о том, чтобы не раздражать их в нашей стране, они и их внуки в хороших отношениях, и ни один из них не причинит вреда другому".

Адэр, убив змею, наводнившую лагерь семинолов, оказался в серьезной опасности, после чего он отмечает в примечании на странице 263, что семинолы "никогда не убивают гремучую змею".

ЛЕГЕНДА О МОШУПЕ.

Пролив, который отделяет Норе[28] от материковой части и островов Нэшон, во времена наших отцов не был таким широким, как сейчас. В небольших бухтах, которые сейчас изрезают северный берег Ноупа, и в небольших выступах, которые с интервалом в милю или две выступают вдоль его побережья на расстоянии солнечного путешествия, тогда не было недостатка; ни то, ни другое не нарушало его округлых и точных очертаний. Сильный поток воды из бескрайних вод Великого озера, проносящийся между этим островом и противоположными маленькими островками Нэшон и его сестрами, сильно вторгся в первый, расширив до двух часов путешествие, которое когда-то было делом рук одного человека. Мои братья, которые пришли со мной из земель паукуннавкутов, знают, что мои слова правдивы. Они знают, что воздух изменился так же сильно, как и очертания берегов Ноупа. Во времена наших дедов волны, перекатывающиеся между этими островами, всегда замерзали, начиная с месяца охоты и заканчивая месяцем красной певчей птицы. В холодные месяцы каноэ индейских охотников и рыбаков не разрешалось пересекать его темные и бурные воды в поисках добычи или в погоне за дикой птицей. Затем, чтобы раздобыть себе еды, он брал копье и уходил далеко по замерзшей воде, чтобы поймать глупую утку, которая позволила себе застрять в застывшем

кLEMENTE; или, ближе к своей хижине, он прорубал во льду лунки и, когда глупая и онемевшая рыба скользила через отверстие, безошибочно метал дротик и бросал его своей восхищенной женщине.

Но облик Ноупа изменился, а вместе с ним и зимы становились все мягче. Месяц охоты больше не был месяцем раннего снега, и когда прилетела красная певчая птица, он запрыгнул на раскрывающийся бутон и прислушался к кваканью лягушек. Сигнал великого стража[29] больше не был слышен в темный час в глубине леса. Для отважного старого воина было слишком много солнца, и он последовал за своим великим вождем, бурым орлом, в северные края. Тем временем воды, больше не скованные цепью Маниту Холода, вычерпали бухты и нагромодили мысы, пока не сделали берега Ноупа извилистыми, как тропа сбитого с толку белого человека или нить истории, в которой нет правды.

Давным-давно, в месяц ледяных ветров, индеец Паукуннавкут, живший на материке, недалеко от ручья, в котором водилась большая форель[30], был пойман вместе со своей собакой на одном из кусков плавучего льда и унесен, несмотря на все его попытки удержаться. До сих пор он оставался неизвестным и, как предполагал наш народ, неприступным. Несколько раз они пытались посетить его, но их каноэ всегда уносило прочь или отталкивало назад какой-то невидимой рукой, каким-то дружелюбным водным Маниту, опасавшимся опасности для них, или каким-то разгневанным духом острова, который этими знаками запрещал им приближаться к своим владениям. На протяжении многих лет, еще на памяти наших отцов, индейцы, полагая, что это резиденция Хоббамока, существа, которое правит злыми людьми, насылает болезни и смерть на индейцев, вызывает бури в воздухе и издает устрашающий звук в черных тучах, тщательно воздерживались от попыток посетить его. И это не было в целом просто неопределенным страхом перед злом, которое воздействовало на их умы, заставляя населять его живыми и движущимися существами. Временами они могли видеть людей чудовищного роста, быстро передвигающихся по острову, и в любое время года тихими вечерами или когда с острова дул ветер, могли слышать звуки гнева или стенания, или музыку и веселье, исходящие из его мрачных теней. А некоторые утверждали, что отчетливо видели фигуру высокого мужчины, входящего в воду, чтобы схватить китов. Вынужденный визит к берегам Таканаша, Павкуннавкута, заставил их увидеть, что это был не сон спящего, который съел слишком много мяса, а похожий на тот, который люди видят своими глазами, когда бодрствуют, и говорят только то, что может услышать Добрый Дух.

Когда Таканаш и его собака прибыли в Ноуп, он обнаружил человека, в существовании которого сомневались многие индейцы и которого, как считалось, видели только обманутые глаза, слышали глупые уши и о котором говорили лживые языки, живущего в глубокой пещере на оконечности острова, ближе всего к заходящему солнцу. И вот что рассказал Таканаш по возвращении вождям о странном существе. Он был выше самого высокого дерева в Ноупе и таким же большим вокруг себя, как раскинувшиеся верхушки могучей сосны, повидавшей годы взрослого воина. Кожа у него была очень черная, но борода, которую он никогда не выщипывал и не стригся, и волосы на голове, которые никогда не брил, были цвета перьев серой чайки. Его глаза были очень белыми, а зубы, которых было всего два, были зелеными, как ил, поднятый ветрами со дна моря. Он всегда был добродушен и весел, за исключением тех случаев, когда ему не удавалось раздобыть вдоволь мяса или когда ему не хватало своего обычного запаса индийской травки и крепкого напитка, который заставлял его видеть китов, преследующих оленей в лесу, и лягушек, выкапывающих куавхов. Его основной пищей было мясо китов,

которых он ловил, заходя за ними в великое море и выбрасывая их оттуда, как индейские мальчишки вылавливают черных жуков из лужи. Однако он предпочитал есть морских свиной, когда не было более крупной рыбы, и даже черепах, оленей и кроликов, лишь бы не быть голодным. Кости китов и угли костра, на котором он их жарил, сейчас можно увидеть на том месте, где он жил. Я еще не сказал своим братьям имя этого большого человека из Нет — это был Мошуп.

Я слышу, как незнакомец спрашивает: "Кто это был?" Я слышу, как мои братья спрашивают: "Был ли он духом из теней умерших людей, или он пришел с холмов грома? Я отвечаю, он был Духом, но откуда он взялся, когда впервые приземлился в нашей индийской стране, я не знаю. Это было очень давно, и Остров[31] был тогда очень молод, его только что поместили на спину Большой Черепахи, которая сейчас его поддерживает. Поскольку она была очень тяжелой, черепаха попыталась скинуть ее, но Великий Дух не позволил ей и бил ее до тех пор, пока она не затихла. Мошуп рассказал павкуннавкату, что когда-то он жил на главной земле. Он сказал, что вокруг него выросло много людей, мужчин, которые жили охотой и рыбной ловлей, в то время как их женщины сажали кукурузу, бобы и тыквы. По его словам, у них были *друзья*, которые одевались в странную одежду, бормотали дьявольские слова и пугали индейцев до тех пор, пока те не отдали им половину своего вампума. Наши отцы знали по этому, что они были их предками, которыми всегда руководили священники — тем больше они были глупцами! Однажды, рассказывал Мошуп, по соседству с Мошупом прилетела огромная птица, крылья которой были шириной в полет стрелы, тело длиной в десять шагов индейца, а голова, когда он вытягивал шею, выглядывала из-за высоких дубрав. Сначала он уносил только оленей и лосей; в конце концов, пропало много детей. Это продолжалось много лун. Никто не мог поймать его, никто не мог убить его. Индейцы боялись его и не осмеливались приблизиться к нему; он, в свою очередь, боялся Мошупа и стремился в область облаков, как только видел его приближение. Когда он ловил детей, то немедленно летел на остров, который лежал навстречу горячим ветрам. Мошуп, рассерженный тем, что не смог поймать его, и опасаясь, что, если из этого существа вылупятся другие, столь же аппетитные и свирепые, раса индейцев вымрет, однажды вошел в воду вслед за ним и продолжал преследование, пока не добрался до острова, откуда дуют горячие ветры и который теперь называется Ноуп. Там, под большим деревом, он нашел кости всех детей, которых унесла большая птица. Чуть дальше он нашел ее гнездо с семью вылупившимися птенцами, которых вместе с матерью ему удалось после упорного боя убить. Крайне утомленный, он лег спать, и ему приснилось, что он больше не должен покидать остров. Когда он проснулся, ему очень захотелось курить, но, обыскав остров в поисках табака и не найдя его, он набил свою трубку *тыквой*, которую наши люди иногда используют вместо табака. Сидя на высоких холмах Уобскуа, он выпускал дым из своей трубки над поверхностью Большого озера, которое вскоре потускнело и затянулось туманом. Это было началом тумана, который с тех пор на протяжении долгого промежутка времени между месяцем Лягушки и месяцем Охоты временами скрывал Ноуп и все берега индейского народа. Это была история, которую Мошуп рассказал Таканашу и его собаке. Если это неправда, то я не лжец".

УМошупа, в то время, когда Нуп посетил Таканаш, была жена такого же роста, как у него самого, и четверо сыновей, и дочь, первая высокая, сильная и быстрая, очень искусная в ловле рыбы и проворная в преследовании оленей, вторая красивая, со сладкоголосой и прыгучей, как лань. Она садилась в начале вечера, когда начинала падать роса и человеческие тени удлинялись, и пела своему отцу песни о стране теней злых людей, песни, в которых рассказывалось о совершенных ими преступлениях, об их раскаянии, и вине, и раскаянии, и позоре, и смерти.

Хотя Мошуп, казалось, мало заботился о ком-либо, он, тем не менее, любил свою маленькую дочь, как он ее называл, чья головка выглядывала из-за самых высоких деревьев, и чей голос был слышен на материке. Он многими знаками показывал, как сильно любит свою дочь. Он сделал ей ожерелье из зубов акулы, собрал лучшие ракушки для ее ножных браслетов и всегда давал ей самый жирный кусок китового мяса к ее порции.

История Таканаша, который очень скоро вернулся в Вакуа, и его описание красот Ноупа побудили многих павкуннавкутов поселиться там. Это действительно было приятное место, приятное для индейца, потому что оно изобиловало всем, чего он жаждет. В его прудах было много отличной рыбы и жирных диких уток; в лесах водились олени, а плодородные берега ручьев заросли дикими лозами, на которых густо рос виноград и где грецкий орех и лещина в изобилии покрывали как кусты, так и деревья. Вскоре павкуннавкуты, жившие в мире между собой и благословленные Добрым Духом всем, в чем они нуждались, стали очень многочисленны. На острове не было ни одного приятного уголка, из которого не поднимался бы дым от камина в хижине; ни одного тихого озера, в котором в месяцы цветов и фруктов вы не увидели бы индийских дев, плавающих своими смуглыми конечностями. Дикая утка не находила покоя в своей солнечной дремоте на берегах Менемше, *покешавит* больше не мог прятаться в осоке на берегах своего любимого Квампече, а олень, отправившийся утолить жажду в Моннемойю, нашел безошибочную стрелу индейца в своем сердце.

Но Мошупу увеличение числа индейцев, казалось, причиняло боль — никто не знал почему, поскольку единственных удовольствий, которых он, казалось, жаждал, было все так же много, как и раньше. Китов по-прежнему было много, *добычи* по-прежнему хватало, а наслаждаться сном и солнечным светом было так же легко, как и прежде. Хотя он никогда не причинял вреда индейцам, он рос недовольным и несчастным, сердитым и сварливым в своей семье, кислым и недобрососедским по отношению ко всем окружающим. Он бил свою жену, если она хотя бы съедала падающий кусок кита; вышвыривал своих сыновей из пещеры, если они в порыве мальчишеского веселья производили хоть малейший шум, пока он дремал; и надирал уши своей маленькой дочери, если она только посматривала на индейского юношу.

Однажды он велел своим детям пойти поиграть в мяч на пляже, который примыкает к холму^[32] Белой краской на Номенсленд, сказав им, что он посмотрит на этот вид спорта. Когда они немного поиграли, он большим пальцем ноги сделал отметину на пляже с обоих концов, причем такую глубокую, что вода следовала за отметиной, оставляя их окруженными ею и в большой опасности утонуть. Когда, наконец, начался прилив, заливающий водой все пространство между двумя возвышенностями, братья взяли свою младшую сестру и подняли ее из воды, в то время как Мошуп, сидя на высоких утесах, наблюдал за происходящим. Он велел им вести себя так, как будто они собираются убивать китов, что они и сделали, и все превратились в рыб, называемых *убийцами*, рыб, которые с тех пор стали врагами китов и их величайшим ужасом; Поскольку сестра всегда была веселой девушкой, красила щеки во множество оттенков и любила разноцветные украшения, он приказал ей стать полосатой убийцей, и она стала ею. Он велел ее братьям всегда быть очень добрыми к ней, и они повиновались ему.

Когда жена Мошупа узнала о преображении своих детей, она очень горевала об их потере. День и ночь она ничего не делала, только плакала и звала их, пока, наконец, Мосупу не надоел ее шум, и, подхватив ее на руки в припадке страсти, он забросил ее так далеко, как только мог, в страну Наррагансетов. Она упала на мыс, который далеко выдается в океан и на скалы которого

злой Маниту глубин разбрасывает огромные волны. Индейцы называют его Секонет. Там, усевшись на камни, она начала заставлять всех, кто попадался ей на пути, вносить свой вклад в ее поддержку. Она стала такой сердитой и жестокой, так много требовала от индейцев и производила так много шума, что Великий Дух превратил ее в огромную скалу, неизменная форма которой сохранялась много лет. Но когда пришли йенгеи, некоторые из них отломали ей руки, опасаясь, что она нанесет им вред, и голову, чтобы она не замышляла зла; но ее тело сейчас стоит там.

Мошуп ненадолго задержался на Ноупе после того, как бросил свою жену, но пока он оставался, он был очень добр к индейцам, посылая им много китов и других хороших вещей. Он почти ничего не делал, только наблюдал у кромки моря за охотой убийц, и в особенности за полосатым хищником, кормил его определенными кусочками рыбы, ласково разговаривал с ним и всегда называл его именем, которое носила его дочь. Иногда он оставался на много солнц на высоком утесе из Белой Краски, жадно глядя на то место, куда он бросил свою старуху. Наконец он ушел, и никто не мог с уверенностью сказать, куда именно. Некоторые индейцы предполагали, что иногда видели его гуляющим по высоким холмам за приливами; другие думали, что он вернулся к своему хозяину, Злому Духу.

ЖЕНЩИНА-ПРИЗРАК.

ТРАДИЦИЯ ВИННЕБАГОВ.

Дни Мишикинаквы, или Маленькой Черепашки, были сочтены, и стали видны признаки его приближающегося распада. В тихий ночной час с холмов доносились голоса, взывавшие: "Приди, Мишикинаква! она ждет тебя". *Нант-и-на*, или маленькие духи, населяющие землю, и воздух, и огонь, и воду, в соответствии с их различной природой, все были заняты, возвещая о приближающемся переходе вождя от тревог и лишений этого мира к счастью и покою другого, лучшего. Слышалось журчание их голосов в ручье, и их шепот в воздухе, и их шипение в огне, и их стоны в земле. Там были падающие зеленые листья в час затишья и кружение сухих на ветру, уханье серой совы на гребне его хижины и крик макависса в глухом лесу. *Хоттук Иштохулло*, или Святые Люди (1), со своими родственниками *Нана Иштохулло*, возвещали с облаков о грозящей опасности для жизни воина; в то время как *Нана Оокпроуз*, или проклятые существа, выкрикивали новости из своих жилищ на дальнем западе.

Его годы не были годами пожилого человека; его волосы еще не тронул иней музыки, в глазах еще горел огонь мужественности, походка оставалась сильной и уверенной. И все же, без голода, без нужды, без боли, без болезней, без ран, в расцвете сил, в расцвете мужественности, любимый своими друзьями и внушающий страх своим врагам, прайд Виннебагов быстро приближался к дому мертвых.

Никто не знал почему, но с одного рокового дня стало видно, что он поник, как склоняется лилия перед жарким солнцем. С одного рокового дня радость покинула его, и глаз его стал подобен мутной воде. В его смехе больше не было радости, присущей его здоровому часу; его походка не была более легкой и жизнерадостной; еда больше не радовала его вкус; сон больше не освежал его. Они пришли и запели военную песню у дверей его каюты, и он позволил им уйти, не ответив криком. В ушах у него звучали слова: "Потоватомии идут по нашему военному

пути", но он не поднял головы— "Гуруны сняли скальп с сына твоего брата", и ни один крик о мести не сорвался с его губ. Медленно и постепенный он угасал, и вскоре пришло время, когда он больше не мог двигаться со своего ложа из мягкой травы, но лежал в безмолвном ожидании звука голоса, который зовет дух домой. Лежа таким образом на ложе смерти, он созвал собравшееся вокруг него племя и рассказал им, почему мир покинул его душу и почему он с тревогой ждал момента своего освобождения от оков плоти.

- Я спустил свое каноэ на воду, - сказал он, - на озере, которое дало название нашему народу, когда солнце клонилось к закату в конце месяца цветущих лилий. На поверхности вод царила тишина, и озеро лежало так же спокойно, как младенец, которого убаюкивают перед сном на груди его матери. Ни малейшей ряби не пробивалось по его поверхности, которая была гладкой, как ледяное поле, застывшее в безветрие. Ничто не омрачало его красоты, если не считать время от времени резвящейся рыбы, скользящей по его груди, или проносящейся ласточки, ловящей мух, когда они поднимаются после утоления жажды. Бурый орел кружил по спиральным лабиринтам к своему любимому солнцу, и я слышал стрекотание кузнечика и жужжание пчелы, каждая из которых распевала гимн в своем беззаботном труде. Вдалеке виднелись мысы, вдающиеся в озеро, и отвесные скалы, возвышающиеся над более глубокой частью его вод. Позади меня виднелись дымы хижин моего народа, а передо мной расстилалась прекрасная гладь невозмутимого озера.

"Когда я скользил своей легкой корой по воде, я увидел стоящую на некотором расстоянии от меня очень красивую женщину. Мой язык не в силах описать прелести этого статного создания с ясными глазами. Она была высокой и прямой, как молодая ель, а ее глаза сияли таким блеском, что смотреть на них было невыносимо, как и на солнце, и вы отворачивались, чтобы созерцать другие предметы. Она была одета в одеяние, которое блестело на солнце, как искрящийся песок Острова Духов[33], и ее локоны, которые были желтыми, как лучи того солнца, падающие на складки облака, струились по ее прекрасной фигуре, пока не коснулись поверхности воды. Преисполнившись внезапной любви к этому прекрасному созданию и стремясь привязать ее к себе, я развеял одеяло дружбы по ветру[34] и направил свое каноэ к ней. Подойдя к ней поближе, я заметил странную перемену в ее внешности. Ее фигура постепенно менялась, руки незаметно исчезли, цвет лица приобрел другой оттенок, щеки больше не светились жизнью, глаза утратили свой блеск, ее прежде блестящие локоны больше не блестели, и, когда я подошел к тому месту, где она стояла, я нашел только бесформенный каменный памятник с человеческим лицом и рыбьими плавниками и хвостом. Долгое время я сидел в изумлении и неуверенности в своей цели, боясь ни подойти ближе, ни заговорить с некогда любимым, но теперь внушающим страх объектом. Наконец, сделав подношение табаку, чтобы умиловить духа, и укоряя его гнев за то, что я осмелился любить его, я обратился к нему с такими словами:

"Дух, который был прекрасен только сейчас, и ты лишился своего непревзойденного блеска только потому, что к тебе приблизился бедный смертный! дух-хранитель нашей нации! посланник ко мне от Великого Духа! или какое бы другое имя ты ни носил, скажи мне, почему ты изменился. Почему твоя фигура, только что прямая, как ель, и едва ли менее высокая, стала кривой и бесформенной и не выше дуба двухлетней давности? почему твой глаз, но теперь такой яркий, что моим собственным было больно от его блеска, потускнел и приобрел тусклый цвет камня? И твои одежды, которые сверкали, как складки облака, окрашенные лучами заходящего солнца, — почему они претерпели перемену? А твои локоны, которые были

желтыми и сияющими, как искрящийся песок Острова Духов, почему они приобрели оттенок коричневой бабочки? Не потому ли, что я осмелился считать тебя красивой, потому что мое сердце осмелилось вспылать к тебе пламенем внезапной любви? Если моя самонадеянность вызвала твой гнев, прости меня, и ты снова обретешь тот прекрасный облик, который был у тебя, когда я впервые увидел тебя".

Обратившись таким образом к прекрасному духу, я сделал паузу, ожидая ее ответа. Он звучал мягко и сладко, как летний ветерок, слегка колышущий лоно прерии, и вот слова, которые принадлежали им:

"Мишикинаква, не ненависть к тебе заставляет меня отказываться показываться тебе на глаза, разве что на расстоянии, не ненависть к тебе заставляет меня отказываться оживлять эту каменную глыбу и придавать ей форму в тех пропорциях, которые, по твоим словам, были такими прекрасными. О нет! Я видел тебя раньше, вождь виннебагов, и, несмотря на всю мою отвагу, смотрел на тебя глазами любви. Но существам, которые не из глины, не разрешается общаться с плотью и кровью. Я позволил тебе издали увидеть мое лицо и фигуру, чтобы, если ты сочтешь их достойными мук смерти, ты мог встретить эти муки лицом к лицу, и твой дух, лишенный своей плотской формы, мог улететь в объятия твоего Света Теней и странствовать с ней по долине бесконечного блаженства. Выбирай же тогда между мной и более долгим пребыванием на земле — между страданиями жизни, которая должна быть наполнена горестями, постоянными штормами, свирепой зимой, иссушающей жаждой, щемящим голодом и леденящей наготой, и радостями, которые посетят тебя, когда ты будешь заключен в объятия той, кого ты любишь, и которая ответит на твою любовь с таким же пылом. В отличие от земных дев, мое очарование никогда не увянет; никогда, как у них, моя любовь не превратится в ненависть, или мое сердце не охладает, или мои глаза перестанут благосклонно относиться к любимому объекту. Продолжая любить, несмотря на все перемены, и продолжая вечно, твой разум не может представить и половины того блаженства, которое будет твоим—моим—нашим, — если ты осмелишься умереть".

Она замолчала, но мои довольные уши продолжали слушать еще долго после того, как ее нежный голос затих вдали. И радостный ветерок мягко вернулся со спокойных и прозрачных вод, и дух эха мягко повторил с соседних холмов: "В отличие от земных дев, мое очарование никогда не увянет; никогда, как у них, моя любовь не превратится в ненависть, или мое сердце не охладает, или мои глаза перестанут благосклонно относиться к любимому объекту. Продолжая любить во всех переменам, *вечно*, твой разум не может представить и половины того блаженства, которое будет твоим—моим—нашим, — если ты осмелишься умереть.

- Иди ко мне, любимый, иди!
Я буду ждать твоей смерти,
В дыхании вечера,
На гребне горы,
Которая отбрасывает тень на фонтан,
Приди, мой возлюбленный, приди!

- Иди ко мне, любимый, иди!
Я снова буду носить
Яркое золото в своих волосах,
И мои глаза будут яркими,
Как луч света.
Приди, мой любимый, приди!

- Иди скорее, любимый мой, иди!
И ты будешь предан
верной груди,
И ты будешь отведен
На брачное ложе.
Мишикинаква, иди сюда!"

"Призванный к оттенкам счастья таким ярким, прекрасным и любимым существом, как я могу оставаться на земле? С того момента я очень желал умереть; каждый день я просил Владыку Жизни забрать у меня дыхание, которое он мне дал, и позволить мне отправиться в страну, которая хранит дух моей нареченной жены. Я ненавижу мерзкую цепь, которая связывает меня с ней; я ненавижу все, что я вижу, ибо все они менее прекрасны, чем она; и все звуки причиняют боль моему уху, ибо разве они не наполнены ее голосом, в сто раз более сладостным, чем что-либо, когда-либо слышанное на земле? На! снова ее голос! Она зовет меня в свои объятия! Она зовет меня прийти и испить из хрустальных ручьев в стране душ; она зовет меня прийти и погнаться с ней за олененком и козленком, принести ей ягод с холмов и цветов из долин, ранним утром смахнуть росу с полян нашими смешанными шагами, а ранним вечером смешать музыку наших губ и дыхание наших вздохов у укутанного травой фонтана. Она велит мне прийти, и быть прижатым к верной груди, и призванным на брачное ложе. Я прихожу, прекрасный дух, в назначенное место,

На вершину горы,
Которая отбрасывает тень на фонтан.

Вплети тогда яркое золото в свои вьющиеся локоны, и пусть твои глаза сияют, как тогда, когда я впервые увидел тебя. Будь снова прямой, как молодая елочка, и облачись в одеяние, которое сверкало, как пески Острова Духов".

Судорожно вздрогнув, воин приподнялся на своем ложе в вертикальное положение. Дико озираясь по сторонам, он выбросил вперед руки с криком "Я иду, возлюбленная, я иду!", а затем упал навзничь бездыханным трупом. Так умерла Мишикинаква, Маленькая Черепашка из племени Виннебагоу, от любви к призрачной женщине.

Примечание.

(1) *Хоттук Иштохулло, или Святые люди.*—с. 273.

Почти у каждого холма и пещеры в глазах индейцев есть свое божество-покровитель. Традиция, озаглавленная "Гора маленьких Духов", отражает подлинную веру.

Адэр в своей "Истории североамериканских индейцев" говорит: "Они (то есть чероки, крики, чокто и др.) верят, что высшие области населены добрыми духами, которых они называют *Хоттук иштохулло* и *Нана Иштохулло*, "Святыми людьми", и родственниками "Великого Святого"? *Хоттук Оокпроузе*, или *Нана Оокпроузе*, "проклятые люди" или "проклятые существа", по их словам, владеют темными областями Запада; первые сопровождают добродетельных и оказывают им покровительство; а вторые подобным же образом сопровождают порочных и имеют власть над ними. Несколько воинов рассказали мне, - говорит он, - что их *Нана Иштохулло*, "сопутствующие Святые Духи", или ангелы, предупредили их, как по наитию, об опасной засаде, которая, должно быть, сопровождалась верной смертью, когда они были одни и, казалось бы, вне опасности; и, повинувшись импульсу, они немедленно бросились прочь и с огромным трудом избежали коварного преследующего врага".

Все северные индейцы очень суеверны относительно существования фей. Одно из их племен, чепевIANцы, говорят о расе, которую они называют *нант-и-на*, которую, по их словам, они часто видят и которая, как они предполагают, населяет различные элементы земли, моря и воздуха в соответствии с их различными качествами. Той или иной из этих фей они обычно приписывают любое изменение в своих обстоятельствах к лучшему или к худшему; и, поскольку к такому образу мышления их привело исключительно искусство фокусников, не существует такого понятия, как какой-либо общий способ веры; ибо эти фокусники настолько сильно отличаются друг от друга в своих рассказах об этих существах, что тем, кто верит всему, что они говорят, ничего не остается, как менять свое мнение в соответствии с волей и капризом фокусника, который почти ежедневно рассказывает о какой-нибудь новой прихоти или экстраординарном событии.

Все, что нелегко понять, - это дух. У индейцев племени Крик Кнут-слабовольный - это дух; Джек-Фонарь - то же самое; и в отношении последнего они согласны с остатками индейцев Массачусетса, которые верят, что это облик, который принимает Злой Дух, посещая сынов человеческих. Пожилая индианка, которая некоторое время жила прислужкой в семье моего отца и обладала всеми подлинными чертами индийского характера, чуть не забилась в конвульсиях, зацепившись за несколько прутьев, вынесенных из дома, когда появился один из этих метеоритов.

Тонти в своем отчете об экспедиции Де ла Салля говорит: "Они настолько экстравагантны, что верят, что у каждой вещи в мире есть дух. Именно на этом принципе основаны все глупые суеверия их жонглеров или Маниту, которые являются их священниками или фокусниками".

ДВА ПРИЗРАКА.

Давным-давно, много веков назад, недалеко от берегов озера Верхнее жил охотник, который считался самым бесстрашным и опытным в своем деле из всех охотников дикой природы. Его вигвам, построенный с учетом потребностей природы, которые всегда проявляются в расположении индейской деревни или жилища, находился в отдаленной части леса, на расстоянии многих дней пути от любого другого жилья. Здесь, в одиночестве и без кровопролитного духа войны, который отличал мужчин его племени, его дни текли подобно тихому течению реки, у которой нет водопада. Светлое время суток он проводил в благородных развлечениях охоты, а вечера - в рассказах своей красивой и ясноглазой жене о

происшествиях, случившихся с ним в тот день на охоте; или он подробно описывал то, что случилось с ним до того, как она стала звездой его любви; или он говорил об их долгожданной и взаимной любви; или он любовно рисовал сцены будущего блаженства; или он держал на коленях и прижимал к сердцу маленький залог их любви, который теперь, впервые, начал осмеливаться передвигаться по полу его каюты без помощи рук. чтобы поддерживать его. Поскольку дичи тогда было в изобилии, он редко забывал принести домой вечером запас мяса, которого им хватило бы до следующего вечера; и, пока они сидели у уютного очага в своем домике, вкушая плоды его труда, он рассказывал эти истории и навязывал те предписания, которые каждый добрый индеец считает необходимыми для обучения своей жены и детей. Это было его занятием, это были его удовольствия. Кто мог желать лучшего или благороднее, чем первое? кто желал сильнее или чище, чем последнее? Вдали от всех источников беспокойства, окруженные всем, что они считали необходимым для своего комфорта, нежно любящие и, следовательно, совершенно счастливые, их жизни протекали едва ли в меньшем блаженстве, чем у бестелесных духов добра в Счастливых Тенях. Сердце охотника никогда не испытывало мук раскаяния, ибо он был справедливым человеком во всех своих поступках. Он никогда не нарушал законов своего племени, вторгаясь в охотничьи угодья своих соседей или забирая то, что не принадлежало ему по праву. Ни один оскорбленный охотник не подстерегал его, чтобы отомстить за вмешательство в его права, ни один надменный вождь не подходил к двери его вигвама, чтобы сказать: "Чиппева, верни то, что ты украл". Никакие сны о славе, которую можно снискать на войне — о частых убийствах безобидных женщин и детей или даже о стойких воинах, равных ему по силе и доблести, — не танцевали перед его глазами, наполняя его сон кровавыми образами и ужасными зрелищами. Белый человек еще не успел вселить в сознание бедного индейца тягу к вещам, которые были не нужны, пока они не были известны; его еще не научили, что одежда и одеяла необходимы для его комфорта или что дичь нельзя убивать без ружей. Шкура буйвола, лося, медведя и оленя служила для защиты от жары и холода, а лук и стрелы хорошо заменяли ружье, особенно когда на них наводились твердая рука и безошибочный глаз индейского охотника. Имея тогда, не больше, чем сейчас, возможности валить большие деревья, каменные топоры, которыми пользовались у нас, когда белые люди высаживались на наших берегах, отвечали всем простым целям индейской жизни. Железо и порох, которые вместе с другим фатальным даром уже привели к почти полному и вскоре приведут к полному вымиранию расы, предоставив нам более надежный способ уничтожения, еще не нашли своего пути в эти отдаленные и мирные леса, и белый человек не вылил этот еще один фатальный дар, свой гневный флакон с жидким огнем[35] на землю. наша преданная индийская раса. Наши потребности были тогда невелики, легко удовлетворялись и полностью зависели от белых людей.

Мирно текла жизнь охотника чиппева, счастливого в своем невежестве, но еще более счастливого в своей простоте. Полностью полагаясь на руководящую заботу всемогущего Великого Духа, которому он всегда служил, ни тревожный страх перед нынешней нуждой, ни опасения за будущее не наполняли его грудь. Его жизнь была такой же невозмутимой, как поверхность озера в летний штиль.

Однажды вечером, в зимний сезон, когда землю покрыл снег, а воды Большого озера сковал лед, случилось так, что этот счастливый охотник-чиппева задержался на улице намного позже обычного. Его жена сидела одинокая в своей палатке и начала волноваться, опасаясь, что с ним случилось какое-то несчастье со смертельным исходом. Тьма уже скрыла лик природы, и сгущающийся мрак лежал на челе ночи. Она внимательно прислушалась, пытаясь уловить

звуки приближающихся шагов, но ничего не было слышно, кроме свиста ветра по бокам их стройного домика и скрипа ветвей окружающего леса дубов и сосен. В этом напряженном ожидании проходило время; он не приходил, и каждое мгновение усиливало ее страхи и усугубляло одиночество в ее сердце. Прижимая к груди маленький залог их взаимной любви, она сидела, считая каждое пролетевшее мгновение, с трудом сдерживая слезы и напевая их отрывками из каких-нибудь простых песен, которые все сыны земли привыкли использовать, чтобы скоротать часы, утомленные каким-нибудь мимолетным происшествием. Наконец ее сердце не выдержало, и она разразилась глубокими и пылкими слезами. Внезапно она услышала звук приближающихся шагов по замерзшей поверхности снега. Не сомневаясь, что это, должно быть, ее любимый муж, она быстро расстегнула петлю, удерживавшую дверь вигвама на внутреннем засове, и, распахнув ее, увидела двух незнакомых женщин, стоящих перед ней. Она не могла колебаться, каким путем идти. Она предложила им войти и согреться, зная, что, судя по расстоянию до ближайшей хижины, они, должно быть, прошли долгий путь. Когда они вошли, она пригласила их остаться. Вскоре она заметила, что они были совершенно чужими в этой части страны, и чем внимательнее она изучала их манеры, одежду и достойное поведение, тем сильнее росло ее убеждение, что они были людьми необычного характера. Никакие усилия, никакие уговоры не могли заставить их подойти поближе к огню; они заняли свои места в отдаленной части вигвама и натянули одежду на себя таким образом, что почти полностью скрыли свои лица. Они казались застенчивыми и неразговорчивыми, не разговаривали и оставались неподвижными, как камни, вросшие в землю. Иногда, хотя и очень редко, можно было мельком увидеть их лица, которые были бледными и мертвенно-бледными, даже мертвенного оттенка. Она увидела, что их глаза были живыми, но запавшими, скулы так выступали, как будто с них сошла вся плоть, и все их лица, насколько можно было судить, были истощенными и бесплотными. Видя, что ее странные гости, которых она теперь начала сильно бояться, избегают всяких разговоров и, по-видимому, стремятся скрыться от посторонних глаз, она воздержалась от расспросов и сидела молча, пока не вошел ее муж. Его увели дальше обычного в погоне за дичью, но он вернулся с тушей большого и очень жирного оленя. Не успел он разложить свою добычу на полу своей хижины, как таинственные женщины воскликнули: "Смотрите! какое прекрасное, жирное животное!" - тут же подбежали они и оторвали куски белейшего сала, которые съели с большой жадностью. Поскольку это считается самой отборной частью животного и обычно, по индейской вежливости, предоставляется на долю хозяина вигвама, такое поведение показалось охотнику очень странным. Предположив, однако, что они долгое время были без еды, поскольку он приписывал их крайнюю худобу и отвратительный вид голоду и лишениям, он воздержался обвинять их в грубости, и его жена, следуя примеру своего мужа, была столь же сдержанна в выражениях. На следующий вечер повторилась та же сцена. Он принес домой лучшие куски убитого им оленя, и, когда он, согласно обычаю, клал их перед своей женой, две самки снова подбежали и оторвали, как и в первую ночь, самые отборные и нежные куски, которые они съели с тем же рвением и неутолимой жадностью, что и раньше. Такое невежливое поведение, такие неоднократные злоупотребления его гостеприимством были рассчитаны на то, чтобы вызвать неудовольствие охотника, но все же почтение, подобающее странным гостям, побудило его промолчать. Заметив их пристрастие к этой части животного, он решил на следующий день предвосхитить их желания, отрезав и связав каждому по порции жира. Эти свертки он положил поверх своей ноши и, как только вошел в вигвам, раздал каждой ее порцию. Тем не менее гости казались недовольными и взяли еще из туши, лежащей перед женой. Многие люди подавили бы эту дерзость каким-нибудь взглядом, словом или действием, но этот человек, будучи человеком

справедливым и благоразумным, не склонным к провокациям и терпеливым к разного рода невзгодам, воздерживался от любого из них. Возможно, он был более расположен к этому спокойному духу снисхождения из-за подозрения, что его гости были людьми выдающегося положения, которые решили таким образом нанести ему визит в переодетом виде, а также из-за размышлений о том, что с тех пор, как таинственные незнакомцы поселились под его крышей, ему сопутствовала удача на охоте.

В остальном поведение женщин было безупречным, хотя и отмеченным некоторыми особенностями. Они были тихими, скромными и осмотрительными. Весь день они хранили настороженное молчание, не произнося ни слова и не двигаясь, но, завернувшись в свои кожаные накидки, оставались в углу своего вигвама. Когда темнело, они вставали и, взяв те инструменты, которые затем использовались для разбивки и приготовления топлива, отправлялись в лес. Там они занимались поиском сухих веток и обломков деревьев, поваленных ураганами. Когда их было собрано достаточно, чтобы хватило до следующей ночи, они отнесли их домой на своих плечах; затем, аккуратно расставив все по своим местам в вигваме, они вернулись на свои места и погрузились в нарочитое молчание. Они всегда старались возвращаться со своих ночных трудов до рассвета и, как было известно, никогда не уходили до наступления сумерек. Таким образом, они в какой-то мере отплатили охотнику за доброту и освободили его жену от ее самых тяжелых обязанностей.

Так прошла почти вся зима, и каждый день приводил к какому-нибудь новому проявлению характера или проявлению дружеских чувств, которые вызывали расположение сторон друг к другу. Их лица с каждым днем утрачивали тот мертвенный оттенок, который поначалу отличал их, и они заметно прибавляли в силе. Они начали отчасти сбрасывать с себя ту холодную сдержанность и неприступную аскетичность, которые так долго держали охотника в неведении относительно их истинного характера. С каждым днем их внешний вид и поведение все больше приближались к поведению обычных существ. Однажды вечером охотник вернулся очень поздно, проведя день в изнурительных нагрузках. Он снова положил добычу своей охоты к ногам своей жены, и снова молчаливые самки начали отрывать мясо, как и прежде, хотя и с еще большей грубостью и невоспитанностью. Терпение жены лопнуло окончательно, она больше не могла сдерживать свои чувства и позволила мысли промелькнуть у нее в голове: "Их поведение, безусловно, очень странное! как я могу это больше выносить!" Она, однако, не выразила свои чувства словами. Но в женщинах была замечена немедленная перемена. Они стали необычайно замкнутыми и подавали явные признаки беспокойства в своем положении. Добрый охотник сразу заметил эту перемену и, опасаясь, что они обиделись, как только они удалились отдыхать, он спросил свою жену, не срывалось ли с ее губ в течение дня какое-нибудь резкое выражение. Она ответила, что не произнесла ничего, что могло бы хоть в малейшей степени оскорбить ее. Теперь он пытался успокоиться и заснуть, но чувствовал беспокойство, потому что отчетливо слышал вздохи и полузадушенные причитания двух женщин. С каждой минутой он все больше убеждался в том, что его гости глубоко оскорблены, и, поскольку он не мог выбросить эту мысль из головы, он приподнялся на своем ложе и обратился к рыдающим обитателям так:

"Скажите мне, вы, женщины, которые так долго были обительницами моей ложи, что причиняет вам душевную боль и заставляет вас непрерывно испускать эти вздохи? Давала ли вам моя любимая жена какой-нибудь повод обидеться, пока я отсутствовал на охоте? Мои опасения убеждают меня, что в какой-то неосторожный момент она забыла о правах

гостеприимства и употребила выражения, неподобающие таинственному характеру, который вы, по-видимому, поддерживаете. Скажите мне, вы, пришельцы из чужой страны, вы, женщины, которые кажутся не от мира сего, — что причиняет вам душевную боль и заставляет вас испускать эти непрестанные вздохи?"

"Не об этом мы плачем; не об этом мы вздыхаем", - ответили таинственные женщины. "С тех пор, как мы поселились в вашем гостеприимном домике, по отношению к нам не было употреблено ни одного недоброго выражения. Мы получили от вас все нежное внимание, на которое могли рассчитывать, гораздо больше, чем можно разумно требовать от человека, который добывает себе пропитание и поддерживает свою семью жизнью, полной непрестанного труда. Мы благодарим вас за всю вашу доброту. Нет, дело не в этом: мы плачем не о себе. Мы плачем о судьбе человечества. Мы оплакиваем судьбу смертных, которых смерть поджидает на каждом этапе их существования — слабых смертных! которых смерть одинаково убивает, пока на их щеках расцвет юности и когда их волосы побелели от морозов времени, — гордых, тщеславных людей! которых щиплет голод, сковывает холод, а бедность истощает — хрупкие существа! которые рождаются в слезах, которые воспитываются в слезах, которые умирают в слезах, и весь чей путь отмечен на иссушенных жаждой песках жизни широкой полосой слез. Именно по ним мы плачем.

"Ты сказал правду, брат; мы не от мира сего. Мы Духи из страны мертвых, посланные на землю, чтобы испытать искренность живых. Мы скорбим не о мертвых, а о живых. Мы скорбим не о мертвых, чья плоть спокойно покоится в прахе, а души возвращаются в обители счастья, но о живых, которые подвергаются многим, многим страданиям и окружены бесчисленными неприятностями и тревогами. Вашей жене ни в коем случае не было необходимости выражать свои мысли словами; мы знали их до того, как они были произнесены. Мы увидели, что на этот раз в ее сердце зародилось недовольство нами. Этого достаточно — наша миссия окончена. Мы пришли сюда, чтобы испытать тебя. Еще до того, как пришли, мы знали, что ты добрый муж, любящий отец, умеренный и честный человек. Из особняков благословенных мы видели терпение, с которым вы переносили свои разочарования на охоте; благодарность Великому Духу, которую вы всегда проявляли; дань его доброте, которую вы всегда отдавали, когда ваша охота была успешной и вы могли вернуться в свою хижину с богатствами леса. И все же мы находим, что у вас есть некоторые слабости смертного, а ваша жена в наших глазах выглядит еще более недостойной. Но мы плачем не только о вас, мы плачем о судьбе человечества.

Часто, очень часто овдовевший муж восклицал: "О смерть, как ты жестока, как безжалостна, отнимая у меня моего лучшего друга, мою любимую жену, весной ее юности, в расцвете ее сил, утром ее полезности, в расцвете ее красоты! Как раз тогда, когда я узнал ее лучше всех и полюбил ее больше всех, ты забрал ее из моих рук, оставив меня томиться в бесплодных сожалениях. Если ты позволишь ей, просто рассуди! за то, что ты снова вернулась в мои объятия и снова стала звездой моего скромного жилища, моя благодарность никогда не прекратится; моя благодарность будет ежедневно проявляться в песнях и жертвоприношениях твоему имени. Высокий холм услышит крик человека с глиной в волосах, и долина наполнится дымом жертвенного пламени. Я буду постоянно возвышать свой голос, чтобы поблагодарить Владычицу Жизни за возвращение в мои объятия его превосходного дара. И для нее это возвращение принесет безграничное счастье. Я посвящу свое время изучению того, как я могу наилучшим образом способствовать ее счастью, пока ей позволено оставаться, и наши жизни будут течь, подобно приятному ручью в цветущей долине. "Если родитель лишился ребенка,

ставшего дорогим благодаря его невинности и любящим игры чувствам, он говорил, в то время как слезы катились по его щекам: "Великий Маниту, вернешь ли ты это любимое дитя еще на несколько лет в мое лоно? Оно было совсем юным и маленьким. Его голос, более мягкий, чем дыхание весны, не облакал нежные интонации в слова. Я не слышал, чтобы оно благодарило меня за дар жизни; это был цветок, распутившийся в бутоне. Если ты позволишь ему вернуться, его научат петь тебе хвалу; его заставят идти прямым путем; он будет справедливым охотником и истинным воином". Осиротевший возлюбленный умолял Великого Духа вернуть его умершую возлюбленную: его прошение раскрасило очарование ее голоса, сладкого, как южный ветер; ее походки, легкой и грациозной, как у олененка; ее локонов, вьющихся, как виноградные гроздья. И "О! - сказал он. - Нарушит ли гармонию твоего организма, если она сможет хоть ненадолго вернуться в мои объятия; если хотя бы на несколько, очень немногих лет она сможет осветить темноту моего жилища блеском своих глаз и доставить радость моей душе мягкими тонами своего голоса и звуком своих шагов?" Точно так же мать молилась за свою дочь; жена - за своего мужа; сестра - за своего брата; друг - за своего закадычного друга, пока звуки траура и крики живых не проникли в самые глубины души умершего. Среди тех, кто желал возвращения своих ушедших друзей, было много тех, кто был жесток и недоброжелателен к ним при жизни. Они не преминули пообещать самое милое поведение, если их родственникам будет разрешено вернуться.

"Великий Дух, наконец, согласился испытать их искренность, послав нас на землю в очень суровое время года и во времена всеобщего дефицита. Он сделал это, чтобы увидеть, как нас примут, пришедших как незнакомцев, никто не знает откуда. Было необходимо, чтобы были предъявлены такие строгие доказательства. Нам было отпущено три месяца на это испытание; и если бы в течение этого времени не было проявлено никаких раздражающих чувств, не было возбуждено никаких гневных страстей в том месте, где мы должны были поселиться, все те в стране духов, кого их родственники пожелали вернуть, были бы возвращены им. Мы уже прошли более половины отведенного нам времени и уже осмелились надеяться на успешное завершение нашей миссии. Если бы ваша жена сохранила те чувства незамутненного великодушия и доброты, которые до сих пор отличали ее поведение, выкуп был бы полным. Когда на листьях начнут распускаться бутоны, а птицы запоют свои сладкие песни любви и запоют свои нежные песни благодарности за возвращение их любимой весны, наша миссия будет успешно завершена. Тогда умершие муж и жена были бы возвращены каждый в объятия своего ликующего партнера, девушка - в объятия своего нежного возлюбленного, младенец - в объятия своей обожающей матери. Но теперь слишком поздно. Наше испытание завершено, и мы призваны в приятные поля и прекрасные тени, откуда мы пришли. Мы скорбим не о тех, кто остается в этих тенях; не о душах, которые мы оставили в обители счастливых духов, а о вас, оставшихся на земле.

"Братья, необходимо и подобающе, чтобы один человек умер, чтобы освободить место для другого, который родится на его месте; в противном случае мир был бы переполнен. Справедливо, что добро, собранное одним, должно быть оставлено для раздела другим, ибо в стране духов нет нужды. В этой стране нет ни горя, ни голода, ни смерти, ни боли. Перед глазами расстилаются живописные поля, изобилующие дичью, а на каждом кусте поют птицы самых красивых форм и оперения. Каждый ручей полон жирной рыбы, а каждый холм увенчан рощами деревьев, плоды которых сладки, приятны на вкус и красивы для глаз. Никакие пронизывающие ветры не терзают кости, никакие бури, никакие вихри не терзают слух. Для развлечения были изобретены всевозможные игры и много, очень много инструментов для

игры. Не здесь, брат, а *там* люди начинают жить по-настоящему. Мы плачем не о тех, кто радуется в этих прекрасных рощах, а о вас, оставшихся позади.

"Брат, прими нашу благодарность за твое гостеприимство. Не сожалею о нашем отъезде. Мы уходим не в гневе ни на тебя, ни на твою жену. Не бойся зла. Удача по-прежнему будет сопутствовать тебе на охоте, и ясное небо будет царить над твоим вигвамом. Не скорби о нас, ибо из слез не взойдет зерно; но присоединяйся к нам в скорби о судьбе человечества. Скорбите о смертных, которых смерть подстерегает на каждом этапе их существования; которых смерть одинаково убивает, когда на их щеках расцвел румянец юности, и когда их волосы побелели от морозов времени; о гордых, тщеславных людях, которых щиплет голод, сковывает холод, а бедность истощает; о хрупких существах, которые рождаются в слезах, вскармливаются в слезах, умирают в слезах, и весь путь которых отмечен на иссушающих песках жизни широкой полосой слез. Именно по ним мы плачем".

Духи умолкли, но охотник не мог совладать со своим голосом, чтобы ответить. Пока они продолжали свою речь, он увидел, как от их лиц исходит свет, и постепенно голубая дымка наполнила всю сторожку неестественным светом. Как только женщины замолчали, воцарилась глубокая и плотная тьма. Он прислушался, но рыдания духов прекратились. Он услышал, как открылась и закрылась дверь его палатки, но больше он никогда не видел своих таинственных посетителей. Их обещание не было забыто; он добился успеха, о котором они говорили. Он стал самым знаменитым охотником и никогда не нуждался ни в чем, необходимом для его отдыха. Он стал отцом многих детей, все из которых выросли взрослыми, и наградой за его гостеприимство были здоровье, мир и долгая жизнь.

ВИДЕНИЕ ВОЖДЯ АБНАКИ.

Вангеваха, великий вождь абнаки, во время одной из своих охотничьих вылазок прилег в тени величественной ели на берегу бурного озера, у которого он родился, и дух сна овладел им. Ему приснился сон, подобный которому никогда прежде не снился краснокожим людям леса. Эта мечта сбылась; каждая ее частица была исполнена; все было совершено на моих собственных глазах, и слова были сказаны в мои собственные уши. Послушайте сон Вангевахи, великого военачальника абнаки.

Он увидел далеко на востоке, над поверхностью вод, белое облако, которое, казалось, гонимое сильным ветром, приближалось к берегам той самой земли, в которой жили абнаки. Вдоль его нижней оконечности виднелся узкий контур необычайной черноты, и время от времени облако становилось больше или становилось меньше, то увеличивалось, то уменьшалось, по мере того как ветер или другие причины раздвигали его или сжимали. Наконец, ветер, который до этого дул в сторону суши, изменил направление и подул в другую сторону, но, как ни странно, облако не было отнесено назад, а продолжало свой путь вперед, вопреки ветру, и таким образом обогнало облако.

На берегу, с чрезвычайным и безраздельным интересом наблюдая за перемещением облака, стояло множество сынов леса. Изумление охватило их души при виде странного и доселе неслыханного зрелища низкого, плотного, темного облака, быстро движущегося против сильного ветра. Они увидели, что он был необычной формы и что с ним были связаны другие

обстоятельства, необычные для воздушных туманов. Справедливо приняв это за облако из каких-то очень далеких краев, возможно, за какого-то воздушного вестника, посланного Великим Духом сообщить важное поручение, они с молчаливым благоговением ожидали продвижения того, чему они не могли дать названия. И все же, полагая возможным, что мрачная война в какой-то из тысячи своих форм может быть скрыта под подобием облака, что враждебные существа могут населять то, что казалось разреженным воздухом, они приготовились противостоять насилию насилием и встретить битву мужественной битвой. Одни пошли вырезать новые древки для копий, другие - прочные и эластичные луки. Жрецы готовили жертвы, чтобы умилостивить духа, если это был дух, и пели умилостивительные песни, в которых они сначала называли его добрым Духом и благодарили его как такового за жирных оленей и лосей, которых он посылал в их охотничьи угодья, и за сочную рыбу, наполнявшую их воды, и за нежных птиц, которыми были наполнены их озера. Затем они обратились к нему как к Духу Зла, осуждая его гнев и взывая к его милосердию, умоляя его, если он пришел в гнев, уйти и выпустить свой яд в другом месте; если он пришел принести им богатые дары, поторопиться с этим, ибо такое никогда не приходит слишком рано.

Тем временем облако с каждым мгновением приближалось, пока, наконец, не оказалось на расстоянии полета стрелы от берега. Затем постепенно оно исчезло, и вместо него появилось большое животное с бесчисленными руками и ногами всех размеров и форм, всевозможной длины и нескольких цветов. На различных частях ног и рук этого странного животного сидели другие животные, чей внешний вид не походил ни на одно другое существо, когда-либо виденное индейцами. В некоторых отношениях они носили характер человека — были одарены его силой и мудростью, его могуществом и способностями — по очереди становились жертвой похоти, честолюбия, ненависти, отчаяния, мести - начинали жизнь со слез и умирали со вздохом. Их ядовитые клыки были подобны змеиным, их хитрость - хитрости лисицы, а их свирепость - свирепости горной кошки или пантеры. Они казались очень проворными и прыгали по ногам и рукам более крупного животного, подобно белке, перепрыгивающей с одной ветки дерева на другую. Один бежал вверх по веревке, пока она не достигла одной из рук; другой таким же образом соскользнул вниз; третий взгромоздился на середину высоты; четвертый бегал взад и вперед по спине животного. Наконец, одно из маленьких животных сбросило большую веревку, к которой было прикреплено огромное раздвоенное дерево, и это послужило для того, чтобы связать животное покрупнее, которое очень сильно каталось, словно в тщетных попытках освободиться от рабства, которому они его подвергли.

Через некоторое время было замечено животное поменьше, отделяющееся от большего, как детеныш покидает свою мать, похожее по форме на большее, но не имеющее ни рук, ни ног; и на спине этого животного многие зверьки поменьше стремились к берегу. Прибыв на место, они предстали взорам изумленного Абнакиса в облике, который спящему показался обликом пантеры, принявшей облик человека, но свирепой и безжалостной, какой никогда не водилось в дебрях реки Абнакис. С этим свирепым и жестокосердным нравом сочетались хитрость, превосходящая лисью, и злобность, превосходящая гремучую змею. Однако их свирепость, а также злобность и дикая свирепость их натур были скрыты под маской миролюбия. Они смеялись, и ухмылялись, и делали другие вещи, которые делают смертные, когда они довольны или притворяются довольными, заставляя ничего не подозревающих абнаки думать, что они их очень хорошие друзья, в то время как они только и ждали случая разорвать их на части. И их характер не был полностью скрыт маской, которую эти никчемные и злобные твари надели только для того, чтобы обмануть бедного краснокожего человека. Время от времени пантера

показывала свои зубы, а гремучая змея - свою злобу, хотя хитрость лисы вскоре набрасывала завесу на одно и заглушала шум другого.

Поистине странными были тела, нравы и предрасположенности животных, которые таким образом проходили во сне перед глазами спящего вождя. Он видел, что они наделены привычками и чувствами людей, поскольку они, казалось, были одарены их способностями и приобретениями. У них было мужество, но не такое, как у абнаки, не то мужество, которое находит удовольствие в опасном положении и встречает трудности только ради чести преодолеть их, а в другой, менее активной форме - в выносливости. И их мудрость и могущество были больше, чем мудрость и могущество жрецов Абнакиса, которые могли черпать воду из облаков и предсказывать приближение бурь (1). Мудрость и могущество странных зверей были очень велики — они были хитрее лисы или бобра и сильнее медведя.

Среди этих зверей было одно необыкновенной красоты, которое, казалось, было их королевой. У нее был облик статной женщины. Она была одета не так, как обычно одеваются звери, в мех, а в одеяние из неизвестного материала, доходившее до ее ног, которые были окутаны вуалью такой тонкой текстуры, что сквозь нее просвечивала чистая плоть, и обута не в мокасины, а во что-то другой формы. Вокруг ее головы была обвита виноградная лоза, с которой свисали красивые гроздья сочного, спелого винограда, вперемешку с прядями волос, оттенком напоминавшими желтый лист. Ее круглые и пухлые руки были обмотаны браслетами из очень яркого материала, а на длинных и тонких пальцах красовались кольца со сверкающими камнями различных и чрезвычайно ярких оттенков — зелеными, синими, фиолетовыми, белыми. В одной из своих тонких рук она держала небольшой пучок зерна, такого сорта, которого абнаки никогда раньше не видели, но колосья которого были изогнуты, как крылья ястреба, парящего над своей добычей, или птицы, садящейся на свой насест. Та же прекрасная рука держала инструмент, с помощью которого он был собран. В другой руке она держала огромную раковину и трехгранный скипетр - эмблемы ее власти над стихией, которая поддерживала облако, на котором она прилетела. На груди у нее был щит, на котором было нарисовано изображение двух животных, у одного из них была лохматая грива, и оба выглядели чрезвычайно свирепыми и воинственными. На этом щите были другие рисунки и устройства, которые даже изобретательность жрецов не могла объяснить. В целом, внешний вид существа, животного или чего бы то ни было, что видел сновидец Абнакис, был чрезвычайно благороден и прекрасен. Те, кто пришел с ней, говорили, что она была гением страны за Великой Водой, духом-хранителем острова, более могущественного, чем весь остальной мир. И, несомненно, великая сила была написана на ее лице, и властный приказ был выгравирован в чертах ее лица.

Затем Вангеваха увидел, и существо, также имевшее облик женщины, вышло из тени и столкнулось лицом к лицу с незнакомцем. Она была еще выше ростом, чем та, другая, и того же цвета лица, что и жители этой страны, ее кожа была красной, волосы черными, глаза сияли, походка еще более благородной и повелительной, а осанка более гордой и надменной, чем у той, кто казалась ее младшей сестрой. Ее волосы, длинные, прямые и черные, ниспадали на плечи до самых ног; ее мокасины были самых ярких цветов, а бусы, ракушки и вампум в изобилии украшали ее фигуру. Над ее головой возвышались перья канье, или боевого орла, и раскрашенного стервятника, в руках она держала копье и связку стрел. На одном ее плече висел лук, а на другое была небрежно перекинута дичь, убитая ее стрельбой из лука. Ее одеяние было сшито из мехов самых веселых лесных животных, а ее эмблемами были початок кукурузы и оленьи рога. Она двигалась величественно, как дикий лебедь на спокойном озере или черное

облако над вершиной горы; и смелость ее поведения и свирепость ее глаз сильно контрастировали с мягкостью и изнеженностью ее младшей и более хрупкой сестры.

Вскоре эти две сестры заговорили друг с другом, и бесхитростная и ничего не подозревающая душа одной сильно контрастировала с хитростью другой. Сказал незнакомец той, которая была родом из этой страны: "У тебя самая прекрасная земля".

"Это действительно самая красивая земля", - ответил другой.

"Там высокие горы".

"Его горы очень высоки".

"Здесь много красивых и быстрых рек".

- Так и есть.

— Его солнца...

"Ты светел, как глаза голубки".

— Его ветры...

"Нежный, как дыхание юной девушки".

— Мне кажется, я хотел бы жить в твоей хижине, безудержно бродить по твоим зеленым полянам и в мечтательном и ленивом покое слушать веселую музыку твоих водопадов.

"Делай, и тебе будут рады", - ответил смуглый, но прекрасный, суровый, но бесхитростный гений страны.

"Разве ты не знаешь, что мы сестры?" - спросила светлоглазая и светлокожая незнакомка.

"Нет, я этого не знала", - ответила она из пустыни.

- Да, и у нас есть еще двое — ты, самый младший, и я, твой следующий по старшинству. Я пришел сюда, чтобы направлять твои шаги и оказать тебе свою помощь в украшении этого края, столь прекрасного самого по себе, и дать тем, над кем ты правишь, свет знания, которое я принес в мои собственные царства. Я привел с собой тех, кто идет по моим стопам, куда бы я ни пошел".

"Это хорошо", - ответил гений дикой природы. "Возьми из моих земель столько, сколько захочешь. Выбери для себя самые красивые места — сделай мой народ своим — ты говоришь, что мы сестры, и я верю тебе, потому что люблю тебя — сестры должны жить вместе в мире и любви. Берег вон той реки очень плодороден".

"Это действительно очень плодородно", - ответил странный гений, и ее лицо просветлело, когда она оглядела прекрасное место, на которое было обращено ее внимание.

"Ты получишь это в свое распоряжение", - ласково сказала старшая сестра.

"Ты очень добр", - ответил другой. "Что ты делаешь с этой широкой, красивой и быстрой рекой?"

- Это дает пищу моему народу. В летние луны видны легкие каноэ моих любимых краснокожих людей, скользящие по нему в стремительной погоне за осетром; рыбы, резвящиеся в его прозрачной груди, самые сладкие во всех водах моих обширных владений".

"Я бы хотел, чтобы эта река была моей", - сказал бледный гений.

"Я могу пожертвовать этим", - любезно ответил тот. "Это твое".

"Вон то красивое озеро", - сказал младший. "Какая спокойная и невозмутимая его поверхность!"

"Это очень красивое озеро, но ты не видел его в самое прекрасное время года", - ответил старец. "Ты бы видел его, когда оно колышет широкое море водяных лилий, белых, как зимний снег, или когда мириады веселых диких птиц скользят по его ровной поверхности или садятся на его прозрачную грудь, чтобы полакомиться. Тогда это действительно красиво — очень красиво".

"Река и озеро должны течь вместе", - сказал младший.

"Они должны, - ответила она, - и я не буду той, кто разлучит их. Я отдаю тебе озеро".

"Насколько выше всех гор моего родного края то, что я вижу вдаль, в стране теплых бризов!"

"Эта гора действительно очень высока", - ответил темный Гений.

"У меня есть благородная река с цветущим берегом, возвышающимся над ней, и у меня есть ровное озеро, но ты не дал мне гору, к прохладному и освежающему бризу которой я мог бы укрыться, когда жаркие и палящие солнца лета вторгаются в низины. Я хотел бы — ты сочтешь меня жадным, как ястреб или цапля, — я хотел бы иметь какое-нибудь такое местечко, чей ветерок, когда он благотворно влияет на здоровье, побуждает душу к великим поступкам, и в чьих диких и неприступных крепостях, которые с незапамятных времен были хранителями свободы, слабые могут найти приют, а измученные угнетением - убежище".

"Возьми себе гору и назови, что еще у тебя будет".

- Только еще несколько рек и еще несколько долин, которые ты легко можешь выделить, и еще одна гора для дальнейшего убежища, и еще несколько озер, где можно разводить больше дикой птицы, и один—два леса, где водятся олени, и часть Большого озера, где можно держать моих китов, - ничего больше, кроме того, что это будет еще одна долина, и еще одна гора, и еще одна река, и еще кусочек моря.

Темный Гений страны улыбнулся *ограниченности* желаний своей младшей сестры и ответил, что она может избавить их от всех. Итак, младшая сестра присвоила себе самые высокие горы, и самые приятные долины, и самые широкие озера, и самые быстрые реки, и большой кусок моря для ловли китов, и несколько лесов, изобилующих оленями, и сказала: "Она взяла так мало, что едва ли стоит благодарности".

Затем сновидец увидел во сне, что по ее приказу странные звери, появившиеся в облаке, вышли вперед, чтобы завладеть им. С каким злорадством смотрели они на прекрасные дары, которые были сделаны им добрым духом страны! И какими благодарными они казались, и какими чрезвычайно добрыми и нежными они были к бедным индейцам! Они нежно гладили их по головам одной рукой, а другой освобождали от гнетущей ноши - бобровых шкур и кукурузы - действительно, они были слишком добры. Затем, чтобы доставить им еще большее

удовольствие, они изготовили горящую воду[36], которую они распространили среди них, заверив их в ее способности создавать приятные образы в уме и заставлять яркие видения танцевать перед глазами тех, кто ее пьет. Индейцы пили, как им было велено, и осознали предсказанный эффект. Каким замечательным лекарством была крепкая вода! Под его мощным воздействием зеркало души расширилось, и тысячи образов, до тех пор невидимых, поплыли перед мысленным взором. Тогда человек мог бы получить определенные указания на объект, который он должен выбрать в качестве своего духа-покровителя, и поразить своих братьев лекарством странных пропорций и огромной силы. И секреты страны душ - как пройти по "узкому мосту через страшную реку" и как сдерживать гнев собаки, которая охраняет ее в том месте, где проходит гурон, — как пройти по острой и отвесной скале, на которой чипева находит вход в свою страну покоя, — все это и многое другое, чего нельзя достичь никакими другими способами, было изучено у сильных вод, данных абнаки странным духом. И Вангеваха, сновидец, пробудился ото сна, протер глаза и погрузился в глубокие размышления о том, что может предвещать этот сон.

Он снова погрузился в сон, и снова ему приснился сон. По-прежнему ему снились странные существа, пришельцы на его землю и узурпаторы прав ее коренных сынов. Но они множились, пока их число не стало подобно песку на морском берегу. В воображении он стоял на высоком холме и окидывал взглядом широкие земли под ним. Как они изменились! Леса были сметены, земля очищена от поросших мхом старых дубов, высоких сосен и кедров, но там, где они когда-то поднимали свои покрытые листвой головы навстречу небесному ветру, теперь возвышались хижины, белые, как складки облаков, и сверкающие на солнце, как слой льда в зимний день. Широкая и быстрая река, так же как и воды Большого озера, была отмечена полосами белой пены из-за множества облаков, пересекавших ее, как то, что он видел в своем первом сне. Высокие горы были изрезаны, как грудь татуированного воина (2), дорогами, которые проложили по ней чужеземцы. Долины колыхались желтой пшеницей, а стада ручных бизонов отдыхали на поросших травой холмах или стояли группами у выхода из полей, которые трудолюбивые пришельцы окружили каменными изгородями.

А что стало с прежними обитателями этой земли? где были те смуглые люди, которые встретили странных существ на берегу и радушно встретили их, и дали им жир моря и суши для пропитания, и теплые меха, чтобы защитить их от пронизывающих ветров Снежной Луны, и научили их, как идти по следам лесных животных и много ночей подряд безошибочно прокладывать свой путь через пустынную местность, по течению ручьев и течению рыбы, и свету Звезды Охотника, и мху на дубах, и полету птиц? Слушай, и я тебе расскажу.

Он видит на берегу ручья, заросшего густой ольховой рощей и пышными виноградными лозами, индийских мужчину и женщину. Женщина держала на руках умирающего ребенка — у ног мужчины лежала тощая и голодная собака. В глазах одного была глубокая задумчивость, а в глазах другого - всепоглощающая скорбь. Теперь охотник бросал взгляд в глубины реки в тревожных поисках признаков приближения финнов; теперь он прикладывал ухо к земле по обычаю своего народа, когда они могли уловить звук шагов.

"Видел ли ты что-нибудь в потоке, который ищет твой глаз?" - дрожащим голосом спросила жена, устремив свой блестящий черный глаз, увлажненный слезой, на своего голодного младенца.

"Я ничего не видел в течении", - ответил охотник. "Сеть чужеземца выудила из воды то, что частично было пищей наших племен, когда он впервые познакомился с этими берегами. Зазубренное копье больше не поднимает спящего морского окуня; индеец забрасывает свой крючок в некогда многолюдный ручей, но тот возвращается с нетронутой наживкой".

"Уловило ли твое чуткое ухо какой-нибудь звук в лесных дебрях?" - спросила любящая мать, и слезы обильным потоком потекли по щекам ее маленького ребенка.

"Мое ухо не уловило ни звука в лесных лабиринтах", - ответил охотник. "Как это могло случиться? Незнакомец не оставил ничего, кроме мыши и крота, да и то немногих из них. Он смел любимые уголки безграничной красоты леса, проворных оленей, и никого не осталось на полянах, где когда-то они были гуще звезд. Медведь, и волк, и пантера не любят своего хитрого брата и ушли еще глубже в лес. Дикая утка теперь кормится только в глубоких водах, мать учит свой выводок, что смерть подстерегает за поросшим лесом берегом".

- Тогда этот маленький ребенок, твой и мой, наш первенец, умрет от голода. Но подумай сам. Я вижу вон там, среди высоких деревьев, хижину, белизна которой говорит нам о том, что там поселился один из разорителей наших радостей".

— Неужели ты хочешь, чтобы сын Алкномука, сын законного лорда, который сам является законным лордом этих обширных земель, просил хлеба у чужеземца?

"Я бы просил об этом не ради спасения твоей или моей жизни, но чего бы я только не сделал, чтобы спасти жизнь этого прекрасного младенца, которого Великий Дух даровал по моим молитвам, когда шестьдесят лун я жила в твоей хижине опозоренной женщиной"(3).

"Поэтому душа индийского воина не должна склоняться перед мастером. Я не могу просить".

- Что за сон приснился тебе в последнюю Червивую Луну?

- Ты правильно говоришь — это была месть с помощью мальчика. Сын Алкномука смирит свою гордыню — он сотрет боевую раскраску, которую нанес на свое лицо так глубоко, насколько память о нанесенных им обидах тяготит его сердце, и он будет умолять незнакомца дать ему еды для его малыша".

Тем не менее спящий вождь продолжал следить за происходящим. Он увидел ослабевших и изможденных индейцев в жилище гордого незнакомца. Незнакомец сидел у двери своей высокой хижины и так обращался к одиноким изгоям:

"Почему ты осмелился вторгнуться на мою землю, поранить мои прелестные цветы своими грубыми ногами и напугать мои стада своими пронзительными криками?"

Сын леса уже собирался яростно ответить, когда до его слуха донесся жалобный стон его умирающего от голода ребенка, и он сдержал бурю гнева, поднимавшуюся в его груди.

"Твои глаза - глаза совы при дневном свете", - спокойно ответил он. "Они видели то, чего не было. Сын Алкномука не повредил цветов бледнолицего и не напугал его стада своими пронзительными криками. Не дашь ли ты мне кусочек еды для моего умирающего от голода ребенка?"

"Убирайся, индейская собака!" - сказал гордый и жестокий человек. "Здесь тебе нечего есть".

- Но мой ребенок умрет от голода.

"Если твой ребенок умрет от голода, у него будет меньше красной кожи. Возвращайся в свои леса и пасись с волками и пантерами, твоими достойными товарищами".

Душа сурового, но великодушного воина наполнилась гневом и духом мести, когда он излил свои чувства выразительным языком своего народа. "Не так говорили абнаки усталым, нагим и голодным людям, которые приходили к их берегам и умоляли их предоставить им приют", - сказал он. "Мы давали им пищу из наших собственных ртов и брали шкуры, которыми были ограждены наши вигвамы, чтобы защитить их от ветров холодной луны". И он не умолкал до тех пор, пока не обличал на бледнолицых гнев Великого Духа за раны, которые они нанесли индейцам.

Ах, что же такое вызывает слезы на глазах мечтателя и вздохи в его измученном сердце? Он видит мать-индианку, лежащую мертвой на опушке леса. На ее руке лежит маленький ребенок, а рядом с ними, опираясь на лук, стоят муж одной и отец другой. Горе согнуло его настолько, насколько может быть согнута душа индейца — в его глазах нет слез, но горе написано на чертах его лица буквами непрекращающейся агонии. Некоторое время он созерцает сцену смерти в суровом молчании, но вскоре воспоминание о нанесенных ему обидах давит на его душу и побуждает к действию. Он вскакивает на ноги, и его пронзительный боевой клич разносится по лесу, как эхо от стука дятла по дуплистому буку. Его глаза вспыхивают огнем, когда он хватает свое боевое копье, а его смех, когда он рассматривает свой хороший ясеневоый лук, подобен крику голодной пантеры. Разве он не жаждет мести? Посмотри на это пламя! Он разжег его. Послушайте, как плачут многие над зарезанными трупами своих друзей, которые легли отдыхать с наступлением темноты и проснулись до того, как солнце взошло над холмами в тени долины смерти. Горько, глубоко, смертоносно отомстил сын Алкномука за себя и за обиды своего народа.

Сновидец снова увидел, и по-прежнему ему снилась земля, где он жил. Он увидел двух сестер-гениев, сидящих на том же месте, где он впервые увидел их. Она, уроженка далекого края, все еще сохраняла красоту и грацию, которые были присущи ей, когда ее маленькая ножка впервые коснулась зелени доселе нехоженого острова. Вокруг ее головы все еще была обвита виноградная лоза, усыпанная сочными, спелыми гроздьями, среди которых виднелись спутанные пряди волос, по оттенку напоминавшие желтые листья. Ее круглые и пухлые руки по-прежнему были обмотаны блестящими браслетами, а длинные и тонкие пальцы украшены сверкающими кольцами. Сноп колосющегося зерна по-прежнему был символом ее власти, а раковина и скипетр - другими. Но в ней больше не было того просящего вида, который отличал ее поначалу. Гордость и надменность, повелевание и угнетение были теперь написаны на ее лице и руководили ее жестами.

Рядом с ней стоял другой Гений, дух страны, ее старшая сестра — но, о, как она изменилась! Ее некогда блестящие черные локоны теперь непричесанными падали на плечи, некогда красиво округленные, но уже не округлые; ее мокасины были порваны и запачканы, а на запястьях и лодыжках отсутствовали яркие украшения из бисера и ракушек, украшавшие их во времена ее процветания и гордости. Перья канье, или боевого орла, и раскрашенный гриф больше не возвышались над ее головой, а с плеча исчезла эмблема расы, над которой она властвовала, - лук и стрелы.

Вскоре эти две сестры заговорили друг с другом. Та, кто была жительницей этой земли с того самого момента, как Птица Веков посадила ее в лоно вод, сказала другой:

"У тебя самая прекрасная земля".

"Это действительно прекраснейшая земля", - ответила другая, гордо окидывая взглядом пространство у себя под ногами.

"Там высокие горы".

"Его горы очень высоки".

"Здесь много быстрых и красивых рек".

- Так и есть.

— Его солнца...

"Светлы, как глаза голубки в луне бутонов".

— Его ветры...

"Нежный и благоухающий бальзамом, как дыхание юной девушки".

"Я хотел бы жить в твоей хижине, безудержно бродить по твоим зеленым полянам и слушать в дремотном покое музыку твоих веселых водопадов".

"Ах, ты, конечно, хотел бы, но неужели ты думаешь, что я позволю тебе?" - ответила она, которая когда-то была чужестранкой в этой стране, но больше не была чужестранкой.

"Разве ты не знаешь, что мы сестры?" - робко спросил темный Гений.

"Нет, я этого не знал", - ответил другой.

"Мы есть, и так ты сказал, когда пришел на белом облаке, и я дал тебе холмы, и горки, и реки, и озера, и поляны, и часть моря".

"Тем глупее ты, что допускаешь, чтобы кто-то отнял у тебя твое честное имущество".

"Я считал тебя нуждающейся, и тогда разве ты не была моей сестрой?"

"Если ты и был, то я забыл об этом", - надменно ответил тот. "Если ты оказал мне услугу, то твоя дерзость вспомнить о ней более чем аннулировала обязательство. Отойди от меня и не позволяй мне больше видеть твое лицо".

Темный Гений удалился по приказу своей надменной сестры, и вождь абнаки проснулся и рассказал свой сон своему племени. Разве это не сбылось? Взгляни на землю и ответь. Раса красных людей исчезла с лица земли, как исчезают снега под лучами весеннего солнца или оттенки пурпура и золота на западном небосклоне с приближением темноты. Красного человека теперь можно найти только в областях Звезды Охотника, куда бледнолицый не осмеливается заходить.

Примечания.

(1) *Предсказывать приход бурь.*—с. 308.

Индийские фокусники — я сейчас не говорю о тех, кто притворяется, что лечит болезни, — иногда преуспевают в своих фокусах до такой степени, что почти обращают в свою веру скептиков. Следующую историю рассказывает интересный Резчик.

"Однажды, когда мы все выражали свои пожелания относительно этого желанного события (прибытия торговцев с провизией) и смотрели с возвышенности в надежде увидеть, как они прибывают через озеро, главный жрец, принадлежащий к банде киллистино, сказал нам, что он попытается переговорить с Великим Духом и узнает от него, когда придут торговцы. Я не обратил особого внимания на это заявление, предположив, что оно может оказаться результатом какого-нибудь жонглерского трюка, достаточно замаскированного, чтобы ввести в заблуждение невежественных индейцев. Но царь этого племени сказал мне, что это было предпринято главным образом жрецами, чтобы облегчить мое беспокойство и, в то же время, убедить меня, насколько велик его интерес к Великому Духу, и я счел необходимым воздержаться от своих неприязненных высказываний по поводу его замысла.

Для этой духовной конференции был назначен следующий вечер. Когда все было должным образом приготовлено, король подошел ко мне и отвел в просторную палатку, полóg которой был поднят, чтобы сделать происходящее внутри видимым тем, кто стоял снаружи. Мы обнаружили, что палатка окружена большим количеством индейцев, но нас легко пустили, и мы уселись на шкуры, расстеленные на земле специально для этой цели. В центре я заметил, что там было место продолговатой формы, состоящее из кольев, воткнутых в землю с промежутками между ними, так что образовывалось нечто вроде сундука или гроба, достаточно большого, чтобы вместить тело человека. Они были среднего размера и располагались на таком расстоянии друг от друга, что все, что находилось внутри, было легко различимо. Палатка была прекрасно освещена множеством факелов, сделанных из щепок, вырезанных из сосны или березы, которые индейцы держали в руках.

Через несколько минут вошел священник; когда на земле, прямо у моих ног, была расстелена удивительно большая лосиная шкура, он улегся на нее, предварительно сняв с себя всю одежду, кроме той, которую носил близко к поясу. Лежа теперь на спине, он сначала взялся за одну сторону шкуры и накинóл ее на себя, а затем за другую, оставив непокрытой только голову. Как только это было сделано, двое молодых людей, стоявших рядом, взяли около сорока ярдов прочной веревки, также сделанной из лосиной шкуры, и туго обмотали ее вокруг его тела, так что он был полностью закутан в шкуры. Будучи таким образом связанным, как египетская мумия, один взял его за пятки, а другой за голову и перенес через ограду в ограду. Теперь я мог также различать его так же ясно, как и до сих пор, и старался ни на минуту не отводить глаз от предмета, стоявшего передо мной, чтобы легче обнаружить уловку; в том, что таковой она окажется, я не сомневался.

Священник пролежал в таком положении не более нескольких секунд, когда начал что-то бормотать. Это он продолжал делать еще некоторое время, а затем постепенно становился все громче и громче, пока, наконец, не заговорил членораздельно; однако то, что он произносил, было на таком смешанном жаргоне языков чиппева, оттава и киллистино, что я мог понять лишь очень немногое. Продолжая в таком тоне довольно долго, он, наконец, довел свой голос до

предельной громкости, иногда бредя, а иногда молясь, пока не довел себя до такого возбуждения, что у него пошла пена изо рта.

Пробыв на этом месте почти три четверти часа и продолжая свои крики с неослабевающей энергией, он, казалось, совершенно обессилел или лишился дара речи. Но в одно мгновение он вскочил на ноги, несмотря на то, что в тот момент, когда его положили, казалось, что он не может пошевелить ни ногами, ни руками; и, стряхнув с себя покрывало так быстро, как если бы ленты, которыми оно было перевязано, сгорели, он начал обращаться к тем, кто стоял вокруг, твердым и внятным голосом. - Братья мои, - сказал он, - Великий Дух соизволил побеседовать со своим слугой по моей настоятельной просьбе. Он, правда, не сказал мне, когда придут те, кого мы ожидаем, но завтра, вскоре после того, как солнце достигнет высшей точки в небе, придут каноэ, и люди в нем сообщат нам, когда придут торговцы.

Сказав это, он вышел из ограды и, надев свою мантию, распустил собрание.

"Признаюсь, я был сильно поражен увиденным; но поскольку я заметил, что все глаза в компании были прикованы ко мне с целью выяснить мои чувства, я тщательно скрыл все эмоции.

На следующий день ярко светило солнце, и задолго до полудня все индейцы собрались вместе на возвышенности, возвышавшейся над озером. Старый король пришел ко мне и спросил, настолько ли я уверен в том, что предсказал священник, чтобы присоединиться к своему народу на холме и ждать его завершения? Я сказал ему, что не знаю, какое мнение составить о предсказании, но что я с готовностью последую за ним. С этими словами мы вместе направились к месту, где собрались остальные. Все взгляды снова были прикованы по очереди ко мне и к озеру; когда, как раз когда солнце достигло зенита, что соответствовало предсказанию священника, примерно в лиге от нас из-за мыса показалось каноэ. Индейцы, едва увидев это, подняли всеобщий крик и, судя по их виду, восторжествовали в том интересе, который их священник, очевидно, питал к Великому Духу".

Некая мадам де Марсон рассказывает, что однажды она очень беспокоилась за своего мужа, который в то время занимал пост в Акадии; он все еще отсутствовал, хотя назначенное время его возвращения уже прошло. Индианка, видя, что мадам де Марсон встревожена, спросила ее о причине этого и, узнав, сказала ей, поразмыслив некоторое время, чтобы не расстраивать себя, что ее муж вернется в такой-то день и в такой-то час, назвав обоих, в серой шляпе на голове. Поскольку она поняла, что дама не поверила ее предсказанию, она вернулась к ней в назначенный день и час и спросила, не придет ли она посмотреть на прибытие своего мужа, и так настойчиво уговаривала ее следовать за ней, что в конце концов привела ее на берег реки. Едва они прибыли туда, как Монс. де Марсон появился в каноэ в серой шляпе на голове и, узнав о случившемся, заверил их, что он совершенно не понимает, каким образом индианка могла узнать день и час его прибытия.

Другая хорошо засвидетельствованная история успешного жонглерства изложена в "Истории Виргинии", второе издание которой вышло в 1722 году. "Несколько лет назад, - говорит автор, - в верховьях рек, особенно в верховьях реки Джеймс, было очень засушливое время, где у полковника Берда было несколько кварталов негров. Этого джентльмена долгое время чрезвычайно уважали и боялись все окрестные индейцы, которые, не зная имени ни одного губернатора, всегда поддерживали с его помощью порядок. Во время этой засухи к полковнику

подошел индеец, хорошо знакомый одному из надсмотрщиков, и спросил, не портится ли его табак. Надсмотрщик ответил: да, если бы не очень внезапный дождь. Индеец, который изображал большую доброту по отношению к своему хозяину, сказал надсмотрщику, что, если тот пообещает дать ему две бутылки рома, он принесет ему достаточно дождя. Надсмотрщик ничему не поверил, не заметив в то время ни малейшего намека на дождь, ни даже облачка на небе; однако он пообещал дать ему рома, когда его хозяин придет туда, если тот сдержит свое слово; после этого индеец немедленно *разрыдался*, как они это называют; и примерно через полчаса в небе поднялась черная туча, которая пролила достаточное количество дождя на кукурузу и табак этого джентльмена, но совсем не на кого-либо из соседей, за исключением нескольких капель рома. юбки из душа".

Полагая, что эти рассказы об индейском *диаблери* не будут неинтересны читателю, я расскажу еще один. Она скопирована с экспедиции Лонга к истоку реки Святого Петра. "Около двадцати лет назад большая группа индейцев, собравшаяся у озера Трэверс, была совершенно без табака; не зная, как его раздобыть, они обратились к Татанканадже (Стоящему Буйволу), довольно известному пророку и дяде нынешнего вождя кахров. Этот человек обычно носил с собой маленького каменного идола, вырезанного в форме человека; он называл его своим маленьким человечком и всегда обращался к нему, когда с ним советовались по поводу его профессии. Татанканадже, которого попросили посоветовать наилучший способ добывания табака, ответил им, что если они пойдут в определенное место, которое он им указал, они найдут его идола и, осмотрев его, заметят в его руке кусочек табака. Они сделали, как он им сказал, и обнаружили в руке маленького человечка кусочек длиной около четырех дюймов; его принесли в лагерь, и считалось, что это во многом делает честь как пророку, так и идолу; но затем Татанканадже заметил, что он посоветуется с маленьким человечком и выяснит, где он нашел табак и как он к нему попал. Для этого он задавал ему вопросы, на которые тот делал вид, что слышит ответы, хотя из многих присутствующих никто, кроме него самого, их не слышал. Смысл этих ответов, однако, как он впоследствии сообщил им, заключался в том, что в одном месте на реке Святого Петра, недалеко от реки Редвуд, стояла лодка, груженная товарами; что ее командир, французский торговец, был убит индейцами сиу, команда была встревожена и убежала, оставив лодку без охраны вместе с ее грузом, состоящим в основном из табака; что маленький человек видел ее и, найдя кусочек табака в бочонке, принес его наверх. Пророк пригласил их поискать его, и они отправились на место, нашли лодку, взяли табак и вернули остальные товары первым французским торговцам, которые прошли вверх по реке. Это событие произошло, как нам сообщили, в присутствии Ренвиля и Френьерса, двух известных французских торговцев, обоим считали умными и просвещенными людьми; они были отцами двух торговцев-полукровок, с которыми мы были знакомы. История приводится со всеми подробностями, которые только можно пожелать; имя владельца лодки было Бенджамин Ла Готери, имя, хорошо известное в этой стране. С тех пор эта история не теряет актуальности. Торговцы, которые, по-видимому, верят в это, утверждают, что пророк не мог посетить это место и вернуться незамеченным, поскольку расстояние превышает сотню миль; от кого он получил свои сведения, они так и не узнали. Что касается самих Дакотов, они никогда не считали возможным, что это могло быть мошенничеством пророка, но полностью приписывали это его мистическим знаниям.

В другом случае Татанканадже приобрел большую репутацию благодаря предсказанию, что он возглавит военный отряд; что в назначенный им день и в определенном месте, которое он описал, он наткнется на лагерь из пятнадцати лож ассинибойнов; что он атакует и разгромит их,

убьет определенное количество врагов и возьмет в плен указанное количество людей: аналогичным образом он предсказал потерю жизней, которая сопутствует этой победе. Событие оправдало, как говорится, предсказание; не только в отношении общих результатов, но даже в отношении обстоятельств времени, места, количества убитых и раненых с обеих сторон и количества пленных, взятых у врага. Конечно, к столь ценному пророку постоянно прибегали для возвращения украденной собственности или товаров, которые были утеряны, для получения сведений о судьбе путешествующих людей, для излечения от болезней и по всем таким другим важным вопросам, в отношении которых доверчивость как цивилизованных, так и диких людей побуждает их охотно прислушиваться к уловкам мошенников. Говоря о его таланте возвращать собственность, мы сожалеем, что можем упомянуть лишь обстоятельство, при котором предмет, поставленный на карту, был очень незначительным. Кто-то осмелился украсть уздечку пророка; она была спрятана в вигваме, которая была одной в лагере из ста вигвамов. Пророк взял в руку зеркало и обошел деревню, пока, как он сказал, не увидел отражение потерянной уздечки в своем зеркале; он вошел в соседнюю хижину и вернул свое имущество.

"Они не только пророчествуют, но и демонстрируют фокусы, все это они приписывают успеху своих заклинаний. Мы в долгу перед мистером Чарльзом Хессом, французским торговцем, с которым мистер Сэй несколько раз беседовал в форте Сент-Энтони, за рассказ о трюке, проделанном ассинибойном. Фокусник утверждал в присутствии мистера Хесса, а также в присутствии многих индейцев, что он может заставить воду течь в пустой бочонок, хотя в это время он может находиться в сухой прерии и на расстоянии от любого источника или ручья. Мистер Хесс сказал ему, что не верит ему, но что, если ему это удастся, он подарит ему бочонок виски, индеец предложил повторить трюк. Он показал им свой бочонок, они осмотрели его и пришли к выводу, что он пустой. Пробка была удалена, бочонок перевернут, и жидкость из него не вытекла. Затем индеец начал свои заклинания, подняв свой бочонок к небесам, пританцовывая и совершая множество бессмысленных жестов; после чего он поднес его присутствовавшему индейскому вождю, попросив его выпить воды, которая в нем содержалась; последний отпил из него, нашел его очень вкусным и передал своему соседу; бочонок пустили по кругу, к великому удовлетворению всех индейцев, которые выпили его содержимое, и даже мистер Хесс убедился, что в бочонке действительно чистая вода".

(2) *Татуированный воин.*—с. 316.

Это выражение вряд ли можно употреблять по отношению к племенам, к которым относится рассказ. Татуировка в том смысле, в каком о ней обычно говорят, никогда, насколько я узнал, не использовалась среди индейцев, населяющих территорию, которая сейчас называется Новой Англией.

Среди тех племен, у которых эта практика распространена, процесс нанесения татуировки выполняется людьми, которые превращают это в прибыльный бизнес. Их инструмент состоит из трех или четырех игл, привязанных к усеченному и сплюсненному концу палки таким образом, что кончики могут образовывать прямую линию; желаемый рисунок рисуется на коже, и немного растворенного пороха или измельченного древесного угля накалывается инструментом в соответствии с рисунком. Говорят, что это не больно, но иногда сопровождается воспалением и лихорадкой и, как известно, заканчивается смертельно.

(3) *Опозоренная женщина.*—с. 319.

Не иметь детей - это один из самых глубоких и несмываемых позоров, который может вынести индийская жена. Она становится постоянной темой насмешек для представителей своего пола, которые благословлены детьми. Гордость и честь родителей среди них зависят от численности их семьи. Еще одна причина, по которой бесплодие является позорным, заключается в том, что считается, что оно вызвано недержанием мочи или преднамеренными абортами.

КОНЕЦ ВТОРОГО ТОМА.

ЛОНДОН:

Ф. ШОБЕРЛ, июнь., ЛЕЙЗЕНБИ КОРТ, ЛОНГ-АКР.

СНОСКИ:

[1] Маленькие Мудрые люди, Бобры, так их называют Ассинибоины. Индейцы, хотя и убивают это животное при любой возможности, тем не менее считают его едва ли уступающим человеку в мудрости. Кусочек его кожи, или лапы, или любая другая его часть считается очень мощным "лекарством" или амулетом.

[2] Смотрите это суеверие в "Последней сказке".

[3] Индейцы всегда придают телесную форму Высшему Существу, и в каждом случае, о котором я слышал, предполагая, что у него человеческий облик, представляйте его с каким-нибудь покрывалом на голове. С момента своего знакомства с белыми людьми они неизменно принимали это покрывало за шляпу.

[4] Чесапикский залив.

[5] Смотрите Традиционный *пост*.

[6] Большая часть индейцев Западного континента считает себя потомками ленни ленапе или их колониями и, следовательно, дает этому племени эпитет "дедушка". У некоторых племен есть традиция, согласно которой они пришли из-за Скалистых гор.

[7] Онагара, Ниагара: первое - индийское произношение названия этого знаменитого водопада.

[8] Смотрите примечание, касающееся мамонта в традиции "Пришествия Миквона".

[9] Опьяняющие бобы.—Посмотрите Первую экспедицию Лонга в Скалистые горы.

[10] Смотрите традицию, озаглавленную "Долина светлых древних обитателей".

[11] Когда индеец хочет выразить свое восхищение музыкой, он сравнивает ее с пением Пересмешника. Когда зимой 1828 года Виннабагои посетили Филадельфию, они отправились в театр на Чеснат-стрит послушать пение миссис Найт: один из вождей, желая выразить свой восторг, сорвал орлиное перо и послал его ей через кассира с сообщением, что "она была скво-пересмешницей". - *Американская газета*.

[12] *Физический орех*, или индийская оливка. Индейцы, отправляясь в погоню за оленями, носят этот плод с собой, полагая, что он обладает способностью очаровывать или привлекать к себе это существо.

[13] Кнопка *snakeroot*.

[14] Табак.

[15] Испанцы.

[16] Куропатка - распространенная у индейцев фигура, выражающая трусость.

[17] Северное сияние, *северное сияние*.

[18] Млечный путь.

[19] Название, данное индейцами мехам.

[20] Положите топор под изголовье кровати - индейскую фигурку, означающую, что мир долго не продлится.

[21] Ночевка - это остановка в определенном месте сроком на один год.

[22] Шошони, племя, живущее к западу от Скалистых гор, чтобы показать искренность своей профессии, снимают мокасины перед тем, как выкурить трубку мира, действие, которое обрекает их на вечные страдания ходить босиком, если они не верят своим словам.

[23] "Великий огонь совета" означает всю землю, которой владеет нация.

[24] Мичабу обычно является индийским Нептуном: иногда, однако, под этим названием подразумевают Великого Духа.

[25] Горы.

[26] Змеиные холмы, Скалистые горы. Я уже упоминал индийское суеверие, согласно которому гром - это шипение огромного змея, обитающего в этих горах.

[27] Глухой голос—эхо.

[28] Мартас-Винъярд, маленький остров на побережье Новой Англии.

[29] Сова. Смотрите "Традицию", том 1. стр. 61.

[30] Ручей в округе Барнстейбл, в отношении которого эта традиция распространена среди индейцев.

[31] Индейцы, как я уже отмечал ранее, считают мир островом и всегда говорят о нем как о таковом.

[32] Гейхед, у которого есть меловой утес.

[33] См. Примечание, том i, стр. 59.

[34] См. Примечание, том i, стр. 253.

[35] "Гневный сосуд жидкого огня" - это буквальный перевод слова Чиппева, обозначающего пылкий дух.

[36] Горящая вода, пылкие духи, обычно называемые ими "пожирателями огня".